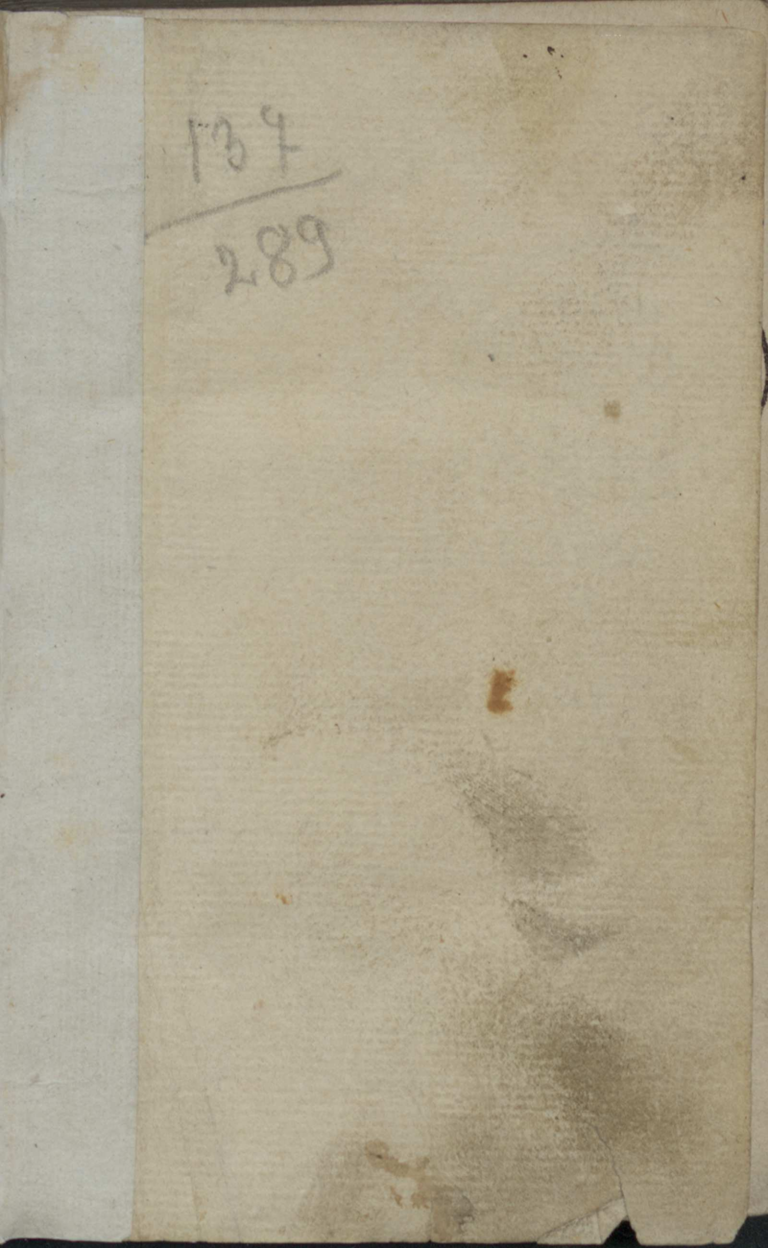

137
289

ИСТОРІЯ

о

разореніи

ТРОИ

столичнаго града

ФРИГІЙСКАГО ЦАРСТВА,

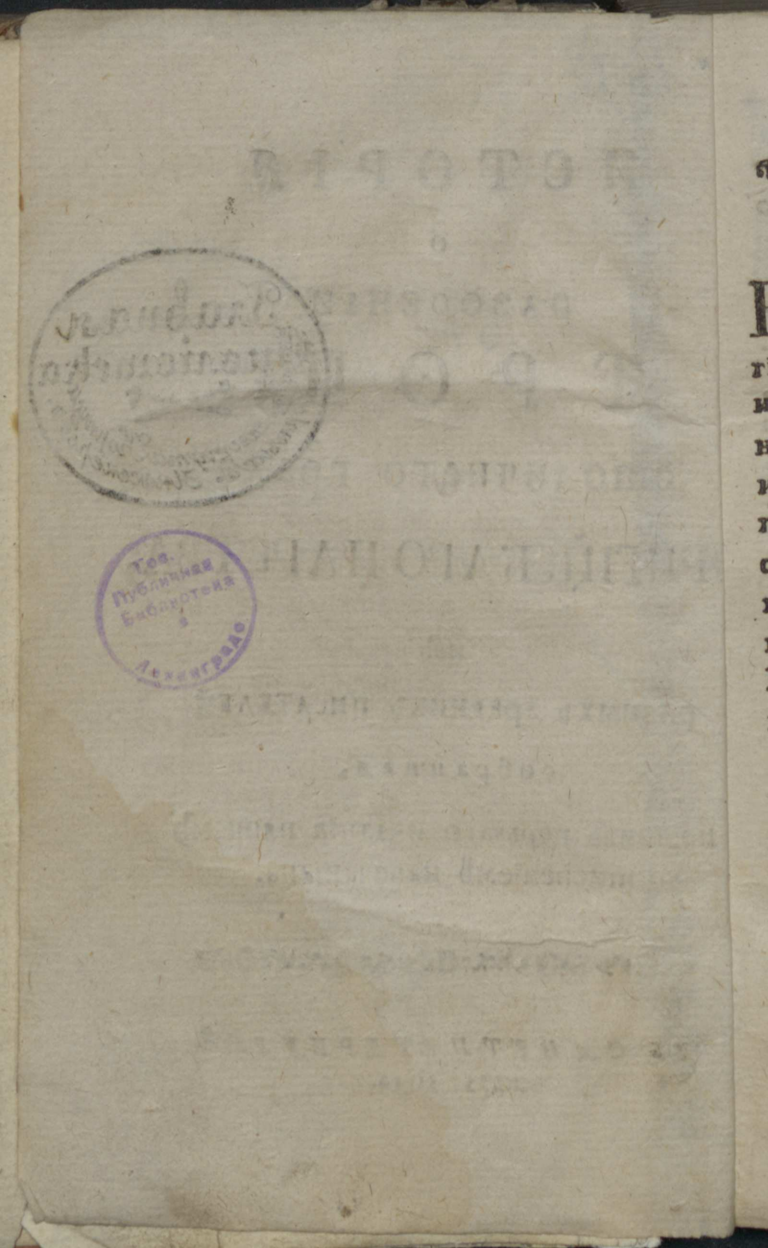
изъ

разныхъ древнихъ писателей

собранная,

противъ перваго изданія пятымъ
тисненіемъ напечатана.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1775 года.


Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Содержаніе.

Въ сей Історіи содержится описаніе о разореніи града Трои Фригїйскаго царства, и о созданіи его, и о великихъ ополчительныхъ бранехъ, како ратовашася о ней Царіе и Князи вселенныя; и чего ради толико и таковое царство Троянскихъ державцовъ низвержеся, и въ поле запустѣнія положися всеконечнымъ разореніемъ? и которые паки Царіе и Князи ратоваша онуюу, и кои ополчахуся за ню, и колико время ратовахуся, и кто отъ нихъ на брани паде, и коимъ оружіемъ, и чьимъ пораженіемъ? Вся сія здѣ подробну описуются.

Писаша же ю первые Історики, Дитъ Грекъ, и Фригій Дарій, истинніи свидѣтели ополченіямъ Троянскимъ, зане они сами бяху на бра-

нехъ

нехъ списатели и самовидцы бывшему въ сложенiи дѣлъ своихъ. Сего ради право и написаша ю.

Потóмъ же въ различныя времена, Гомеръ, Виргилiй, и Овидiй Соломенскiй кождо ихъ написаша ю, но не истинно; многiя бо въ нихъ несогласiя и басни обрѣтошася, наипаче же Овидiй Соломенскiй баснословно зѣло написа: ибо введе боги, ихъ же почиташе древнее Еллинство, помогающiя Грекомъ, воюющимъ Троянъ, и съ ними бывшiя на брани, яко живые человѣки, и иная многая тамо баснословиша. А сiя истинная и правая Iсторiя Дитомъ Грекомъ написана.

О Царѣ Пелеи, приводящемъ Язона, да пошлется добыти златое руно.

Въ царствѣ Ѳессалїйстѣмъ, егоже жители Мирмядоняне нарицахуся, царствоваше Царь нѣкїй благороденъ и правдивъ, именемъ Пелей, съ супругою своею Царицею Ѳетидою, отъ ихъ же супружества произыде мужъ толико силенъ, толико смѣлъ, именемъ Ахиллесъ, иже послѣди на Троянстѣй брани чудная мужества храбростїю силъ своихъ показа, и Мирмядонянъ своихъ вознесе, и въ храбрости

паче

паче прочихъ прослави подвигомъ военачалія своего. Отецъ же его Царь Пелей, имѣ у себе брата старѣйша себе, именемъ Язона, прежде его царствующа царствіемъ державы Ѳессалійскія, иже долголѣтнымъ своимъ пребываніемъ зѣло состарѣвся, и крѣпцѣ изнеможе, и отъ великія оныя старости очи ему омрачистася. И сего ради правленію царства Ѳессалійскаго быть не ключимъ, и великимъ недоумѣніемъ одержимъ, и болѣзньми многими отягчеваемъ, отдаде правленія своего скипетръ Пелею, брату своему; вручилъ же ему, яко присному брату, и сына своего. Имяше бо Царь онъ сына у себе, именемъ Язона, зѣло во отроческихъ лѣтахъ, и наказа о немъ прилѣжно Пелея, брата своего, предъ всѣмъ сигклитомъ и предъ граждансы своими, да попеченіе преискренне покажетъ о воспитаніи юнаго.

И егда, рече, приспѣетъ отрочà въ возрастъ юношества своего, да предастъ ему царство Ѳессалійское, яко истинному наслѣднику. Царь же Пелей обѣщася сотворити тако, и клятвами яко же узами себе связа, еже соблюсти царство Ѳессалійское, и предати оное сыну его. Тогда Царь Язонъ старый вѣнча Пелея брата своего на царство Ѳессалійское. И пріемъ юнаго своего сына, и плакався вельми предаде его брату своему. Самъ же не по многихъ днехъ умре, и плачь великъ по себѣ остави Мирмядоняномъ. Царь же Пелей по смерти его нача веліе попеченіе и пріязнь имѣти о сынѣ его Язонѣ, поминая обѣщаніе свое и союзъ присвоенія, милуя вельми дѣтскій возрастъ его, имяше бо въ чести велицѣй, яко сына своего любезнаго и преискренняго, донелѣже онъ младъ бяше. А егда

же приспѣ въ возрастъ юношества своего, бысть мужъ вельми храбръ и силенъ, смѣлъ же и мужественъ, къ тому же и преимѣющъ своею красотою надъ всѣми по премногу сїяше, еще же свѣтлодушенъ бяше, и великодаровитъ ко всѣмъ являшеся, и добротою нрава всѣхъ повинуя къ себѣ, и вси людїе вельми любляху его, и не меньши Царя Пелея во всемъ почиташа Язона. Царь же Пелей видѣвъ его отъ всѣхъ любима и великопочитаема, внутреннею завистїю скорбяше нань, помышляя абїе власти своея отпаденїе, и царства Ѳессалїйскаго лишенїе. И сего ради ненавистну мысль зачатъ на Язона, лицемѣрїемъ же честь и любовь къ нему показуя, въ сердцѣ же своемъ сокровенъ имяше ядъ зависти, хотя лукавствомъ погубити его, но бояшеся народа, зане вельми любляше Язона. Язонъ же Царя

Пелея

Пелея вельми любляше и предпочиташе, яко преискренняго отца. Онъ же ненавидяше его, яко истиннаго врага, и прилѣжно о томъ поучашеся, пути многія изыскуя, како бы могъ погубити его безъ срамоты своего поползновенія.

Въ то же время слуху такову раздавшуся по всей вселенной, яко есть за границами царства Троянскаго островъ нѣкій великъ и красенъ, въ немъ же царствуя живяше Царь нѣкій благороденъ и богатъ, именемъ Оетесъ. Противу же сего острова другій бяше островъ малъ, именемъ Колхида, мало гребію отстоящъ отъ великаго острова. На семъ островѣ Колхидѣ живяше нѣкій овенъ, его же руно все бѣ злато. Стояше же той овенъ въ великихъ волшебныхъ устроеніяхъ, поставленъ за стреженіемъ бога Аррисa; къ сему же приставлени бѣша

волы нѣкія, пламени огненныя отрыгающе. И хотящему коему отъ человѣкъ онаго златоруннаго овна имѣти, съ тѣми волы надлежало братися, и побѣдивши ихъ подъ иго работы понудити, и землю ону, на нейже волы оны бяху, изорати. И сицевая аще сотворитъ, ко иному подвигу абіе мужественнѣ да ополчится. Еще бо иматъ змія нѣкоего чешуею грозна, пламенемъ огненнымъ дыхающа, и съ нимъ брань спустивши убити его подобаетъ, и отъ челюстей зубы его извлещи, и посѣяти на предреченной землѝ отъ воловъ изоранной, и отъ сего сѣмени, еже есть отъ зубовъ змїевыхъ, плодъ абіе израститъ, зане скоро вооруженнїи нѣцыи воини отъ землѝ родятся, и между себѣ брань дивну сотворятъ, и сами себе погубятъ. Сими убо бѣдственными пагубами, а не иными тезями можашеся имѣти зла-

тое

тое руно. И въ сихъ хотящимъ братися Царь Оетесъ свободенъ даяше приходъ ко златорунному оному поисканію всякому приходящему, зане самъ всячески получити его не возможе. Тогда отъ всѣхъ странъ прихождаху къ нему Князи и вельможи, и сынове ихъ, многою храбростію свѣтлїи воини, хотяще имѣти себѣ онаго златорунааго овна и не возмогоша, и не сокровищное угодіе себѣ снискаша, но конечнаго убійства претыканіе взыскаша, и лютѣ погибоша ничтоже получивше.

Да яко убо Царя Пелея слухъ дойде о семъ, иже долго желаше погубленія Язонова, на то воздвиже сердце и духъ прилѣжно внемля, яко сею виною паче можетъ погубити безъ срамоты своего поползновенія. Призвавъ убо его къ себѣ, и сицевыми словесы

 начатъ

начатъ увѣщевати его, глаголя: О прелюбезный и дражайшій Язоне, пресвѣтлый и благородный сыне мой, вѣсть бо благородіе твое, яко азъ тя по наказанію отца твоего любезно воспитахъ, яко истиннаго и любезнаго своего сына, поминая родственную любовь союза братска, юже имѣхъ ко благородному отцу твоему и къ тебѣ, щадя юность благородія твоего; нощїю бо и днїю не даяхъ покоя духу моему, яко да достойна и свѣтла самодержца покажу тя царству Ѳессалїйскому, тѣмъ же и не погрѣшихъ надежды, якоже непщую, нижѐ отпадохъ желаемаго ми намѣренїя, но вся сїя, якоже азъ желахъ, сбышамися благостройне, и сего ради по премногу веселяхся красуяся, яко сицева дивна сподобихся воспитавъ наказати тя премудрѣ, и нынѣ ты вселюбезнѣйшїй, достиглъ еси въ возрастъ юношества своего,

и ужѐ

и уже воинъ храбрый и чудный быти показуешися, сїяя отвсюду премудростїю и благородїемъ паче прочихъ человѣкъ, и свойственно есть благородному искати чести и хвалы къ повышенїю благородїя своего. Такожде и храброму во ополчительныхъ подвигахъ обучати себе, и мудрому же подобаетъ съ прилѣжнымъ опасенїемъ разсмотряти и разсуждати полезная. Тѣмъ бо паче утверждается и благородїе, и укрѣпляется храбрость. Зримъ же нынѣ во единой особѣ благородїя твоего вся сїя свѣтлая имства, мудрость же, и благородїе, и храбрость вкупѣ соединены. И сего ради молю благородїе твое, да не облѣнишися послушати мя, яко отца; полезная совѣщаю ти, яко да направиши себе въ путь подвига ко златорунному поисканїю, и крѣпцѣ да потщишися сїе удивительное сокровище во свое царствїе

 при-

привести. И аще сицевая чудная сотвориши, то помысли, вселюбезный и дражайшій сыне, яко удивити имаши подвигомъ своимъ всю вселенную, и по завѣщанію отца твоего свѣтлый Царь царству Ѳессалійскому явишися, сіяя чудно сею побѣдою. Азъ бо извѣстно вѣмъ, яко мощно ти сицевая совершити, аще покажеши мнѣ усердное и благопослушливое свое изволеніе. Сицевая же и ина многа Царь Пелей изрече, яко же нѣкій лстивый ловецъ лукавыми словесы своими, аки многоплетенными мрежами отвсюду обемъ улови юношу, предложивъ ему смертный убійства ядъ, медомъ краснословій отвсюду усладенъ.

Язонъ же помраченный лсти Царя Пелея, стрыя своего, отнюдъ не разумѣ и толикихъ пагубъ во златорунномъ исканіи ничто

же

же вѣдый, любезно обѣщася повелѣніе его совершити. Царь же Пелей вельми возвеселися о семъ, чая извѣстно совершити симъ погубленіе Язону. Вскорѣ убо повелѣваетъ уготовляти корабль, и украшати его лѣпотнѣ обычаемъ царскимъ. Уготовлену же бывшу кораблю, и вложену въ него всякихъ царскихъ сокровищъ и брашенъ довольству, ихъ же вина плаванія прошаше; и егда сія совершишася, тогда Язонъ пріемъ отъ Царя Пелея отпущеніе, весело входитъ въ корабль. Мнози же юноши многою храбростію красновидныя съ нимъ входятъ въ него: въ нихъ же бѣ мужъ воистинну сильнѣйшій и крѣпкій Геркулесъ Князь, родися [яко же глаголютъ о немъ] отъ Зевéса и Алкмéны, Амфитріоновы жены. И сей убо Геркулесъ во свое время многихъ исполиновъ изгуби, и на рукахъ своихъ подъ-

емъ нестерпима величества крѣпчайшаго сокружи Антефума, и ина многая чудная доблести и мужества показа, его же Еллини сихъ ради обезумишася, богомъ быти нарекоша, Ираклїемъ того именующе. Вшедшимъ же имъ въ корабль, исходятъ абїе изъ пристанища, и пути своего емлются. Вѣтру же вѣющу имъ поспѣшну, не по мнозѣхъ днехъ Троянскаго царства дойдоша, и весело входятъ во оно пристанище, и вметавше якори сташа, и исходятъ радующеся на брегъ, и шатры своя изнесше на землю поставиша, и отъ прилежащихъ ту источниковъ воды чистыя почерпаху и веселяхуся, и пребыванїе ту умыслиша себѣ сотворити на дни нѣкїя, яко да плавающїи отъ бѣдъ морскихъ прохлажденїе и отдохновенїе прїимутъ, и ко прочему пути крѣпцы и благодушни будутъ.

Трояне же видяще корабль онъ во украшенiи царстѣмъ, такожде и шатеръ оный, въ немъ же Язонъ пребываше, во устроенiи сущъ царстѣмъ вельми украшенъ стояше. Къ тому же и языкъ Греческiй, Трояномъ незнаемый, слышаще зѣло удивишася, како безъ повелѣнiя и воли Царя Троянскаго Грекове толику дерзость сотвориша, ставше своевольнѣ въ пристанищѣ его, и со тщанiемъ абiе во градъ возвратившеся, Царю своему возвѣстиша. Царь же Лаомедонтъ егда слыша таковая возвѣщенiя, возмутися духомъ, и ярости и гнѣва вельми наполнися, въ безчестiе себѣ и въ досаду велику вмѣнивъ быти толикое Греческое дерзновенiе, къ тому же еще возмнѣвъ, и ко граду своему отъ нихъ быти тайное нѣкое умышленное злоумнѣ ловительство. Посла своего абiе посылаетъ ко Грекомъ, повелѣваетъ

рещи имъ, яко да безъ всякаго укосненія отъ земли его отъидутъ. Аще ли же преслушаютъ тя, прещеніемъ ратнаго ополченія и смертнаго убійства да запретиши имъ. Посолъ же егда сія услыша, абіе на путь препоясася и ко Грекомъ отыде, и пришедъ въ станъ ихъ, въ шатеръ Язоновъ вниде, посольства своего вину повѣдуетъ сими словесы: Царь Лаомедонтъ, Троянскаго царства господь, о пришествіи вашемъ зѣло чудится. Почто въ землю его внидосте отъ него свободы не воспріявъ, его же есть царская мысль, въ мирѣ любитъ царствіе свое защищати. Вы же въ толику гордость высокоумія вознесшеся, возмутисте духъ его, оскудѣніемъ премудрости и разума вашего недостаткомъ безчестіе благородію его царскому наносяще, и державу царствія его осрамляюще, сицевое безсту-

діе

дїе свое явивше въ землѝ чуждей тако дерзность и сице настоятельнѣ; повелѣваетъ вамъ, да не задержнѣ имате изъ землѝ его изыти. Аще ли же ни, то въ день утренній аще ощутитъ повелѣнїю его васъ быти презорливыхъ, повелитъ своимъ навреженїемъ вашей напасти, и васъ самихъ на конечное незгодїе погибели предастъ.

Егда же Язонъ посольство сїе слыша, весь гнѣвомъ разжеся. Посланному сицевая словеса отвѣщевая, рече: друже! посольства твоего рѣчи добрѣ слышахомъ, и дары, яже отъ Царя твоего къ намъ посланныя, обычаемъ благородныхъ любезнѣ воспрїяхомъ. Обаче же глаголемъ ти, спасно донеси Царю твоему о насъ возвѣщая, яко мы въ дальнїя страны ѣхати мыслихомъ, нужда насъ въ сїе мѣсто мимошественнѣ

укло-

уклонитися понуди. И аще бы Царя вашего царское благородїе украшало, насъ бы подобало ему честствовати, зане аще бы его подобный случай самого во Грецїю привелъ, не бы толико безчестїе отъ насъ потерпѣлъ. Но преимѣющу честь достойну благородїя своего воспрїялъ бы, но понеже онъ того не восхотѣ, и вмѣсто благаго самъ себѣ злое избра, безчестїе наводя намъ, ничтоже предъ нимъ злое сотворшимъ, ниже бо мы къ царствїю его чѣмъ приразихомся, ниже благородїе его обезчестихомъ, ниже гражданъ его чѣмъ оскорбихомъ, ниже землю державы его чѣмъ опустошихомъ, но тако просто и яко же прилучися нападе на насъ толикимъ гнѣвомъ, и обиду дивну тобою днесь нанесе намъ. Всѣялъ самъ по изволенїю своему сѣмя злобы въ сердца наша, иже послѣди израститъ ему плодъ

золъ

золъ во время свое, его же и неволею жати понудится: и аще не нами, то инѣми нашими Греческими славными, иже настоящую сїю обиду нашу услышатъ. Не прибытки отъ сего прїобрящетъ Царь вашъ; но шкоды неизреченныя будетъ имѣти. Мы бо отъ землй его абїе отъидемъ, ничто же зла сотворивше ему, нижѐ безчестяще его, но сами безчестїе прїемше отъ него отходимъ, якоже и самъ явѣ зриши. И сїя рекъ Язонъ стоскнувся печалїю умолче.

Геркулесъ же словесы Язоновыми не удоволився, посланнику изливаетъ сїя словеса: друже! кто ты ни буди, рцы убо царю твоему, что мы въ день завтрешнїй весьма отъ землй его отыдемъ, но будущаго третїяго лѣта день сей не пройдетъ, онъ же насъ узритъ, аще живъ будетъ, хощетъ или не хощетъ

хощетъ, якори вметавше станемъ въ семъ пристанищи, о немъ же нынѣ прещеніемъ яросши своея воспретилъ намъ. Тогда же о данной намъ отхожденія свободѣ не будетъ ему совершенна воля, насъ отъ бреговъ своихъ отринути. Въ то бо время поля̀ града сего мертвецы Троянскими настлани будутъ. Князи бо ваши, и воеводы, и воини мечемъ свирѣпымъ умертвятся. Прочіи же въ плѣнъ и въ работу во Грецію отведены будутъ, и тамо изомрутъ работающе въ землѝ чуждей, и самъ Царь вашъ, который на́чалъ дѣло сіе, бѣднѣ на той брани животъ свой испровержетъ, и славный сей градъ его до конца грабленіемъ испразднится, и высокія стѣны его и стрѣльницы до основанія разметаны будутъ; да научатся къ тому Троянстіи Царіе чужихъ не вредити, благородіе ихъ осрамляюще толикимъ безче-

безчестїемъ, емуже ты самъ вина и свидѣтель достовѣренъ. И сїя изрекъ Геркулесъ умолче; и тако посолъ прїемъ отъ нихъ отпущенїе, возвратися ко Царю своему.

Язонъ же абїе по отшествїи посла Троянскаго повелѣ шатры и прочїя вещи, изнесенныя на брегъ покоя ради, паки на корабль носити, и потомъ сами возшедше, и вѣтрила распростерше, въ путь свой пойдоша, и по многи дни плавающе къ царствїю Оетеса Царя во благѣй цѣлости здрави приходятъ. Егда же Оетесу Царю прїиде слухъ о пришествїи Грековъ, зѣло возвеселися о нихъ, и абїе повелѣ благороднымъ своимъ на брегъ моря изыти и честно прїяти ихъ. Прочему же воинству и народу повелѣ изыти во срѣтенїе ихъ съ тимпаны и органы, съ трубами же и гусльми, и со прочими

орудїи

орудіи играній мусикійскихъ. Пришедшимъ же благороднымъ Оетесовымъ на брегъ къ кораблю Греческому, самъ Язонъ изыде къ нимъ. Они же падше поклонишася ему, и отъ лица Царева поздравленіе благородію его изрекоша честнѣ. Язонъ же поклонися имъ, и о здравіи благородія царскаго, якоже лѣпо, любочестнѣ вопросилъ. Потомъ же Язонъ въ царскомъ нарядѣ вельми украсився, на избранный свой конь всяде. Такожде и Геркулесъ въ чудномъ украшеніи на конь свой убрался; потомъ же и иніи благородніи и храбрыи Гречестіи лѣпотнѣ украсившеся, на кони своя всѣдоша, и во урядѣ чина своего кождо ихъ во слѣдъ Язона и Геркулеса благочинно пойдоша градомъ къ паламамъ дому Царева. Людіе же начаша гласити во многія трубы и органы и прочія мусикійскія игранія; и дивно бѣ видѣти Греческое

ское пошествіе: граждане бо вельми дивляхуся красотѣ и храбрости Язоновой и Геркулесовой, и прочихъ Греческихъ благородныхъ и красновидныхъ юношей, стекахуся съ женами и съ дѣтьми видѣти бывшее, ходяще зѣло стѣсняеми. Пришедшимъ же имъ къ дому Цареву, Царь Оетесъ отъ мѣста своего воставъ, Грекомъ во срѣтеніе во множествѣ благородныхъ изыде, и отъ палатъ своихъ на землю сниде. Язонъ же пришедъ поклонися Царю, и якоже есть благородіе его предпочте; такожде и Царь поклонися ему, и обѣемъ цѣлова его любезнѣ, достойную честь воздая благородію его. Такожде и Геркулеса достойною честію почте, и пріемъ Язона за руку по лѣствицамъ во врата многихъ камеръ восходитъ. Пришедшимъ же имъ въ палату царскую, Царь Оетесъ сѣде на своемъ царскомъ мѣстѣ, и Язону подлѣ

себе

себе сѣсти повелѣ. Сѣдшимъ же имъ, Царь Оетесъ любочестнѣ вину пришествія у Язона вопрошаетъ; Язонъ же воставъ отъ мѣста, Царю Оетесу сицевыми словесы возглагола: о пресвѣтлый и благородный Царю! аще повелитъ ми державное благородіе твое полною свободою изыти и ко златоруннаго овна исканію, се есть вина пришествія моего къ твоего благородія величеству. Царь же тако отвѣща ему: о прелюбезный и благородный Язоне, пресвѣтлый и дражайшій друже мой! буди о семъ воля твоя, якоже хощетъ благородіе твое, и никтоже возбраняяй ти есть; азъ бо совершенну и всецѣлу волю радостно подаю изволенію твоему: токмо нѣкая неудобства обрѣтаются въ златорунномъ ономъ исканіи, о нихъ же нынѣ неудобно намъ есть продолжити словесъ, но послѣди возвѣщу ти. Язонъ же поклони-

ся

ся Царю, и повелѣ ему Царь паки сѣсти на своемъ мѣстѣ; и абїе Царь повелѣ уготовляти рабомъ своимъ различная брашна и питїя, хотяше бо сотворити вечерю чудну и преславну Греческаго ради пришествїя. И паки повелѣ Царь во своемъ царскомъ дворѣ палату нѣкую пречудну и позлащенну и мусїею украшенну уготовати, и лѣпотнѣ украсити ко обитанїю Язонову, да ту пребываетъ; Язонъ же паки воставъ поклонися Царю.

О МЕДЕИ, КАКО ОТЦЕМЪ СВОИМЪ НА ОБѢДЪ ПОЗВАНА.

Уготовлену же бывшу брашну во множѣ изобилїи, настилаются столы, и поставленнымъ кубцемъ и чарамъ златымъ и сребрянымъ, належащу времяни ясти, Царь Оетесъ восхотѣ благородїя

своего милость Греком показати; по нѣкую дщерь свою посылаетъ, яко да прїидетъ весело праздновати обѣдъ съ новыми гостьми, ихъ же Царь во мнозѣ веселїи воспрїя. бѣ бо Оетесу Царю дщи, именемъ Медея, красна сущи вельми и благородна, яже отъ отроческихъ лѣтъ всю себе издаде свободныхъ хитростей наказанїю, землемѣрїю же и астрологїи, и прочимъ хитрѣ научився, и еже предразумѣвати будущая добрѣ вѣдящи; къ тому же въ чарованїяхъ и въ волшебныхъ хитростяхъ зѣло изучена бѣ, яже волшебными силами и чинми и заклинанїи чародѣйными свѣтъ обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры извождаше, и блистанїя, и громы, и страшныя землетрясенїя; рѣчныя же быстрины кривыми мѣсты текущїя вспять излїятися и наводнятися творяше; и паки въ лѣтней теплотѣ отъ древесъ листвїе отъимаше,

и въ непогодіе бурное и въ зиму цвѣсти и плоды изводити понуждаше, и младыхъ человѣкъ творяше старыми, старыхъ же ко юношеской силѣ приводя. Сію вѣроваше древнее Еллинство богиню быти; такова бо бяше оная Медея, единородная дщи Царева, ейже отецъ ея прити къ себѣ повелѣ. Медея же повелѣніе Царево слышавъ, вельми украсися многоцѣнными ризами и царскими другими утварьми, якоже обычай есть благороднымъ красоту прилагати къ красотѣ, и тако урядився благопристойнѣ къ возлежащимъ на трапезѣ во множествѣ дѣвъ благородныхъ пріиде, ейже Царь Оетесъ, отецъ ея, подлѣ себя сѣсти повелѣ. Послѣди таковымъ своимъ неразсмотреніемъ благородіе свое вельми оскорби, и сердцу своему печаль и тугу зѣльну нанесе, и всему царству своему срамоту велику и укоризну наве-

де, яже последи настоящая история изъявитъ.

И абіе обѣду скончавшуся, Медея повелѣніемъ отца своего отъ мѣста своего воставъ, Царю отцу своему и Язону поклонися, такожде и Геркулесу, и во своя камеры отыде. Утру же бывшу Царь Оетесъ паки повелѣ пиръ великъ уготовляти, веселяся пришествію Язонову. И егда время обѣда приспѣ, паки по Медею посылаетъ, повелѣвая прити ей на обѣдъ. Она же въ чудномъ царскомъ нарядѣ зѣло украсився паче перьваго, пріиде въ палату царскую, и подлѣ отца своего сѣде, якоже и прежде. Веселящужеся Царю и гостемъ его на трапезѣ возлежащимъ съ нимъ, такожде и слугамъ царскимъ въ веселіи велицѣмъ предстоящимъ, егда вси людіе уже крѣпцѣ возвеселишася, Медея рече отцу своему:

своему: О пресвѣтлый и благородный отче мой, великїй Царю, аще повелитъ ми держава твоя, да возглаголю цѣломудреннѣ чиномъ дѣвическимъ, и да сотворю вопрошенїе къ Язону о семъ, съ которою онъ хитростїю ко златорунному исканїю помышленїе свое подвиже, и прїимъ отъ него отвѣтъ возмогу разумѣти, колико есть премудръ, мняся сопротивлятися власти бога Арриса. Ейже отецъ ея рече: глаголи, благороднѣйшая и пресвѣтлая дщи моя, якоже вѣси премудрѣ. Медея же мало помолчавъ, тако возглагола Язону, сыну Цареву: Язоне, да не вознепщуетъ благородїе твое начинанїе се, о немъ же глаголати хощу, ниже инъ нѣкїй безстудства видъ да напишетъ ми о семъ, яко азъ есмь дѣва, отроковица сущи царская, съ твоимъ же благородїемъ глаголати яко незнаема дерзнухъ; возвѣсти ми

 истин-

истинну, о немъ же вопрошу тя: почто дерзнулъ еси себе вдати толикимъ явнымъ и пагубнымъ бѣдамъ, надѣяся на храбрость свою подвиглся еси искати златоруннаго овна? или не вѣси, любимиче, колики суть во златорунномъ семъ исканіи учинены смертныя погибели? которою хитростію, молю тя рцы ми, можеши сопротивитися власти бога Арриса? или коею мудростію можеши превозмощи смертоносныхъ оныхъ воловъ, пламени огненныя отрыгающихъ? или паки которымъ художествомъ имаши на ужасныя плещи ихъ рало ярма работнаго возложити, и понудити бразды провлачити? которою же ли храбростію ополчишися противу онаго великаго змія, чешуею грознаго, пламени огненныя дышущаго? Тѣмъ же милуя и щадя юность благородія твоего, цвѣтущую красотою толикою, и сіяющую

щую царскимъ благородїемъ, глаголю ти; престани, Язоне, отъ таковаго несчастливаго случая, аще хощеши чинити мудрѣ, и не приступай къ смертному предѣлу, иже живота твоего цвѣтъ конечно отъимстъ. Язонъ же къ словесемъ Медеинымъ сице рече ей: о пресвѣтлая и благороднѣйшая госпоже! нынѣ ми простираеши великую бѣду, сїя глаголя ужасити мя мыслиши, яко же непщую, и во всеконечное вложити отчаянїе, яко да ужаснувся престану отъ начатаго ми умышленїя. Срамъ бо есть, госпоже великая, благородному, паче же храброму, не искусивъ подвига коего дѣломъ вещи отъ словесъ единыхъ ужаситися и бѣжати? Да аще сїя сице имутъ, како же азъ могу сицевая сотворити. И аще сотворю се, яко же ты глаголеши ми, то ужѐ которою особою могу притти во отечество

 мое,

мое, или которыма очима возрю на благороднаго стрыя моего? коими ли усты возглаголю благороднымъ Греческимъ, или кое лице явлю ко всѣмъ гражданомъ моимъ, яко не видѣхъ поля, ниже узрѣхъ ополченія, поверогохъ же орудія моя, и бѣглецъ явихся? ни, госпоже моя; но лутче ми есть умрети въ земли чуждей, нежели съ толикимъ безчестіемъ возвратитися здраву и цѣлу во свое отечество. Къ нему же Медея тако рече: добрѣ, Язоне, и ясно уже нынѣ зрю тя, яко къ чудному сему златорунному подвигу ино ничто же имаши споспѣшествующее тебѣ, точію едину храбрость, на ню же надѣяся въ пагубу явную самоизвольнѣ животъ свой пометаеши; не вѣси бо, яко сей свѣтлый подвигъ храбростію единою исправитися не можетъ, но подобаетъ ти съ храбростію вкупѣ имѣти вѣденіе

же

же и премудрость. Аще бо храбрость и свѣтло есть имство, кромѣ же мудрости неискусно есть и неутвержденно, и всюду выблемо, и не похваляется отъ добрѣ вѣдящихъ. И сего ради паче азъ благородію твоему желаю полезный предложити совѣтъ, яко да имъ отъ толикихъ бѣдъ совершенно избавишися, и здравъ во блазѣй цѣлости возвратитися имаши во свое отечество. Зане азъ едина есмь, яже добрѣ могу власти Аррисовы разрушити, и вся его хитрости и начинанія властію своею низложити хитростію, и до конца разсыпати, и ни во что же обратити всеконечнѣ, твое же поистиннѣ щадя благородіе, понеже отвсюду зрю тя смертными бѣдами объята суща, токмо аще самъ ты изволенію моему покоришися. Ей же Язонъ тако рече: о пресвѣтлая и великая госпоже! все, еже ми по-

 велитъ

велитъ благородіе твое, радостно поистиннѣ и вседушно творити обѣщаюся, видѣвъ толику милость благосердія твоего, яко обѣщаваешимися избавити мя отъ толикихъ моихъ пагубныхъ бѣдъ, хотящихъ абіе постигнути мя. Тѣмъ же и азъ изволенію благородія твоего готовъ есмь последовати, и творити вся заповѣдуемая и повелѣваемая тобою. Тогда Медея рече ему: аще отвезеши мя во твое отечество, и аще вѣренъ будеши, еже не оставити мя, донелѣже дыхаеши, азъ воистину сотворю ти, что златаго овна онаго достигнеши, и съ побѣдою сею чудною здравъ во свое отечество возвратишися. Язонъ же обѣщася взяти ея себѣ въ жену, и клятвами страшными, яко же узами желѣзными, себѣ связа, еже соблюсти ему къ ней вѣрность во вся дни живота своего.

О НАКАЗАНІИ МЕДЕИНѢ, НАКАЗУЮЩЕЙ ЯЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ.

Егда же Язонъ клятвами себе утверди; тогда Медея начатъ прилѣжнѣ наказовати Язона о златорунной оной брани. Даде ему первѣе образъ нѣкій златъ, глаголя, въ немъ силу такову быти, что противу пламени вельми возмогаетъ. Паки даде ему тыкву мокроты нѣкія чудныя наполнену, яко да сію мокроту во уста воловъ вливаетъ частыми окропленьми, и до конца угаснетъ пламенное отъ нихъ испущеніе; самъ же первѣе да помажется ею. Потомъ же даде ему нѣкій зеленаго камени перстень, наказуя его: егда, рече, пріидеши ко змію оному, тогда камень перстня сего предъ очима его да повержеши, и тако огнь престанетъ испущати, и не пожжетъ тя. Потомъ же

мечемъ голымъ и своею храбростію крѣпцѣ ужѐ да борешися съ нимъ. И егда вся сія совершиши, тогда ко оному себе да направиши, и не скоро да нападеши на него. Но помоляся молитвою трижды, и тако пріими его. И сице Медея крѣпцѣ наказавъ Язона, повтори наказаніе свое паки, да не забудетъ. Язонъ же пріятъ отъ Медеи наказаніе, удивися счастливому сему случаю.

О взятіи златоруннаго овна.

Во утрій же день Язонъ ко Царю пріиде, и тако рече ему: о благородный и пресвѣтлый Царю! часъ ми есть изыти, аще повелитъ благородіе твое, ко златорунного овна взысканію. Ему же Царь Оетесъ сице рече: слыши, благородный и преславный Язоне, единожды бо изрекохъ благородію

городію твоему о семъ совершенную свободу и полную, яко же хощеши: никто же возбраняяй ти есть, но токмо, вселюбезный, возвѣщаю ти самую истинну, яко многія во златорунномъ семъ искании устроены суть смертныя пагубы огненнаго естества дышущихъ воловъ, и ужаснаго онаго огнепальнаго змія претительное стремленіе. Тѣмъ же вельми ужасаюся шуихъ случаевъ, да не твоего бы благородія достоинство въ лютыхъ онѣхъ стремленіяхъ погибло. Тѣмъ же и неволею даю совѣтъ изволенію твоему, иди здравствуяй на чудный подвигъ сей, и здравствуяй возвратися сѣмо, яко же азъ желаю. Язонъ же пріимъ отъ Царя совершенную свободу, всѣде на избранный конь свой, такожде и Геркулесъ, и прочіи Греческіи, и благородніи Князи и вельможи Царя Оетеса провождающе Язона.

И яко прїидоша на брегъ моря, Язонъ скоро съ коня сниде, и сотворивъ цѣлованїе со всѣми ими, абїе входитъ въ корабль веемъ съ собою рало со всѣмъ устроенїемъ его, и пустився отъ великаго острова во инъ островъ, нарицаемый Колхида, и скоро дойде его малою гребїю. Язонъ же егда изыде на брегъ острова Колхиды, вскорѣ на ся оружїе облачи, и препоясася мечемъ своимъ, и копїе въ десницу свою прїимъ, другою же рукою по землѝ влекїй рало со всѣмъ устроенїемъ его, и къ стражѣ овна путь воспрїя, и первѣе на волы воззрѣ, толь великїя огненныя крѣпкїя пламени дышуще, яко воздухъ весь и землю очервленяюще, и все мѣсто то огнемъ ярости объемлюще, да яко Язону никакоже мощно бѣ приступити зѣльныя ради теплоты страха, но Медеинымъ дѣйствомъ и добрыхъ

ся наказанїй не забы, лице свое и шею и ру́ки данною отъ Медеи мокротою помазавъ; ѡбразъ бо ему отъ нея данный на шею повѣсивъ пламени предложи, и нача съ волы онѣми крѣпцѣ брань творити, и тако пламеннымъ воловымъ огнедыханїемъ сгорѣ щитъ его отъ пламени, и копїе его огнемъ скончася. И поистиннѣ Язонъ животъ свой скончалъ бы отъ огня, аще не бы отъ Медеи данную мокроту частыми окропленїи во уста ихъ влїялъ; ейже влїяннѣй бывши дышущихъ воловъ уста, аки желѣзными цѣпьми сцѣпляются, и яко клеемъ спаятельнымъ неразлучно соединяются, и сего ради преста пламенное испущенїе, и воловъ онѣхъ смертоносный угасе огнь. Превозможе же Язонъ, и многаго смѣлства наполнися ко крѣпкимъ ужасныхъ воловъ рогамъ ру́ки простираетъ, и восхитивъ

за рогѧ̀ покушаетсѧ сѣмо и овамо преводити, и не сопротивлѧхусѧ ему. Сего ради и рало на плещи ихъ опаснымъ тщанїемъ налагаетъ, понуждаѧ бразды провлачити; и сице обращену бывшу дерну, широкое оное поле воскапываетсѧ частыми браздами горѣ и долу проходѧщи. Егда же сїѧ соверши Ѧзонъ, оставивъ волы оны на полѣ, самъ же приходитъ ко змїю великому, его же змїй егда приходѧща узрѣ, возмѧтесѧ вельми и возвиста ужаснѣ, нача пламень испущати, и вельми ѧростнѣ дыхати, и все мѣсто оное огненнымъ пламеннымъ дыханїемъ наполнѧетъ, и небо належащее великимъ разжиганїемъ краситъ. Ѧзонъ же ѧко видѣвъ такое величество ужаснаго онаго змїѧ, вострепета, и огнь толикъ нестерпимаго пламене зрѧ, изумленъ стоѧше, и егда отъ ужасти страха воспомѧне

Медеино

Медеино наказаніе, изъемъ отъ нѣдръ своихъ зеленаго камени перстень къ свѣту зміеву предповерже, его же блистанія ужасеся змій, и преста пламени испущати. Язонъ же страхъ отложивъ, въ мужество паки облечеся, и смѣльствомъ многимъ наполнився, извлече мечь свой, нача бранъ крѣпку творити со зміемъ, жестокія чешуи его мечемъ отражая, и толь долго крѣпцѣ боряшеся съ нимъ, да яко ужѐ змій не могій терпѣти частыхъ пораженій его, на долгомъ ономъ полѣ простреся, и смертоносный свой испусти духъ. Язонъ же и главу его мечемъ отдѣли, и извлече зубы его, и посѣя на предреченной земли отъ воловъ изоранной. И абіе отъ зубовъ зміевыхъ плодъ чуденъ израсте; скоро бо вооруженніи нѣціи воини отъ земли родишася, и нападше сами на себе смертными язва-

ми

ми братися начаша; жестоко убо творится ополченіе промежъ братіею земною и мрачно, зане раздѣльными полкй на брань не нападаютъ, нижѐ хотятъ да раздѣлившеся, но смѣшенно единъ другаго убиваетъ, послѣди же отъ нихъ ни кто же явися побѣдитель, но вси вкупѣ падоша погубленіи. Волшебныя бо хитрости волшебнымъ дѣйствомъ разрушишася, и змію предреченному умерщвленну бывшу, и воломъ на полѣ еле живымъ оставленнымъ, и братіямъ земнымъ умершимъ, Язонъ отъ смертныя бѣды избысть, веселъ ужѐ и смѣлъ ко златорунному овну приходитъ, въ немъ же ни единаго противленія браннаго обрѣте: но помолився молитвою, восхити его за рога, и удавленіемъ смерти предаде. Снемъ їсъ него одежду его златую, возвратися обогащенъ златымъ ограбленіемъ,

и

и прїиде на брегъ острова Колхиды, и оттуду вшедъ паки въ корабль, прїиде на онъ полъ къ великому острову, на немъ же Геркулесъ и прочїи благороднїи Гречестїи ждуще его, иже никако же его здрава къ тому притти чаяху. И егда узрѣвше его здрава, возрадовашася радостїю многою, и тако поидоша во градъ веселящеся о здравїи Язоновѣ и о преславнѣй побѣдѣ его. Царь же Оетесъ лицемѣрнымъ веселїемъ ужѐ воспрїя его, понеже завидитъ ему о толицѣй побѣдѣ его, единаче же повелѣ уготовляти трапезу свѣтлу, якоже и прежде. Егда же Язонъ прїиде въ палату Цареву, Царь вопроси его любочестнѣ о здравїи его: Язонъ же поклонися ему, возвѣщая здравїе. Сѣдшимъ же имъ вечеряти, Царь Оетесъ по Медею дщерь свою посла, да прїидетъ къ трапезѣ въ палату

царскую, и сѣде на своемъ мѣстѣ, яко же и прежде. Царь же нача вопрошати Язона о златорунной оной побѣдѣ. Язонъ же вся подробну исповѣда ему, и вси дивляхуся чудящеся, много же веселяхуся на трапезѣ здравія ради Язонова. Скончавшуже ся обѣду, Язонъ поклонися Царю и въ палату свою отыде. По златорунной же оной брани Язонъ во царствіи Оетесовѣ ожидая благополучнаго плаванія цѣлъ пребысть мѣсяцъ. Егда же возвѣя вѣтръ благопоспѣшенъ; тогда въ нощную темноту пріиде Язонъ къ Медеи, и вземъ ея отведе тайно на корабль свой и вземъ вся своя такожде тайно отыде со всѣми своими на корабль свой, безъ отпущенія царскаго, и повелѣ вѣтрила корабленныя распростерти, и пути своему вдася. Вѣтру же вѣющу ему зѣло поспѣшну, не по мнозѣхъ днехъ таковымъ

благо-

благостройнымъ плаванїемъ въ желаемые предѣлы царства Θессалїйскаго здравїи прїидоша во блазѣй цѣлости, и къ Царю Пелею во множѣмъ веселїи своемъ приходятъ, радующеся о случившихся имъ.

О совѣщанїи греческихъ царей и Князей, и о подвиженїи, и о пришествїи ихъ ко трои за отмщенїе обиды язоновы.

Язонъ же егда во царство Θессалїйское прїиде, ни о чемъ ему иномъ толико радѣнїе бысть, ниже о прїятїи царства Θессалїйскаго, еже бы прїяти отъ руки Пелея, стрыя своего, по завѣщанїю отчю и самого того Царя Пелея, ниже о брацѣ Медеинѣ, о немъ же прежде тяжкими клятвами ей толико страшнѣ кленящеся, еже хотяше съ нею сотворити вскорѣ,

вскорѣ, егда пріидетъ во свое царство; но вся сія оставль, яко неключима, въ месть и отмщеніе противу Лаомедонта Царя сердце многорадиво воздвиже. Многу у него о семъ со Геркулесомъ сообщену бывшу совѣту, пріидоша вкупѣ къ Царю Пелею, сказующе ему тяжку жалобу на Царя Лаомедонта Троянскаго, и молящеего, да во отмщеніе обиды ихъ помощь воинственную подастъ имъ. Царь же Пелей обѣщася имъ съ воинствы своими самъ пойти, и обиду ихъ вкупѣ мстити. Они же поклонишася ему, и отъ палаты его изшедше вельми радостни быша, и вскорѣ абіе Геркулесъ въ корабль вшедъ, ко Царю Теламону отходитъ, моля его о помощи воинства противу Лаомедонта Царя. Царь же Теламонъ самъ обѣщася съ воинствы своими пойти съ ними на ополченіе противу Троянъ. Геркулесъ же от-

отшедъ оттуду, пріиде ко Царемъ братіямъ единороднымъ, Кастору и ко Поллуксу, моля ихъ такожде о воинствѣ на Троянъ. Они же радостнѣ съ воинствы своими обѣщашася пойти съ ними. Геркулесъ же отыде оттуду, и ко Князю Нестору пріиде, бѣ же Князь Несторъ Геркулесу сердечною дружбою и сладкою любовію союзенъ; Геркулесъ же моляше его о помощи воинства на Троянъ. Несторъ же вельми радостно обѣщася самъ съ воинствы своими пойти съ ними на Троянъ. И егда Геркулесъ отвсюду собра себѣ помощь ратную, радостенъ возвратися во царство Ѳессалійское. Обрѣте бо Царя Пелея готова суща на ополченіе со всѣмъ воинствомъ своимъ, и сказуетъ ему Геркулесъ, яко обѣщашася, рече, благородный Царю, помогати державѣ вашей Царіе сами и съ воинствы своими; и о семъ Пелей и

Язонъ вельми возвеселишася. Не по мнозѣхъ же днехъ пріидоша Царіе и Князи Гречестіи съ полки своими во царство Ѳессалійское, и вси вкупѣ соединишася, и бысть радость и веселіе велико о соединеніи согласія единодушнаго. Во единъ же день повелѣша Царіе и Князи Гречестіи изыти всему воинству ихъ на поля Ѳессалійскія, воеводскаго ради избранія; и изыдоша повелѣніемъ ихъ вся воинства, и вельми чудно и удивително зрѣніе ополченія Греческаго; многочисленно бо вельми воинство ихъ бяше, и все урядно; доспѣхи бо ихъ бяху щиты позлащенныи и шлемы златокованныи; оружія такожде позлащенныя, и яко вода изчищены блещахуся; паволоцы же верьху доспѣховъ ихъ различныя цвѣты имущія зѣло многоцѣнныя; такожде и кони ихъ сильни и украшени и быстри бяху. Воини же сами многою храбростію

и

и смѣльствомъ цвѣтяху; и яко различніи златовидніи цвѣти блистахуся; вси бо они яростно и устремленно око ко ополченію имуще, стояху кождо ихъ во урядѣхъ своихъ благостройно и чинно и удивительно. Сами же Царіе и Князи и чиноначальницы многою храбростію и смѣльствомъ зѣло сіяюще бяху, и во управленіи воинственнаго ополченія свѣтліи правители, и здраваго совѣта мудростію великою наполненніи бяху, и всѣми внѣшними имствы надъ всѣми цвѣтяху паче прочихъ. Тогда бо вси Царіе и Князи и начальницы общимъ совѣтомъ избраша себѣ воеводу Царя Пелея, мужа многою мудростію и разумомъ здраваго совѣта въ разсужденіи цвѣтуща, и даша ему всего ополченія власть. И тако Царіе и Князи и начальницы поздравляху Царя Пелея, потомъ же и все воинство поклонишася ему, хвалу благо-

благородїю его вси вкупѣ воздаяху, и тако вси разыдошася. Во утрїй же день Царь Пелей повелѣ всему воинству на корабли восходити; вѣтру же абїе возвѣявшу имъ поспѣшну, тогда же и сами Царїе и Князи на корабли своя возшедше, и вѣтрила распростерше исходятъ изъ пристанища, и пути своего касаются, и не по многихъ днехъ благостройными вѣтры къ предѣломъ царства Троянскаго достигоша, и въ темноту нощную въ пристанище Троянское внидоша, и въ тихомъ зѣло молчанїи исходятъ на землю и шатры своя поставляютъ, Трояномъ отнюдь ни что же вѣдущимъ. Тогда Царїе и Князи и начальницы въ шатеръ Царя Пелея снидошася, и многїе совѣты о градоимствѣ испыташа. Геркулесъ же предъ Цари и Князи сицевая словеса изрече: о благороднїи и свѣтлїи Царїе и Князи и началь-

начальницы! аще благоволитъ благородїе ваше послушати словесъ моихъ сихъ, донелѣже о пришествїи нашемъ невѣдомо врагомъ нашимъ, промышленнѣ надъ ними и премудрѣ потщимся сотворити въ сїю нощь, да не толикая тщета и пагуба войску нашему будетъ; полезно бо быти мню, да раздѣлится войско наше на двѣ части равно, и отъ единыя половины войска нашего да учинятся три великїя полкѝ. Перьвому полку да предначальствуетъ Князь Несторъ, второму Царь Касторъ, а третїему Царь Поллуксъ, надъ ними же всѣми управленїе да имать Царь Пелей, истинный начальникъ и воевода избранный всего Греческаго ополченїя, и въ семъ мѣстѣ брега да пребываютъ. Отъ другїя же половины войска нашего такожъ да учинятся три великїя полкѝ, и перьвому полку да предначальствуетъ Царь Теламонъ,

монѣ, другому же Язонѣ, третїему же азъ со своими товарищи, и да идемъ тайно ко граду въ сады, прилежащїя тамо, и ту да сокрыемся, ожидающе дневнаго свѣта, донелѣже о пришествїи нашемъ Царю Лаомедонту скажется, онъ же абїе со всякимъ тщанїемъ уклонитъ мысль свою безъ всякаго брежения на брегъ моря ратоватися съ вами, не вѣдый насъ близъ стѣнъ града его сущихъ. И егда изыдетъ онъ на ополченїе къ вамъ; тогда да предложатся ему отъ войска вашего три великiя преграды, крѣпцѣ борющеся съ нимъ въ семъ мѣстѣ берега: мы же въ то время во градъ его внидемъ, и прїимемъ его, и паки изшедше позади его будемъ ратующе, и сице легко отъ насъ казнимъ будетъ, и избыти не можетъ смерти, но да убїется ту. И егда Геркулесъ словеса своя скончa; тогда вси Царїе и Князи началь-

начальницы совѣтъ его обще похвалиша, и вскорѣ сему быти повелѣша. Тогда Греки въ молчаніи тоя же нощи оружія своя пріемлютъ, и всѣдше на кони своя, вельми тихо ко граду пріидоша, и коварственно зѣло въ сады оныи вшедше, зѣло тихо себе полагаютъ, ждуще дневнаго свѣта.

О брани гречестѣй и троянстѣй, и о убіеніи царя Лаомедонта, и о расхищеніи Трои.

Прошедшей убо нощи, востающу же утру, о пришествіи Грековъ Лаомедонту Царю ушеса многимъ сказаніемъ наполняются. Царь же абіе вся своя воины понуждаетъ оружія взяти, и иныхъ гражданъ своихъ, кои во юношескомъ цвѣтѣ бранными оружіи битися не устрашаются. Уго-

штовавъ же Царь полки вооруженныя, абіе исходитъ на брегъ мо́ря, невѣдый поистиннѣ непріятелей своихъ близъ стѣнъ града его лукавнѣ крыющихся, и чесо ради скоритъ противу видимыхъ враговъ своихъ на ополченіе. Греки же сущіи на брезѣ мо́ря, видяще войско Троянское, со многою скоростію на нихъ грядущее, на кони своя всѣдше противу ихъ готовятся смѣло. И сего ради Князь Несторъ первый со своимъ полкомъ на брань приходитъ спѣшно, ничимъ же ужасшися, и брань между Грековъ и Троянъ воистинну жестока и остра спустися: отъ копейныхъ бо сокрушеній гремѣніе бываетъ веліе, щиты разбиваются, и шлемы низпадаютъ, звучитъ на воздухѣ трескъ сабельный, и отъ частаго сраженія брящаніе. Падаютъ воини ови ранены, ови убиты, убійство творится веліе, червленѣется земля,

окро-

окроплена сущи кровїю. Но одолѣ Троянское множество, зане единъ Князь Несторъ съ единымъ полкомъ своимъ незгодїе бранное терпяше. И се найде Царь Несторъ; онъ бо бяше мужъ храбрый, скоро со множествомъ вой притече, и многихъ Троянъ уби, овыхъ же ранитъ, овыхъ съ коней низлагаетъ, такожде и воинство его крѣпцѣ борющеся, Троянъ вельми стѣсняютъ; тѣмъ же Трояне падаютъ, терпѣти свѣжаго стремленїя не могуще, падаютъ лютѣ умирающе. Тогда паки отъ десныя страны полкъ Троянскїй зѣло крѣпокъ приближися, и на Грековъ устны меча нападаютъ, и толь лютѣ начаша ихъ сѣщи, дако въ краткое время мѣсто великое поля мертвецы Греческими постлаша. Вопль же велїй воста о смерти убиваемыхъ; Грецы бо на брани сильнѣ оскудѣваху, и изнемогаху падающе. Тогда Царь

Поллуксъ отъ лѣвыя страны Греческаго ополченія зряше сомнѣніе брани, и толико убійство Греческое видѣвъ, разъярися со своимъ полкомъ, и мужески нападе на Троянъ, и многихъ уби отъ нихъ, и раненыхъ низложи. Тогда же Греки въ пришествіе его паки мужество воспріемше противу Троянъ, и ставше крѣпцѣ мужески и неужасно сѣчахуся съ ними; вопль же велій и убійство вельми умножашеся, падаютъ бо отъ обоихъ странъ трупія мертвыхъ, и кровь ихъ разливашеся по всему пространству по́ля.

И се приступи на брань лѣвое крыло ополченія Троянскаго; тогда же и самъ Царь Лаомедонтъ съ великимъ полкомъ нападе жестоко на Греки, лютѣ поражая ихъ мечемъ своимъ, овыхъ убивая, овыхъ же жестоко уязвляя, овыхъ съ коней низлагая,

тѣмъ же Греки падаютъ, терпѣти Царева устремленія не могуще. Тогда паки отъ страны Греческія самъ Царь Пелей съ полкомъ своимъ изыде на брань, и преновленнѣй бывши брани, Греки паки поле пріобрѣтаютъ. Царь же Лаомедонтъ, яко левъ рыкая, многихъ Грековъ немилостивнѣ убиваетъ мечемъ своимъ, и пламенемъ ярости дыша, о защищеніи своихъ весь разношашеся. Егдаже Греки вси отъ него побѣгоша, тогда Князь Несторъ не могій терпѣти толикихъ убійствъ, творимыхъ отъ Царя Лаомедонта, пріемъ копіе, и печалію великою стѣснився, нападе на Царя, и съ коня сверже его. Но нѣкій Троянинъ, именемъ Седаръ, видѣвъ Царя своего пѣша, и сего ради яко вѣрный рабъ о своемъ господинѣ устыдѣся, направивъ копіе свое, Князя Нестора порази, и на землю предъ ноги Царя своего поверже. Царь же Лаомедонтъ ви-

 дѣвъ

дѣвъ Князя Нестора предъ собою повержена, мечемъ голымъ крѣпцѣ боря его, и во многихъ мѣснѣхъ порази его, отъ ранъ же оныхъ множество крови течаше, и безъ сомнѣнія убитъ бы былъ Несторъ Лаомедонтовою десницею, аще не бы помощи отъ своихъ себѣ получилъ, иже отъ земли подъемше его, въ шатеръ отнесоша.

Царь же помощїю своихъ на конь свой паки взыде, и повелѣ въ трубу трубити, и по трубному оному гласу седмь тысячъ къ нему воиновъ приступиша, и нападоша съ Царемъ своимъ толь лютѣ на Греки, да яко всѣхъ ихъ въ бѣгство понудиша, и на конецъ брега догнаша. И поистиннѣ вси бы ту Греки были злѣ убїени; но внезапу нѣкїй Троянинъ воинъ, именемъ Дотесъ, бѣднѣ уязвленъ прибѣже отъ Трои, сказуя Царю града его разрушенїе. Царь же

Лаоме-

Лаомедонтъ егда услыша сія, горько испусти воздыханіе, и тою же трубою повелѣ созвати языкъ свой, и пойде ко граду своему. Приходящу же ему близъ града, видѣвъ велію часть враговъ своихъ изъ града изшедшихъ, и противу его со оружіемъ градущихъ, и паки обозрѣся вспять, и видѣ тѣхъ враговъ, ихъ же на брезѣ побѣди, созади его во оружіи градущихъ, всхлипавъ горько, и что множае, спущается убо и разжизается ополченіе неравно, зане Греки Троянъ вельми множествомъ превосходятъ. Падаютъ убо трупы Троянскія сѣмо и овамо, и кровь ихъ яко вода ліяшеся; нижѐ закоснѣвъ оный бранный и сильный и толь храбрый Геркулесъ пріиде, иже на конѣ крѣпцѣ сѣдя, смертоносными убо язвами стѣсняя Троянъ, егоже Трояне крѣпости и смѣльства понести не могуще падаютъ, и путь ему чрезъ

полкй невольно отворяютъ. На Царя убо Лаомедонта сей сильный нападе яростно, и главу его лютѣ отсѣче, и посреди своихъ неистовственнѣ поверже, еже видѣвше Трояне плачутся, лишенни суще Царя своего правленія. Греки же пребывающе во своемъ свирѣпствѣ, всѣхъ Троянъ бывшихъ на брани мечемъ посѣкоша, ни единаго же жива оставиша, и поле Троянское трупіемъ мертвыхъ Троянъ покрыша. Сами же во градъ вшедше, сокровища градская испытуютъ, и богатства гражданская похищеніемъ грабятъ, и относятъ ко своймъ кораблемъ. На палатуже Лаомедонта Царя нападше, обрѣтоша тамо Ексіону дѣвицу, отроковицу сущу, Царскую дщерь Лаомедонта Царя, юже вземше предаша Теламону Царю во мзду труда его, сего ради, яко той Царь Теламонъ во градъ Трою перьвый побѣдитель ору-

жїемъ вниде. Прочихъ же благородныхъ и благообразныхъ женъ и дѣвицъ поемлюще, въ корабли своя отвождаху, и чрезъ весь мѣсяцъ Греки въ грабленїи Троянскомъ упражняхуся. И егда вся ужѐ сокровища царская же и гражданская исправдниша; тогда и самую ону Трою великую, царствующїй и преславный той градъ, раскопати умыслиша, еже и сотвориша, низложиша стѣны его, и врата и стрѣльницы и палаты царскїя и гражданскїя разметаша, прочая же вся зданїя древяная огнемъ попалиша, корабли же своя Троянскими богатствы наполнивше, во своя царствїя отыдоша.

Разрушену же и раскопану граду Троѣ до основанїя, Царю его Лаомедонту неправеднѣ убїену бывшу, толико благороднымъ убїеннымъ, толико мужемъ храбрымъ

на брани умерщвленнымъ, толико благороднымъ женамъ и благообразнымъ дѣвицамъ въ плѣнъ и въ работу отведеннымъ, честнороднѣй Ексіонѣ, того Царя дщери, плѣннымъ чиномъ Теламону женою учиненнѣй, мужи мудріи любезнѣ разумѣйте, какови въ мірѣ семъ слѣпыхъ дѣлъ случаи отъ худыхъ и отъ легкихъ обидъ учатъ воздержатися; имѣютъ бо въ себѣ малыя обиды по подобію дѣйства великаго огня, его же малая искра прочими питаніи вскормлена сущи въ пепелѣ, скоро высокія изрыгаемыя пламени возводитъ, да научатся Цари и Князи чужихъ не вредити, приходящихъ же въ ихъ царствія не отъ злохотнаго умышленія, да царствъ ихъ испытуютъ тайная. Каково бо бѣ Лаомедонту Царю, яко на голомъ брезѣ своемъ Грекомъ пристанія не даде. Видите таковаго славнаго

Царя

Царя толь безчестный конецъ, и сего ради да внемлютъ настоящей исторіи чтецы, коль худою и малою виною толь великихъ и толь сильныхъ произыде пагуба, яже и донынѣ плачевнѣ удручаетъ человѣческія слухи.

О ЦАРѢ ПРІЯМѢ, И О ЦАРИЦѢ ЕККУБѢ, И О ИМЕНАХЪ СЫНОВЪ ЕГО.

Умершу же Царю Лаомедонту, оста́ся у него сынъ, именемъ Пріямъ. Сей же во время паденія отча не бѣ въ Трои: зане градъ нѣкій противенъ себѣ имяше, и подъ градомъ онымъ съ воинствомъ стояше, и о взятіи града того прилѣжнымъ промысломъ упражняшеся, и въ томъ обступленіи надеждою побѣды косняшеся съ женою своею и съ дѣтьми. Пріиде же къ нему сей грозный слухъ, яко утецъ его Царь

Лаомедонтъ убіенъ бысть, градъ его Троя отъ врагъ взятъ; сестра его Ексіона въ плѣнъ отведена; воини же его и граждане мечемъ посѣчены; благородныя жёны и отроковицы восхищены, и въ чужее отечество отведены; царская сокровища и гражданская вся расхищена суть. И егда вся сія услыша Царь Пріямъ, изнеможе духомъ, и расторжеся во многія слезы и рыданія. И вскорѣ сконцеваетъ брань граднаго обступленія, и спѣшными стопами скоритъ ко Трои, юже егда видѣ разорену сущу и раскопанну, и въ полѣ запустѣнія положенну, наипаче нача плакатися и рыдати, и по многіи дни упражняшеся въ рыданіи и слезахъ. Сей убо Царь Пріямъ имѣ у себе нѣкую благородную жену, именемъ Еккубу, отъ нея же зачатъ роди пять сыновъ, и дщери три; отъ нихъ же перьвородный нарицашеся Гекторъ,

торъ, безмѣрныя храбрости воинъ, силою многою бранноносецъ, его же дѣйства въ долгой памяти пребываютъ, не безъ вины воспоминаема во вѣки. Вторый же сынъ его нарицашеся Парисъ, иже инако именуемъ бѣ Александръ, ученъ бѣ весьма въ мастерствѣ лучномъ и стрѣлахъ. Третій же сынъ его нарицашеся Дейѳебъ, мужъ храбръ, и въ совѣтныхъ разсужденіяхъ свѣтелъ. Четвертый же звашеся Еленъ, мужъ разума многа, зане зѣло бѣ наученъ свободныхъ хитростей наказанію. Пятый звашеся Троилъ, юноша многосиленъ на брани, или бѣ инъ Гекторъ, или вторый отъ него и во всемъ войскѣ Троянскомъ ни единъ бѣ юноша толиким силами славенъ. Во дщерехъ его перьвая бяше Елеза: сія сказуется Енеева быти супруга. Вторая же бяше Кассандра: сія убо сіяше красотою дѣви-

дѣвическою, но паче цвѣтяше свободныхъ хитростей наказаньми, предразумѣвати будущая добрѣ свѣдущи. Третія же послѣдняя Поликсена бяше отроковица чудныя красоты и благообразія безмѣрнаго, о ея же лицѣ и красотѣ и о нравѣхъ ея чудная написа Дарій. Той же паки Царь Пріямъ имѣ у себе тридесять сыновъ естественныхъ, отъ различныхъ женъ ему рожденныхъ, и сильныхъ конныхъ бранниковъ, имъ же имена суть сія: Динадаронъ, Андроній, Ексдронъ, Какикабулъ, Емарганонъ, Сизій, Маргаритонъ, Амѳимакъ и прочія, ихъ же сильная мужества и доблести настоящая исторія послѣди изъявитъ.

о создании трои.

По многи же дни Цар҄ь Прїямъ въ рыданїи и слезахъ пребываше, сѣтуя день и нощь, и никако же покоя себѣ дати могїй. По семъ же егда дождю плачевному слезъ его изчищену бывшу, и отъ печалей своихъ мало отдохнувъ, во благодушїе облечеся. Угодно бысть ему паки Трою раскопанную соорудити, и во своемъ достоинствѣ поставити; и повелѣ отвсюду собрати себѣ мастеры многїя, и прїидоша къ нему отъ всѣхъ странъ здатели зѣло хитры, и златолїятели и архитектони, и мѣди ковачи, и прочїи мужи художнїи и разумнїи. И паки повелѣ Царь Прїямъ взяти отъ Царей подлежащихъ Троянскому скипетру сокровища ихъ, и вложити ихъ во своя сокровища. Повелѣ же паки со всего царствїя своего собрати дани сугубыя, и

вложити я во своя же сокровища, и тако бысть богатъ зѣло. И повелѣ раскопанныя мѣста очищати и равняти. И егда сія совершиша, повелѣ съ прилѣжаніемъ утверждати основаніе, идѣже стѣнамъ градскимъ быти. И сему бывшу, повелѣ заложити стѣны градныя окрестъ, и возводити вся вкупѣ по изравненію, такожде и стрѣльницы и врата вкупѣ же повелѣ дѣлати. И тако по повелѣнію его начаша вся вкупѣ творити зѣло хитрѣ, и успѣваше дѣло въ рукахъ ихъ, и зиждяху лѣта нѣкая, ихъ же настоящая исторія не изъявляетъ; но токмо поставиша градъ онъ зѣло чуденъ и великъ. Величество же града бяше три дни долгота его, такожде и широты равныя: высота же стѣнамъ града онаго двѣсти локтей бяше; врата же его и стрѣльницы зѣло хитрѣ устроены бяху,

и различнымъ мраморомъ украшены, и мусїею подписаны; высота же ихъ триста локтей бяше, и мѣдїю покровенны; входъ же града того шестїю враты устроенъ бяше; около же града того рвы ископаны бяху глубоки зѣло, и каменною стѣною извнутрь ограждены; чрезъ ровъ же той противу вратъ онѣхъ мосты каменны устроены бяху; по конецъ же мостовъ онѣхъ башни поставлены бяху зѣло чудны, мраморомъ различнымъ украшены, и мусїею подписаны и мѣдїю позлащенною покрыты, яко да другомъ любезны подаваху входы, врагомъ же жестоки возбраняху приступы; посреди же града того рѣка нѣкая, Станкусъ именемъ или Скомандра течаше, яже градъ онъ на двѣ части равны раздѣляше. Среди же града того на единѣй странѣ рѣкї оныя Царь Прїамъ чудный свой царскїй домъ повелѣ

поста-

поставити, и палату ону чудную, нарицаемую Илїонъ, ей же высота пять сотъ локтей, бяше зѣло хитрѣ устроена чудною рѣзбою, и златомъ, и мусїею и мраморомъ различнымъ украшена, и златомъ чистымъ подписана и покровенна, и отвсюду красотою блистаяся процвѣташе, и всѣхъ человѣкъ на зрѣнїе красоты своея понуждаше, и вельми удивляше. Внутрь же стѣны палаты оныя златомъ же и сребромъ и мусїею зѣло хитрѣ украшены бяху. Також де двери и окна палаты оныя чудны, предивною и позлащенною рѣзбою украшены бяху чуднѣ. Верьху же палаты небеснаго бѣгу теченїе прекраснѣ зѣло изображено бяше; такова бо бѣ оная палата, яко ни у коего же прежде его бывшихъ Царей по всей вселеннѣй обрѣтеся, о ней же чудная написа Фригїй Дарїй. Такожде и иныя многїя чудныя па-

латы

латы на дворѣ царстѣмъ устроены бяху, и мусїею и мраморомъ различнымъ украшены, и рѣзбою различныхъ подобїй звѣрей же и птицъ, и златомъ подписаны и покровенны. Пространство же двора онаго зѣло велико бяше; стѣны же его также различными мраморы и мусїею украшены бяху чуднѣ; врата же златомъ и сребромъ и мусїею, и чуднымъ образомъ рѣзбою устроены зѣло предивнѣ. Среди же двора онаго древо нѣкое рукотворимыя хитрости чуднѣ устроено бяше; самое бо оное древо даже и до верьха его отъ злата чиста учинено бяше; розги же его бяху сребряны; листвїежъ также отъ злата чиста и зѣло тонка сотворены бѣша зѣло хитрѣ; плодъ же дре́ва того отъ каменїя драгаго и бисера учиненъ бѣ; высота же того дре́ва локтей бяше пятьнадесять; на розгахъ же дре́ва онаго

птицы

птицы нѣкія различными подобіи устроены бѣша отъ злата чиста, и кояждо отъ нихъ свою пѣснь хитрыми нѣкіими устроеньми, яко отъ жива языка гласа пѣніемъ испущаху, всѣхъ удивляюще; внутрь же града того Княжеская и вельможескія домы и палаты окрестъ царскаго двора поставлены бѣша безчисленніи; улицы же по всему граду равны размѣрены быша, въ нихъ же воинскихъ и купецкихъ человѣкъ, и различныхъ художествъ рукодѣльниковъ безчисленныхъ множество, живяху по разнымъ художества своего улицамъ, ово иконописцы, ово златоліятели, ово сребро-кузнецы, ово мѣдиковачи, ово бронники, ово сѣдельники, ово стекляры, ово шевцы, ово усмари, ово тектони, ово землемѣрители и прочіи. Отъ всѣхъ бо странъ Царь Пріямъ повелѣ собраши жители оны, и насели Трою,

вели-

великїй онъ царствующїй свой градъ, и бысть многолюденъ градъ и богатъ: много же бяше ту и премудрыхъ людей, и воинственныхъ бранноносцевъ чудныхъ, и ту первѣе обрѣтошася шахматныя потѣхи; ту и и́гры вскорѣ разгнѣвимыя тавлейныя, и скорыя шкоды и прибытки напрасныя зерни; ту трагедїя и комедїя изобрѣтены быти сказуются, и прочїя веселыя музыкальныя игранїя. Никогда бо чтется, ни въ коемъ царствїи таковъ инъ преславенъ градъ толикаго величества, толикїя красоты, каковъ бѣ чудный градъ Троя великая, юже Царь Прїамъ во обитанїе себѣ созда.

О послании пословъ Царя Пріяма ко Греческимъ Царемъ, о отданіи сестры его.

Егда же Царь Пріямъ градъ Трою предъумыслимымъ концемъ совершы, внятнымъ сердцемъ разгордѣвся, всѣхъ своихъ гражданъ призвати къ себѣ повелѣ. Сшедшимжеся имъ на нѣкоей площади, яже посреди града, на оной поставлени быша. Царь Пріямъ сія словеса изрече къ нимъ: о любезніи мои граждане! вы вѣсте, коль немилостивною и лютою безчеловѣчною яростію подвигшеся Грекове, нападоша на отечество наше туне, и безъ всякія вины убиша отца моего, славнаго и благороднаго Царя Лаомедонта, опровергоша градъ его, погубиша благородныхъ его, умертвиша оружіемъ воиновъ его, изсѣкоша мечи прочихъ гражданъ его, восхитиша царская сокровища его, разгра-

разграбиша градская вся имѣнія, и поимаша въ плѣнъ благородныя и прекрасныя жёны ваши и дѣти, наипаче же всѣхъ горши есть, яко восхитиша благородную Ексіону, сестру мою, отроковицу сущу царскую, и тѣмъ паче посрамиша царство державы нашея. И мнѣ убо моихъ, вамъ же вашихъ въ толикомъ жестокомъ свирѣпствѣ умертвиша родителей, мы же въ то время немощни весьма бѣхомъ сопротивитися врагомъ нашимъ, занеже безъ градовъ и домовъ гладни и малочисленни бѣхомъ. Нынѣ же, вселюбезніи, отъ толикихъ злыхъ нашихъ обстояній всеконечнѣ ужѐ свободихомся, якоже и сами видите, коликимъ возмогаемъ воинствомъ, коликими храбрыми бранноносцы себе ополчаемъ, коликимъ богатствомъ изобилуемъ, и коликими брашенными потребами обогащени пребываемъ, и коль во к[illegible]цѣ

 поста-

поставлени есмы градѣ. И нынѣ убо естьли комуждо васъ въ мысли противу толь лютыхъ враговъ нашихъ и немилостивыхъ, смертныхъ вредителей, руцѣ на оружїе обратити, и на раззоренїе ихъ мужески потщатися. Но зане, вселюбезнїи, бранныи случаи всегда подъ сомнѣнїемъ бываютъ, и неизвѣстна суть дѣла воюющихся; тѣмъ же отъ ополченїя унятися безопаснѣе видится: праведно бо есть, яко же мню, посольствомъ взыскати немилостивыхъ тѣхъ, да аще благоволятъ ми отдати сестру мою, то воистинну вся иныя шкоды ихъ и обиды сотворенныя ими совершенно отъ насъ да оставятся. И сего убо сотворити не восхотѣхъ безъ вашего повелѣваемаго совѣта, и того ради о семъ вашему даю вѣденїю, и что ми о томъ возвѣстите, любезнїи мои, да слышу. Они же сїя слышавше весело, вельми похвали-

хвалиша совѣтъ Царевъ, и вскорѣ сему быти повелѣша. Тогда Царь Пріямъ избра въ посольство Антенора Князя, мужа храбра и разумомъ мудрости вельми сіяюща, и разсужденіемъ здраваго совѣта зѣло цвѣтуща, и тѣломъ добрѣ стройна, и повелѣ ему, да ко Греческимъ Царемъ въ посольство себе управитъ. Антенорь же повелѣніемъ Царевымъ абіе на путь препоясуется, и вскорѣ на корабль восходитъ, и вѣтрила распростерти повелѣвъ, пути своего емлется. И перьвѣе ко Царю Пелею приходитъ, сказуя себе посла быти отъ Царя Пріяма, посольство же свое повѣдуетъ сими словесы: Царь Пріямъ, Троянскаго царства господь, благородіе твое любезнѣ молитъ и воспоминаетъ ти; понеже во оно мимошедшее время туне нападосте на отечество его, благороднаго отца его Царя Лаомедонта убисте

сте, градъ его славный до конца раззористе, благородныхъ его вельможъ и свѣтлыхъ воиновъ оружїемъ умертвисте, гражданъ его немилостивно мечи изсѣкосте, благородныхъ женъ и дѣвицъ въ плѣнъ отведосте, сокровища же его царская и градская грабленїемъ восхитисте, и вся лютая царству его показасте, наипаче же сестру его царскую, благородную Ексїону царевну восхитисте, и во своя царствїя отведосте, и нынѣ срамотнѣ ѕѣло творитъ надъ нею держатель ея; тебе убо, зане ты многаго разсужденїя Царь еси, онъ Царь Прїамъ молитъ и любезнѣ благородствїе твое проситъ, да въ толицѣхъ злыхъ нанесенныхъ ему отъ вашихъ царствїй обидъ, могло бы ся сотворити сїе малое добро благородїемъ твоимъ, еже бы возвратити сестру его во отечество

ея;

ея; вся же иныя шкоды и обиды ваша оставляются отъ него. Ей великій Царю, да не облѣнишися самъ сотворити по словесемъ его, и иныхъ благородныхъ Царей на сіе изволеніе привести.

И тако Антеноръ рѣчи своя сконча. Царь же Пелей егда сія услыша, весь гнѣвомъ разжеся, и рече Антенору: почто ты, друже, сихъ ради реченій твоихъ дерзнулъ еси наступити предѣлы наша? къ тому же еще и неправду написуеши намъ, укоряя насъ; мы бо Царя твоего ничимъ же обидѣхомъ, но зане Царь Лаомедонтъ, родитель его, вину представи зла своего, тѣмъ же и умре самъ по изволенію своему, никому же его на сіе понуждающу, еже безчестіе наносити славнымъ. Да аще Царь твой сицевыхъ ради продерзостей умре, что ты

о себѣ быти мниши, укоряя насъ въ палатѣ нашей, и обидою понося насъ, ею же сопротивихомся Царю Лаомедонту? почто же нашихъ славныхъ и благородныхъ обиду забылъ еси, и ни во что же вмѣняя полагаеши? глаголю же ти, яко аще не бы дѣло посольства защищало тя, безъ сомнѣнія повелѣлъ быхъ казнити тя, тѣмъ же отыди отсюду скоро, да не умреши смертїю безлѣпотною. Антенoръ же абїе отыде отъ Царя, и на корабль свой возшедъ, скоро отходитъ отъ царствїя его, и ко Царю Теламону приходитъ, къ нему же съ корабля сшедъ приступи, и посольство свое повѣдуетъ сими словесы: Царь Прїямъ, Троянскаго царства господь, благородствїе твое любезнѣ проситъ, да сестру его, юже въ палатѣ вашей въ неподобномъ держиши супружествѣ, отдалъ бы еси ея Царю, зане много есть къ вашей

чести,

чести, царскую сестру въ неподобномъ имѣти супружествѣ; ибо отъ равнаго есть благородія, или и вящшаго быти можаше, зане могла бы отдатися обычаемъ царскимъ, якоже лѣпо есть благороднымъ браки творити: нынѣ же укорнымъ прелюбодѣйствомъ благородіе ея мучится. И сего ради да благоволитъ держава твоя возвратити оную въ отечество ея, да здраваго совѣта любовію отъ Царя Пріяма насладишися. И тако Антеноръ рѣчи своя скончя. Къ словесемъ же Антеноровымъ Царь Теламонъ гнѣвомъ разжеся, и смѣятельнымъ лицемъ рече ему: друже! кто ты нибудь, о легкости бо азъ твоего ума удивленіемъ подвижуся, зане ни онъ мнѣ, ни азъ ему никоею же дружбою союзенъ, и сего ради и слышати ми его моленія нѣсть къ хотѣнію; вѣсть бо Царь твой мене пришедша, которой

съ нѣкоими иными Греческими славными; и яко самъ азъ прежде иныхъ всѣхъ во градъ Трою первый побѣдитель оружїемъ внидохъ, тѣмъ же и не легокъ даръ, яко же мню быти, воспрїяхъ себѣ Ексїону, зане многимъ излїянїемъ крове моея получихъ ю; во мзду бо труда моего предана мнѣ бысть Ексїона, творити ми о ней мое изволенїе, и не мощно мнѣ толь драгую вещь туне отдати, аще не остриемъ меча смертоноснаго. И тебе же самаго азъ зѣло мню буя быти, яко сицева дѣла ради дерзнулъ еси притти въ предѣлы царствїя нашего, къ тому же паки и безчестїя укоризну наводя намъ, яко реклъ еси, Ексїону благородїемъ цвѣтущу паче насъ, яже толико лѣтъ въ палатѣ съ нами, благородїю царствїя нашего съ покоренїемъ повинуется, госпожа тебѣ сущи. Ты же рцы ми, откуду воспрїялъ еси толику смѣлства дер-

дерзость, яко досаждаеши ми со многою укоризною въ лице благородія нашего въ палатѣ моей, чужеземецъ сый и рабъ? и аще не бы дѣло посольства твоего соблюдало тя, то поистиннѣ на древѣ повѣсити повелѣлъ быхъ тя; тѣмъ же отыди скоро отсюду; аще ли же мало закосниши, то безъ сомнѣнія имаши въ смертную бѣду впасти. Антеноръ же изыде отъ него, и въ корабль свой вниде, и вскорѣ отходитъ отъ царства его ко Царемъ Кастору и Поллуксу, и съ корабля своего сшедъ приступи къ нимъ, и посольства своего образъ, яко же Царю Пелею, по всему изрече, моля ихъ о отданіи сестры Царевы. Тогда Царь Касторъ со гнѣвомъ отвѣща ему сице: друже! кто ты ни буди, нижѐ мы вѣримъ, нижѐ мнимъ, еже бы намъ повредити чимъ Царя Пріяма; но отецъ его, Царь Лаомедонтъ, вину

представи зла своего, и сего ради, яко небрегій, безсовѣстно растор-гнеся; нанесе бо обиду благо-роднымъ, тѣмъ же и умре смер-тію язвенною, и что есть намъ къ симъ? самъ бо по изволенію своему, яко же сотвори, тако и пострада. Тѣмъ же всуе дерз-нулъ еси, неразумія мглою от-всюду объятъ, сихъ ради вещей къ предѣломъ царства сего ко-снутися. И сего ради, яко же мню, зѣло мало любезенъ себѣ быти животъ твой показуеши, понося намъ, и досаду плетый Царемъ въ палатѣ ихъ; и аще не бы дѣло посольства твоего защи-щало тя отъ смерти, безъ со-мнѣнія погиблъ бы еси здѣ срамно. И сего ради скоро потщися изы-ти отсюду; аще ли же ни, то абіе вся лютая на тебѣ слу-чатся. Антеноръ же сія слышавъ, абіе со тщаніемъ на корабль свой взыде, и вскорѣ отшедъ отъ

нихъ ко Князю Нестору приходитъ, къ нему же съ корабля сшедъ приступи, и посольство свое, яко же Царема Кастору и Поллуксу, по всему изрече. Несторъ же егда сія услыша, весь гнѣвомъ ярости разжегся, и яростнаго ради неистовства своего бысть блѣденъ, и на Антенора грознымъ лицемъ воззрѣ косо, и ему сицевая словеса изрече прещеніемъ устремительнѣ: рабе лукавый! откуду тебѣ произыти возможе толикія дерзости смѣльство, яко сицевыми реченіи дерзнулъ еси опорочити ушеса моя? и аще не бы мя благородіе мое обуздало, языкъ твой отъ челюстей исторгнути повелѣлъ быхъ, и въ безлѣпіе Царя твоего тебе по удомъ коньми влачима по граду расторгнутися учинилъ бы; тѣмъ же бѣжи отсюду скоро, да не погибнеши лютѣ: аще ли же мало укосниши здѣ, то безъ со-

мнѣнія злою смертію умреши. Антеноръ же сицевыхъ словесъ ужаснувшись, скоро отыде отъ него, дивяся толику суровству и безчеловѣчію Князя Нестора, и на корабль свой взыде, и скоро отыде отъ него, и по многіи дни плаванія своего отъ волнъ морскихъ лютая озлобленія пострада. Дойде же здравъ во пристанище Троянское, и перьвѣе вниде въ палату Цареву, идѣже Царь Пріамъ во множествѣ благородныхъ сѣдяше.

Антеноръ же ставъ предъ Царемъ, возвѣщаетъ подробну случившаяся ему въ Греціи, и перьвѣе сказуетъ Царю тяжкій отвѣтъ, бывшій ему отъ Пелея Царя, такоже претимыя обиды отъ Теламона Царя ему реченныя, Кастора же и Поллукса Царей поносные отвѣты, жестокія и острыя устрашенія, отъ Князя Нестора нанесен-

нанесенныя. И егда же услыша сїя Царь Прїамъ, зѣло оскорбѣ, и отъ великїя своея печали изнеможе духомъ, мало разумѣвая посла своего въ рѣчахъ его, и о прїобрѣтенїи сестры своея быть отчаянъ.

О совѣтѣ уложенномъ, яко да Парисъ во Греки пошлется.

Въ последующїй же день Царь Прїамъ всѣмъ снитися повелѣ гражданомъ; и яко снидошася вси, тогда Царь Прїамъ сицевая въ нихъ словеса излїя: о любезнїи мои и храбрїи граждане! вы сами добрѣ вѣсте, коль лютою и ненавистною виною подвигшеся Грекове на отечество наше нападоша, отца моего убиша, гражданъ его оружїемъ умертвиша, благородную сестру мою восхитиша, градъ нашъ опровер-

гоша, благородныхъ женъ и благообразныхъ дѣвицъ вашихъ въ плѣнъ и въ работу отведоша, сокровища же царская и гражданская во своя царства отвезоша, и вся лютая царству нашему показаша; мы же вся сія поистиннѣ тяжкія обиды ихъ съ молчаніемъ и смиреніемъ претерпѣть восхотѣхомъ, нежели трудитися шумѣніемъ ополченія; и сего ради разумнаго Антенора, посла нашего, послахомъ къ нимъ, молящe ихъ токмо о отданіи сестры моея, вся же иныя шкоды ихъ и обиды своя втуне оставляюще, но ни тако успѣти что возмогохомъ: не токмо бо желанія своего отъ сихъ лютыхъ враговъ нашихъ не получихомъ, но нижѐ слышати моленію нашего восхотѣша отъ лютости своея: тако одержими суще, и отъ высокоумія въ гордыню возвысившеся, намъ тяжчайше воспретиша, нижѐ словомъ

вомъ познатися восхотѣша, яко зло сотвориша. Коликими бо прещеньми посла моего преобидѣша, и коликими лютыми убійствы ему воспретиша, не восхотѣвше съ нами отнюдъ грѣтися примиренія живыми теплотами, но тако лютѣ ненавистію, яко мразомъ отвсюду омерзше, тяжкія вражды внутрь себе питаютъ.

И сего ради, любезніи мои и мужественныи Трояне, глаголю вамъ и воспоминаю, естьли убо комуждо васъ въ мысли противу враговъ нашихъ толь лютыхъ, и толь немилостивыхъ воспріяти сердца своя мужественна, и смѣльствомъ храбрости отвсюду оградившеся, въ лице врагомъ нашимъ крѣпцѣ со оружіемъ стати, прободающе ребра своя, и мечи разсѣкающеся съ ними на̂ полы, не щадити храбрыхъ главъ

вашихъ,

вашихъ, ниже имѣнію истощанія.

И что ми о семъ, любезныи мои, возвѣстите, да слышу, и пріиму малъ покой духу моему. И егда Царь Пріямъ скончa словеса своя; тогда граждане единодушно вси вкупѣ возопиша, яко единѣми усты, желающе вельми конечнаго отмщенія врагомъ своймъ; обѣщевающеся крѣпцѣ противу ихъ во оружіяхъ стати, не щадяще имѣній своихъ и персонъ. Возвеселися же о сихъ Царь, и вельми похваливъ храбрыхъ гражданъ своихъ во свою палату отыде, и повелѣ призвати сыны своя, и пріидоша къ нему вси, и сѣде кождо ихъ на своемъ мѣстѣ по достоинству ихъ. Царь Пріямъ сице рече сыновомъ своймъ: о любезніи мои сынове! вѣсте, яко азъ васъ родихъ, вы же отъ мене родистеся, и кождо

ждо насъ союзомъ симъ вкупѣ вси связани есмы и соединени, и сего ради должни есмы во всѣхъ полученіяхъ радостныхъ и печальныхъ другъ другу соединятися и сопріобщатися. Нынѣ же, вселюбезніи мои и благородніи сынове, колика бѣда объемлетъ душу мою, и колика печаль поядаетъ сердце мое отъ обдержащія напасти, внезапу на мя пришедшей. Сія много время косящи въ сердцѣ моемъ, ужѐ сокруши мя, поминая и предъ очи полагая мысленнѣ убійство отца моего, безчестное отвезеніе сестры моея, разрушеніе града моего, погубленіе гражданъ моихъ, плѣненіе женъ и дѣвицъ благородныхъ, расхищеніе сокровищъ моихъ, преобидѣніе посла моего, и вся лютая, яже нанесоша на мя Грекове немилостивіи: и того ради изнемогаю духомъ, и сокрушаюся печалію великою.

кою. Убіеннымъ бо бывшимъ родителемъ нашимъ и гражданомъ, вамъ же, сынове мои, живымъ сущимъ, и въ толицѣй силѣ пребывающимъ, заповѣдую, яко отецъ, и молю коегождо васъ, препояшитеся храбростію силъ вашихъ, и будите въ сыны силныхъ, воздвигните храбрости вашея силу на сія злая, грозну воспріимите мысль, тяжкія сія обиды оружіемъ своимъ мстити. И обращься къ Гектору рече: и ты, любезнѣйшій сыне мой Гекторе, иже во всѣхъ братіяхъ твоихъ перьвородный, иже лѣтами и храбростію силы предваряеши прочихъ братію твою, симъ моимъ воспоминаніемъ имися, и заповѣдей моихъ изслѣдованіе смѣло воспріими; буди убо ты сего дѣла начальникъ и воевода, и братія твоя тебѣ да повинуются, и вси Царіе намъ подвластніи послушати тя имутъ.

И

И сїя рекъ Царь Прїамъ очи своя наполнивъ злезъ умолче.

ОТВѢТЪ ГЕКТОРОВЪ, ПЕРВОРОДНАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Любимѣйшїй господь мой, и отче благородный великїй Царю! аще мы о своихъ обидахъ не радимъ и не отмщеваемъ себе, то ужѐ и неблагородни есмы въ человѣцехъ естествомъ; ибо и безсловесная животная видимъ нѣкогда себе отмщевающа. Возвѣщаю же извѣстно о изволенїи моемъ благородїю твоему, яко ни единъ же въ твоихъ сынѣхъ, дражайшїй отче, толико желателенъ убїйства врагомъ нашимъ, яко же азъ: да яко же есмь перьвый въ нихъ родомъ, сице перьвому подобаетъ ми желати и отмщенїя, и того ради въ крови ихъ десница моя окровавлена изгубитъ,

губитъ, иже дѣдовъ моихъ и граждан пролїяша кровь. Но едино дерзнухъ благородїю твоему воспомянути, дражайшїй отче, да хотѣнїе сего дѣла безсовѣтнѣ не воспрїимется, духъ желанїя своего на се взимая; то бо можетъ, яко же глаголютъ, поистиннѣ благо нарещися начало, ему же конецъ честенъ послѣдуетъ. А еже видѣти токмо начало благо, и начинати дѣло, конца же опаснымъ здраваго совѣта разсужденїемъ не испытовати, не разсужденїя, но дерзости естъ дѣло. Множицею бо случается таковымъ неразсмотрителемъ не постизати конца благаго, но строптивъ прїемлютъ, и зѣло въ раскаянїи о не разсмотренїи своемъ бываютъ, тщету подъемлюще паче, неже прибытокъ прїобрѣтающе. Таково нѣчто дабы и насъ не постигло неразсмотренїе; вѣси бо, дражайшїй отче,

Аѳрику

Аѳрику и Европу днесь Грекомъ быти повинну, и количимъ Греки преизобилуютъ богатствомъ; количими ополчаются воинствы; количими храбрыми ополчители возмогаютъ; вѣмъ бо, яко и во Азіи мнози возмогаютъ человѣцы, но не суть во ополчимомъ навыканіи зѣло бранливи, и сего ради коль сомнительно есть, аще оружія противу сильнѣйшихъ насъ неизслѣдимымъ совѣтомъ понесемъ, едва или никако же постигнути можемъ, какъ будетъ конецъ желаемый. Чинъ бо нашъ днесь, иже толикимъ покоемъ цвѣтетъ, толикою славою блистаетъ, почто же хощемъ труды тяжкими смутитися, и отъ веселаго покоя прити ко убійству бѣдно персонъ нашихъ? воистинну Ексіона нѣсть толикою цѣною искуплена, да за ея пріобрѣтеніе, аще случится, умрети толико славнымъ.

Да не возмниши же мя, дражайшій мой отче, яко сія азъ бранным страхомъ или се́рдца моего малодушствомъ изношу, но сомнѣваюся страхомъ шуихъ и несчастливыхъ случаевъ, и да не твоего царскаго благородія достоинство во {влаятельныхъ паденіяхъ упразднится.

ОТВѢТЪ ПАРИСОВЪ, ВТОРАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Умолча же по сихъ словесѣхъ разумный и храбрый Гекторъ; но Парисъ словеса Гекторовы слышавъ, отъ мѣста своего воста, и сими словесы возглагола: о пресвѣтлый и благороднѣйшій Царю! слыши о концѣ поспѣшномъ, да возвѣщу благородію твоему, и дамъ о семъ совѣсти твоей извѣстно знамя, яко отъ боговъ сія неложно восприяхъ. Прежде бо малыхъ

лыхъ сихъ дней случися ми изыти на поле во множествѣ ловцовъ, и звѣремъ сѣмо и овамо изысканнымъ бывшимъ, ничесого же возмогъ себе любезна уловити. Солнцу ужѐ обращающуся близъ вечернихъ предѣлъ, и ужѐ помышляющу ми во градъ возвратитися, внезапу явися мнѣ елень нѣкій на горахъ пустыхъ лѣсовъ оныхъ; текохъ же абіе во слѣдъ его зѣло быстро, мняхъ бо угонити его, и оставихъ всѣхъ товарищей моихъ, устремихся на гнаніе еленя. Егда же притекохъ къ чащамъ лѣса онаго, внезапу елень отъ очей моихъ изчезе. Что же прочее, утрудихся азъ самъ, такожде и конь мой весь мокръ бысть, капли каплямъ прилагая отъ велика пота; снидохъ же азъ съ коня своего, и къ вѣтви нѣкоего дре́ва привязахъ, и снемъ съ себе тулъ свой и сайдакъ, егоже ношахъ, снидохъ на землю опочити,

и возглавіе отъ нихъ учинихъ, и се сонъ нѣкій крѣпокъ абіе нападе на мя. Спахъ же зѣло крѣпко, и видѣхъ во снѣ томъ вельми дивно видѣніе, яко богъ Меркурій явися мнѣ, иже три богини водяше съ собою, Афродиту, Палладу, и Юнону. Нося же и яблоко нѣкое чудно, пріиде ко мнѣ, и рече ми сице: Парисъ! се приведохъ тебе три богини сія, имѣющія прю между себе сицеву: ядущимъ бо имъ на нѣкоемъ торжественнѣмъ брацѣ, яблоко нѣкое чудныя рѣзбы повержено бѣ въ нихъ, на немъ же написано бѣ, да краснѣйшей отъ нихъ дастся, и кая отъ нихъ краснѣйша есть возвѣсти имъ; твоему бо суду предаются, и каяждо тебѣ за мзду суда твоего обѣщаетъ мною воздаяніе неложно. Аще учиниши Юнону госпожу быти яблоку, она устроитъ тя во всѣхъ вельможахъ земскихъ быти перьваго: аще ли же Пал-

Палладу, то всякую премудрость отъ нея во мзду получиши: аще ли же Афродиту, то краснѣйшую и благороднѣйшую жену отъ Грекъ приведетъ ти. Тогда азъ отвѣщахъ Меркурїю: не могу, рекохъ, о семъ извѣстна и истинна суда дати имъ, аще не вси наги предстанутъ ми. Сложиша убо абїе ризы своя три предреченныя дѣвицы, и тогда изслѣдимися суду быти истинну, яко Афродита тѣхъ другихъ двухъ добротою красоты своея явѣ превзыде, и сего ради учинихъ ону быти госпожу яблока онаго. Она же о полученїи яблока вельми бысть весела, и обѣтъ Меркурїевъ мнѣ вторицею подтверди. Тѣмъ же, великїй Царю, аще благоволитъ держава твоя, посли убо мя во Греки; азъ бо не ложно мысль благородїя твоего веселїемъ исполню. И сїя изрекъ Парисъ словесемъ своимъ конецъ сотвори.

ОТВѢТЪ ДЕИѲЕБОВЪ, ТРЕТІЯГО СЫНА ЦАРЕВА.

Скончану же бывшу Парисову отвѣту предреченному, воста Деиѳебъ, третїй сынъ Царевъ, отъ мѣста своего и рече: о пресвѣтлый и великїй Царю! яко аще бы земледѣлатели опаснымъ совѣтомъ разсуждали, колика на нивахъ восхищаема бываютъ отъ птицъ сѣмена ихъ; то никогда бы браздамъ сѣменъ своихъ подали, и вси бы человѣцы гладомъ скончалися: такожде и корабленицы аще бы крѣпцѣ размышляли, колика озлобленія и страхи отъ морскихъ треволненїй подъемлютъ, множицею бо и препотопленїе приключается, и престали отъ плаванія; то уже къ тому не влаемо бы намъ было море, и вся купледѣйствія погибли. Такожде бываетъ и при совѣтныхъ разсужденїяхъ; на бѣды

бо аще кто не дерзаетъ, то и желанія своего не получаетъ. Сице же, великій Царю, и настоящее дѣло сіе инако, яко же непщую, исправитися не можетъ, токмо бранію ратнаго ополченія. И сего ради да пошлются убо корабли воевати Грековъ, зане совѣту Парисову искуснѣ прекословитися не можетъ. Аще случится ему отвуду благороднѣйшую жену привести, то поистиннѣ легко можеши пріобрѣсти благороднѣйшую свою сестру. И по семъ Деиѳебъ умолче.

ОТВѢТЪ ЕЛЕНОВЪ, ЧЕТВЕРТАГО СЫНА ЦАРЕВА.

По скончаніи же рѣчей Деиѳебовыхъ, воста Еленъ, четвертый сынъ Царевъ, отъ мѣста своего, и мысль свою изъяви сими словесы: о благородный и пре-

свѣтлый Царю! да не протнѣвается на мя величествіе твое, зане хощу рещи предъ тобою самую истинну, отцу моему сущу ти и благодѣтелю. Понеже убо ты, великій Царю, истинный и правый Царь именуешися, якоже и есть; то почто къ толицѣй неправдѣ благородіе свое уклоняеши, и почто злому сему начинанію не возбраниши, но ужѐ и въ дѣло беззаконіе се произвести покушаешися? Кая бо есть правда, или коего благородія дѣло, еже восхищати жены чужія, и отводити ихъ во своя отечества, и тѣмъ безславити свою царскую державу? Ни, господи мой, великій Царю, да не ниспадетъ къ толику грѣху благородіе твое, еже сотворити по словесемъ Парисовымъ, и утвердити совѣтъ брата моего. Аще бо ты самъ множицею о семъ порицаеши Грековъ сицевая творящихъ; почто же къ

толику

толику же беззаконїю и самъ ниспасти порѣваешися? Ни, господи мой, ни; да не сотвориши тако, яко зѣло срамно есть; къ тому же еще и бѣда велика хощетъ быти царству твоему, аще сотвориши се. Вѣсть бо благородїе твое мене наказанна суща въ вѣденїяхъ будущихъ, яко о хотящихъ быти мало изыде отъ устъ моихъ слово ложно, еже бы не послѣдовала сему самая правда, и збытїе вещемъ. Тѣмъ же и о настоящемъ семъ дѣлѣ благородїю твоему возвѣщу, и дерзновенно реку, и за истинну слово свое укрѣплю, яко аще сынъ твой Парисъ во Грецїю пойти дерзнетъ, и на землю Греческую наступитъ, и оттуду благородную жену похищенїемъ приведетъ во Трою; то безъ сомнѣнїя вѣждь, яко сей славный градъ нашъ Троя великая въ пепелъ превращенъ будетъ отъ Грекъ, и

граждане твои оружїемъ падутъ, и насъ всѣхъ, иже отъ твоея крове изыдохомъ, узритъ твое царское око мечи разсѣкаемыхъ, и по удомъ раздробляемыхъ, послѣди же и самогó тя преславнаго Царя узрятъ человѣцы на песцѣ разсѣчена лежаща, и удивятся вельми, и главами покивающе рекутъ: како толикъ и таковъ великїй Царь и сынове его безсовѣтнѣ падоша, и славный его градъ разсыпася, и въ поле запустѣнїя положися! И сїя изрече Еленъ премудрый, поистиннѣ бывъ исполненъ царскою мудростїю; самъ же стоскнувся печалїю великою умолче, и яко боля сѣде на своемъ мѣстѣ. Въ сихъ словесехъ Елена премудраго сомняшеся мыслъ Царева, и исполнися смущенїя велика; и сего ради во всѣхъ предстоящихъ отвсюду бѣ молчанїе тихо, нижè бо кто

смѣлъ

смѣлъ едино слово испустити.

ОТВѢТЪ ТРОИЛОВЪ, ПЯТАГО СЫНА ЦАРЕВА.

Тогда Троилъ, отъ сыновъ Царевыхъ юнѣйшій, видѣвъ, яко вси многаго ради смущенія молчатъ, расторгъ молчаніе сими словесы возглагола: о мужіе благородніи и зѣло смѣліи! почто смущаетеся во многихъ гласомъ единаго малодушнаго книжника? ни ли сущее есть книжнику отметати брани, бѣжати нахожденія, ихъ же едино творитъ малодушство любити пищи, и во единомъ питаніи брашенъ и питія сытостію надыматися? Кто бо отъ человѣкъ совершенно вѣстъ будущая? тѣмъ же да шествуетъ Еленъ, аще страхомъ поражается, во мольбищахъ служити жреческая,

ческая, и да оставитъ прочихъ, иже стыдѣнїемъ срамоты покрытися не могутъ, во оружномъ сраженїи взыскати отмщенїя. И обращься ко Царю тако рече: почто о его рѣчахъ толь суетныхъ, толь худыхъ, Царю славный, смущаешися? повели корабли готовити, и войску бранному на путь препоясатися, яко совѣту Парисову не мощно есть противитися. Аще бо ключится ему оттуду привести благороднѣйшую нѣкую жену; то поистиннѣ благородїе Ексїонино абїе узриши, великїй Царю; благотворнымъ бо премѣненїемъ каждо отъ нихъ познаетъ свою страну и отечество, мы же къ тому безпечальни будемъ, не терпяще толикїя укоризны отъ враговъ нашихъ. И по сихъ словесехъ Троилъ умолче.

Угодися же совѣтъ Троиловъ всѣмъ предстоящимъ; вси бо

совѣтъ

совѣтъ его вельми похвалиша, произволиже на се и самъ Царь.

Тогда нѣкій воинъ отъ предстоящихъ, именемъ Партеусъ, сынъ нѣкоего философа велика, именемъ Евфобрія, приступивъ рече ко Царю: о великій и преславный Царю! вѣмъ бо, яко добрѣ вѣстъ благородіе твое мене имуща отца Евфобрія, сто и осмьдесятъ лѣтъ уже жившаго, и всякія мудрости совершенно навыкшаго, въ знаніи бѣга небеснаго и въ вѣденіи будущихъ зѣло искуснаго: сей многажды ми о сей вещи рече, и за истинну слово свое утверди, яко аще, рече, сынъ вашъ царскій дерзнетъ пойти во Грецію, и оттуду приведетъ во Трою жену благородну: то уже славный градъ вашъ сей до конца опровerженъ будетъ отъ Грекъ, и къ тому не возградится въ вѣчное время, и

 жители

жители его ови оружїемъ умрутъ, ови же въ плѣнъ и въ работу отведены будутъ, и къ тому не возвратятся, и тако измрутъ. И сїя дерзнухъ державѣ твоей возвѣстити, великїй Царю, яко да сїя слышавъ благолѣпнѣ о семъ разсудиши, яко нѣсть добро словеса мудрыхъ мужей презирати, отъ великаго ихъ разумѣнїя и отъ многаго искусства премудрости глаголанныя; и сїя рекъ умолче. Къ словесемъ же Партеусовымъ, сице изрекшаго, ропотъ велїй воста въ палатѣ Царевѣ отъ предстоящихъ, его бо и отца проереченїя отвергающе, и совѣту его волити не хотяще. Тогда Царь Прїямъ повелѣ абїе сыновомъ своимъ Парису и Деифебу, такожде и Княземъ, Енею и Полидаму, да во Грецїю съ ополченїемъ въ путь препояшутся. Повелѣ же имъ и корабли уготовляти, и воинству вооружатися. И

сему

сему повелѣнію бывшу, абіе вси разыдошася отъ палаты Царевы зѣло радостны и веселы, яко Парисъ во Греки съ воинствомъ имать оттыти.

Егда же увѣда о семъ Кассандра, дщи Царева, зѣло расторжеся во многія слёзы, и въ горести души своея пріиде въ палату Цареву, дождевными каплями слезъ своихъ окроплена сущи, и рече ко Царю: почто повелѣлъ еси, великій Царю, основанія Троянская разрушати Парису, брату моему, иже толикимъ временемъ и труды и иждивеньми состроенная тобою свѣтлая зданія въ краткое время разсыплетъ пошествіемъ своимъ симъ? вѣчно бо раззорится Троя, и твое благородіе царское прейдетъ, и сынове твои оружіемъ падутъ, и благородніи твои и свѣтліи воини на бранѣхъ умертвятся,

и граждане твои мечи изсѣчени будутъ, прочіи же въ плѣнъ и въ работу отведутся, благородныя же жёны и дѣвицы срамное насиліе потерпятъ, имѣнія же твоя царская и гражданская вся разхитятся, и прежде даже не совершитися сицевымъ злымъ, благоволи удержати Париса, да не идетъ во Грецію, и да не раззоритъ тако града нашего.

И егда Кассандра сія изрече, тогда высокимъ гласомъ возопи, со многими слезами Царя отца своего прилѣжнѣ моля, да престанетъ отъ начатаго. Царь же повелѣ ея абіе изгнати изъ палаты своея, и заповѣда ей, яко да не входитъ къ нему. И аще бы Трояне совѣтованіе Гекторово, Кассандрино увѣщаніе, совѣты Еленовы, наученія Парѳеусовы любезнѣ воспріяли; Троя не плакала бы вѣчныхъ своихъ паденій, яже

и до нынѣ остави по себѣ человѣкомъ толикую плачевную повѣсть.

О ПОШЕСТВІИ ПАРИСОВѢ ВО ГРЕЦІЮ СЬ ВОИНСТВОМЪ СВОИМЪ.

Уготовленнымъ же бывшимъ кораблемъ двадесяти и двумъ, и вложеннымъ бывшимъ въ нихъ всякимъ потребамъ доволно, ихъ же вина плаванія прошаше, Парисъ и Деиѳебъ, такожде Еней и Полидамъ, препоясашася оружіемъ брани своея на ополченіе, и на корабли своя восходятъ. Потомъ же избранныхъ и храбрыхъ воиновъ Троянскихъ, числомъ три тысящи, на корабли своя извлекше, и вѣтрила распростерше исходятъ изъ пристанища, и пути своего емлюшся. Пловущимъ же имъ поспѣшнымъ плаваніемъ, внезапу пріиде имъ въ стрѣчу нѣкій корабль, въ немъ же бѣ нѣкій Царь отъ большихъ Греческихъ, именемъ

Менелай, зане Княземъ Несторомъ въ то время позванъ ко граду Пирѣ [или Пилону] пловяше. Сей же Менелай, братъ Агамемнона Царя, имѣ у себе Елену жену, яже во дни тѣ чудною красотою цвѣтяше, и сестра бяше Кастора и Поллукса Царей. Трояне же видяще корабль онъ отъ нихъ уклоняющійся, сего ради познати ихъ немогоша, ниже паки тѣ ихъ познаша, и тако разыдошася.

Пришедшимъ же имъ по случаю во островъ Ситарію, ту присташа на дни нѣкія. Въ семъ же островѣ Ситарійскомъ капище нѣкое бѣ отъ древнихъ сооружено въ честь Афродиты; капище же то исполнено бѣ многимъ безчисленнымъ богатствомъ; множество бо вельми въ немъ бяше злата и сребра, каменія же драгаго и бисера великаго, и всякія иныя утвари, и камокъ златыхъ

тыхъ, и прочихъ богатствъ многая вельми множества. Не далече же островъ той отстояше отъ Менелаева царства малымъ разстоянїемъ. Во оное же время въ томъ островѣ чествовашеся Афродитинъ начальный праздникъ, и сего ради отъ окольныхъ странъ праздника ради сшедшеся множество мужей и женъ благородныхъ обѣщанїя своя исполняху, дары приносяще Афродитѣ. Егда же о семъ возвѣстиша Парису, тогда лѣпотнѣ урядився Парисъ украшенїи царскими, и во множествѣ благородныхъ вниде въ мольбище молебнымъ лицемъ, и ту богинѣ Афродитѣ дары своя во множествѣ злата и сребра принесе. бяше бо Парисъ многою красотою лѣпъ, всѣхъ своихъ, такожде и чужихъ образомъ красоты своея превосходя, егоже увидѣвше вси престоящїи въ капищѣ ономъ, вельми чуждахуся, тѣмъ

тѣмъ же и прилѣжнѣ зряху нань. Мужїе же и жены вельми дивляхуся царскимъ украшенїямъ, наипаче же чудной красотѣ его, и зѣльнѣ желаху вѣдати о немъ, вопрошающе: кто есть сей чудный юноша? тако бо людїе удивляхуся о немъ, яко вся она праздничная игранїя оставльше, о немъ внимаху; зѣло бо въ нихъ славенъ являшеся, и сего ради не утаился отъ нихъ природа Троянская. Сказуютъ же имъ Трояне Париса быти, сына Царя Прїама Троянскаго; идетъ же во Грецїю повелѣнїемъ отчимъ, да у Царей Греческихъ испроситъ нѣкую отца своего сестру. Слышавше же людїе сїе, наипаче прославляху благородїе его, и отвсюду прибѣгаху зрѣти его, и вельми стѣсняхуся. Таковъ бо бяше оный Парисъ, да яко всѣхъ человѣкъ неволею на зрѣнїе красоты своея понуждаше. Слуху бо о немъ повсюду раздавшуся,

шуся, вскорѣ Еленѣ Царицѣ во уши достиже.

Егда же Еленѣ о красотѣ Парисовѣ слухъ достиже, абіе восхотѣ видѣти его, праздника вину притворивъ, яко обѣщанія нѣкая хощетъ исполнити. Повелѣваетъ рабомъ своимъ готовити кони и спутники, зане вскорѣ въ Ситарію хощетъ пойти. Уготовленнымъ же бывшимъ конемъ и колесницамъ, Царица Елена всѣде въ колесницу, и на брегъ мо́ря абіе пріиде, и оттуду на корабль взыде, и скоро въ Ситарію достиже и отъ всѣхъ, яко Царица и госпожа того о́строва, со многою честію воспріята бѣ. Егда же паки пріиде въ капище, Парисъ видѣвъ ю зѣло удивися, и скоро пріиде ко своймъ кораблемъ, идѣже всѣхъ больши войска своего къ себѣ призвати повелѣ. Имъ же сшедшимся, Парисъ сія словеса

веса изрече: о свѣтлїи и благороднїи Трояне! вы вѣсте сами, коея ради вины Царю, отцу моему насъ угодися во Греки послати; бѣ бо поистиннѣ всячески мысль его, да нашимъ прилѣжанїемъ благородную Ексїону, сестру свою, прїобрящетъ. Прїобрѣтенїе же ея не зѣло легко намъ быти видится, зане вѣмы ея отъ Царя Теламона держиму сущу, мужа убо бранна, иже намъ ея не безъ тяжкаго браннаго сраженїя отдати поступитъ, ниже въ насъ нынѣ толика мочь есть, яко да оному Царю преодолѣти моглибы въ силахъ нашихъ. Нынѣ же сами зримъ, яко въ семъ острова, воньже насъ счастливый случай приведе, капище многаго богатства исполнено есть; множество бо въ немъ велико злата и сребра, и каменїя драгаго и бисера обрѣтается, и матерїй златыхъ; множество ту мужей же и женъ благо-

благородныхъ праздника ради пришедшихъ, промежъ же сихъ есть ту и Царица Елена, того острова госпожа, Менелая Царя жена, Кастора и Поллукса Царей сестра. И аще лѣпо вамъ видится, въ темнотy нощную нападемъ на храмъ сей вооруженною рукою, и всѣхъ ту сущихъ плѣнимъ, и отведемъ на корабли наша; наипаче же Царицу Елену и ея спутниковъ аще побѣдительною рукою отведемъ во Трою, такожде и богатство капища сего съ собою вземше отнесемъ, честенъ поистиннѣ и радостенъ возвратъ нашъ будетъ во своя си. Легцѣ бо можетъ Царь Пріямъ, отецъ мой, симъ нашимъ тщательнымъ попеченія промысломъ свою царскую пріобрѣсти сестру. Токмо помедлимъ здѣ благодарни, донелѣже пріидетъ время. И егда сія изрече Парисъ, тогда воинство его слышавше, въ разная хотѣнія раздѣляются,

ляются, ови брань хотятъ, друзіи же отрицаютъ, послѣди же обще вси на то снидошася, яко да въ темнотў нощную нападше на мольбище оно вся поплѣнивъ разграбятъ.

Бысть же нощи пришедшей, и звѣздамъ явльшимся, и къ захожденію лунѣ приходящей, Трояне въ молчаніи оружія своя пріемлютъ, и тихо отъ кораблей кони своя изъемлютъ, и на землю сходятъ, и вседше на кони, нападаютъ на храмъ онъ вражебною мыслію, и лютѣ сѣчаху Грековъ, обрѣтающихся ту: благородныхъ женъ и благородныхъ дѣвицъ поемлюще, отвожаху на корабли своя. Самъ же Парисъ Царицу Елену и ея спутниковъ своею рукою взя, и понуди ея Парисъ волею паче, неже неволею. Ведется убо Елена отъ Париса къ кораблемъ его; приведъ

ведъ же ю на корабль свой, остави въ вѣрнѣмъ стреженіи. И егда паки пріиде Парисъ на грабленіе, вопль убо велій воста, въ нощномъ молчаніи, наипаче же отъ тѣхъ, иже смерти хотяху предатися. Внушается же той вопль отъ гласовъ убиваемыхъ въ нѣкоемъ городкѣ, иже на высоцѣ мѣстѣ, надъ капищемъ онымъ утвержденнѣ, въ немъ же живяше нѣкое число ополченныхъ юношъ, иже воинскою службою цвѣтяху. Возбудившеся отъ гласовъ онѣхъ, и ужасшеся востаютъ отъ ложей, и оружія своя пріемлютъ, и отворивше врата исходятъ на ополченіе съ великою скоростію, мняще плѣнныхъ пріобрѣсти персонъ; сраженіе же бываетъ веліе, отъ него же послѣдуетъ убійство велико. Падаютъ убо воини сѣмо и овамо, ови язвени, ови же убиты, но послѣди Трояне силою великою превосхождаху Грекъ,

множе-

множества ради оружникъ. Бывшу же устремленію на Греки, обращаютъ ихъ въ бѣгъ и даже до горнаго корени городка предреченнаго мечи гонятъ, и бываетъ ту конецъ брани. Трояне побѣдивъ радуются, возвращаются въ корабли своя, ничего же драгаго въ мольбищѣ ономъ не оставльше, но вся похищеніемъ пограбиша, и распростерше вѣтрила своя, пути своего коснушася, и благоспѣшнымъ плаваніемъ бѣжаще седьмь дній, во осмый день къ предѣломъ Троянскимъ коснушася, и во островѣ Тенедонскомъ здравіи присташа, за шесть миль отстояще отъ Трои.

Тогда Парисъ вѣстника своего абіе ко отцу своему Пріяму посла, иже и пришедъ ко Царю сказуетъ Париса здрава въ Тенедонъ пришедша со всѣми своими; приведша же съ собою и

Царицу

Царицу Елену и иныхъ множество благородныхъ женъ и дѣвицъ. Царь же Прїямъ егда услыша сїя, неизреченною радостїю возвеселися зѣло, и сказуетъ Княземъ своимъ и вельможамъ, Париса здрава со всѣми въ Тенедонъ пришедша, и приведша съ собою Царицу Елену. Они же сїя слышаще, такожде радостни быша вельми. Между же симъ егда Парисъ вѣстника своего посла во Трою, и донелѣже ему вѣсть прїиде отъ Царя, пребываше въ Тенедонѣ. Въ то же время Царица Елена разжалився, начя плакати, поминая славу царствїя своего и дщерь свою Ермонїю, юже остави, къ тому же еще зря и иныхъ благородныхъ своихъ женъ и дѣвицъ плачущихся наипаче плакашеся, помышляя, яко мене ради единыя сїи вси отечества своего отпадоша, дѣвицы родителей, жены же мужей

жей и дѣтей своихъ лишившася, и быша плѣнницы въ земли чуждей; такожде и сама азъ бывши иногда Царица, а нынѣ паже плѣнница быхъ, яко же и они, и сія вся во умѣ своемъ мысляше, зѣло скорбя и изнемогая духомъ. Парисъ же пріиде къ ней, и видѣвъ ю тако плачущуся, рече ей: почто, Царице, тако плачешися, сокрушающи ми сердце, и непостоянство являющи, лютѣ досаждаеши ми симъ, еже и не лѣпо есть тако Царицамъ творити, благородіе свое осрамляя малодушіемъ и непостоянствомъ? прежде бо сама ты возлюбила еси честь благородія нашего, нынѣ же паки плачемъ любовь свою окончеваеши, яко бы укоризну нѣкую или обиду написуя намъ, ни что же порочно сотворшимъ. Поистиннѣ бо глаголю ти, яко въ любимую и законную жену пояти тя умышляю; или паки тя на плачь понуж-

нуждаетъ любовь оставленнаго тобою мужа? но онъ нѣсть ми во благородствѣ подобенъ, нижѐ въ храбрости равенъ. Или паки о царствіи своемъ печалишися? и то, госпоже, отнюдь не по разсмотренію же твориши; отъ малаго бо своего царствія въ великая измѣнишися. Не вѣси ли, яко многія царства Троянскому скипетру повинни? вси же сіи преимѣющею царскою честію почитати тя имутъ, и дары благородію твоему принесутъ, яко истиннѣй Царицѣ и Госпожѣ. Или паки о благородныхъ своихъ женахъ и дѣвахъ скорбиши? поистиннѣ бо въ чести велицѣй по изволенію твоему устроени будутъ: и аще кая отъ нихъ похощетъ мужа, то прекрасныхъ и благородныхъ юношъ жениховъ подамъ имъ. И сего ради, госпоже, глаголю ти, престани отъ сицевыхъ жалобъ, и утѣшися отъ

толика неполезна плача: аще ли же ни, то поистиннѣ ничто же ино оттуду себѣ прїобрящеши, токмо сердцу моему суетное сокрушенїе. Сїя же услышавъ Царица Елена, вельми ужасеся, и рече Парису: возвѣщаю благородїю твоему вину плача моего, яко дщере ради моея сице плачуся, понеже оставихъ ю у питательницы ея ѕѣло малу сущу. Не по мнозѣ же прїиде отъ Царя Князь нѣкїй благороденъ къ Парису и Деифебу, сыновомъ царскимъ, съ миромъ отъ лица̀ Царева. Принесе же и дары многоцѣнны, посланныя отъ Царя Прїяма, на знамя милости Царицѣ Еленѣ; потóмъ же паки прїидоша отъ Трои многїя жéны благородныя для прїятїя Царицы Елены. Принесоша же ей ѕѣло многоцѣнны отъ Царицы Еккубы и честны дары, и поклонившася ей, поздравляюще ю отъ лица̀ Царицына.

цына. Потомъ же привелоша колесницу царскую пріятія ради Еленина, такожде и иныя многія колесницы позлащенныя приведоша, для благородныхъ ея женъ и дѣвицъ.

Егда же вся сія узрѣ Царица Елена, зѣло возвеселися о пріятельствѣ Царстѣмъ и Царицынѣ, забывая всю печаль свою. Во утрій же день повелѣ Парисъ корабельному воинству своему итти ко Трои; сами же начаша такожде строитися къ пути: и егда урядишася зѣло чуднѣ, и вся благолѣпнѣ устроиша, тогда Парисъ и Деифобъ, такожде Енея и Полидамъ, Князи Троянскіе, на избранныя и храбрыя кони своя всѣдоша: потомъ же и Царица Елена на колесницу царскую взыде, такожде и прочія благородныя жёны и дѣвы на колесницы всѣдше, ко Трои пойдоша.

Егда же пріидоша близъ Трои, тогда изыдоша повелѣніемъ Царевымъ вси граждане съ женами и дѣтьми во срѣтеніе Еленино во свѣтлыхъ ризахъ, честь царскую приносяще ей, и радующеся пришествію ея. И егда пріидоша близъ вратъ градскихъ, тогда изыдоша всѣ благородныя жены Троянскія во срѣтеніе Царицыно, и падше поклонишася ей, и въ слѣдъ колесницы ея пойдоша пѣши, честь благородію ея воздающе. Егда же внидоша во врата градныя, тогда народи абіе возгласиша во вся трубы и органы, во свирѣли же и гусли, и въ прочія инструменты гласовъ Мусикійскихъ, вельми радующеся и веселящеся о пришествіи Еленинѣ. Царь же Пріямъ во множествѣ зѣло благородныхъ Троянскихъ далече изыде отъ палаты своея во срѣтеніе Елены Царицы. Она же егда узрѣ при-

пришествїе самого Царя, сниде съ колесницы своея, и падъ поклонися Царю Прїяму. Онъ же прїемъ цѣлова ю въ велицѣй радости, и повелѣ паки взыти ей на колесницу свою; самъ же пѣшъ за узду коня ея веземъ къ палатамъ своимъ приведе. По прибытїи Царицы Елены со многою честїю въ палаты царскїя, повелѣ Царь Прїямъ пришествїя ради ея пиръ великъ сотворити гражданамъ. Во утрїй же день Парисъ Елену въ капищѣ Палладинѣ въ жену себѣ поемлетъ, и тако Трояне праздники праздникомъ, и радости радостемъ отвсюду прилагающе неизреченно веселяхуся, и чрезъ осмь дней во играхъ и въ веселїи упражняхуся. Егда же прїиде въ слухъ Кассандрѣ, дщери Царевѣ, яко Парисъ Елену въ жену себѣ поемлетъ, зѣло расторжеся во многїя слезы и высокими гласы

вопія, сице рече: о славный и пречудный граде Троя великая, всея вселенныя удивленіе! тяжкими поревваешися днесь паденіи, и уже́ въ краткое время низпадеши, и стрѣльницъ твоихъ высокія холмы разрушатся, и дадутся въ конечное опровержение. О неблагочестивый Царю Пріяме! иже порокъ лютъ учинилъ еси своему царствію, и того ради падеши оружіемъ; такожде и ты, Царице Еккуба, того же грѣха оболчена сущи срамотою, колика изнесеши воздыханія въ погубленіи чадъ твоихъ, ихъ же иссѣчетъ и изгубитъ кровавый мечь, послѣди же и сама пагубною смертію умреши. О неблагочестивіи Трояне! почто радуетеся о брацѣ Парисовѣ, иже толикимъ убійствамъ вина есть; сей бо поистиннѣ бракъ его нѣсть бракъ, но гробъ отверстый, и врата смертная всѣмъ Трояномъ. О бѣд-

ныя

ныя матери Троянскія! како можете извести изъ очей вашихъ толико слезъ о убійствѣ вашихъ чадъ, егда узрите ихъ мечи разсѣкаемыхъ, и по удомъ раздробляемыхъ, и внутренняя ихъ коньми попираема. Отрините, бѣдніи Трояне, немилостивый трупъ сей отъ домовъ вашихъ, аще хощете животъ вмѣсто смерти купити. О злочестивая Елена, паче же львица жестокая Елена, яже послѣди толикія болѣзни намъ породиши! Сицевая же и ина многа Кассандра, дщи Царева, рыдающи глаголаше. Царь же Пріамъ изымати ея повелѣ, и въ оковахъ утвердити, въ нихъ же чрезъ многіи дни Кассандра сѣдяше непрестанно рыдая.

О совѣщании царей греческихъ, како бы имъ обиду свою мстити, и о избрании на воеводство ополчению ихъ царя Агамемнона.

Егда же сія тако во градѣ Трои дѣйствовахуся любочестнѣ, паче же рещи, злосчастнѣ сотворяхуся, слухъ многорѣчный повсюду во уши Менелая Царя многимъ сказаніемъ достиже, иже не отшелъ еще отъ Пилона, нижѐ отъ сообщенія Князя Нестора отлучися. Сказуютъ бо ему случившуюся обиду, отъ Троянъ нанесенную во островѣ Ситаріійскомъ, како Трояне капище пограбиша, многаго богатства исполненно, и како людей его посѣкоша, и благородныхъ женъ и дѣвицъ въ плѣнъ отведоша, послѣди же и восхищеніе Царицы Елены ему возвѣстиша, юже онъ паче самого себе любляше. И егда же вся сія услыша Царь Менелай, изнеможе духомъ,

духомъ, и не можаше глаголати ничтоже. Возвѣщена же сїя быша Князу Нестору, и абїе со тщанїемъ прїиде къ нему, и многими сладкими словесы понудися утѣшити скорбящаго, но не возможе. Никако же бо Царь Менелай покоя себѣ дати возмоглъ; плачется убо зѣлнѣ о грабленїи капища, плачется о погубленїи граждан, и о восхищенїи плѣнныхъ, наипаче же плачется красоты Еленины, въ чуждей землѝ обруганной, и никако же отъ плача престати можаше. Абїе на путь препоясуется, и во свое царствїе отыде, егоже Князь Несторъ не остави, но съ нимъ пойде во царство его.

Егда же прїиде, тогда скоро посла ко Царю Агамемнону, брату своему, моля его, да къ нему прїидетъ; такожде и ко Царемъ Кастору и Поллуксу, братїямъ Елениным,

нинымъ, вѣстника своего послалъ моля ихъ, да къ нему пріидутъ: самъ же отъ великія оныя печали лежаше на ложи своемъ вельми плачася. И вскорѣ къ нему братъ его Царь Агамемнонъ пріиде, и видѣвъ его тако скорбяща и изнемогающа духомъ, сицевая словеса рече ему: почто, брате, плачеши, тако лютѣ сокрушая свое сердце толикою скорбію? или не вѣси, яко скорбь ничто же ино творитъ человѣку, но точію тѣла изсушеніе, и ума омраченіе, и крѣпости погубленіе; не прилично бо есть Царю, паче же храброму, тако плакати, и нѣсть сіе храбрымъ сердцамъ обычай, но женскаго малодушія дѣло. Ты же, брате, отложи отъ себе, молю тя, сіе укоризненное и смѣха достойное малодушіе, и будучи доблественъ ратоборецъ, облецыся въ мужество, и препоясшися храбростію силъ своихъ, и смѣлствомъ

здраваго

здраваго совѣта отвсюду процвѣтая, можеши не токмо себе отмщевати, но и иныхъ защищати. Скорбїю же малодушія аще поглощенъ будеши, не точїю возможеши иныхъ защищати, но и себе погубиши, умирая смертїю смѣха достойною. Тѣмъ же послушай мя, полезная глаголюща ти, воздвигни храбрости твоея силу на сїя злая, и воспрїими грозную мысль, тяжкїя сїя обиды оружїемъ своимъ мстити; ко всѣмъ бо Царемъ и Княземъ писанія наша да послемъ съ моленїемъ, яко да во отмщенїе сего безлѣпія съ силою предстанутъ намъ. Вѣмъ бо, яко всея Греческїя области Царїе и Князи нами молими суще, оружїя понести на Троянъ не отвергутся; мышцею бо сильною, и во множествѣ кораблей нашихъ ко Трои мы единодушно приступимъ. На Троянскихъ же брезѣхъ аще шатры наши поставимъ

ставимъ

ставимъ, то поистиннѣ жестоко будетъ, и не можно Фригіяномъ насъ отъ бреговъ своихъ отринути, но будутъ перьвѣе больши̇и ихъ мечемъ посѣчены; прочи̇и же въ плѣнъ и въ работу отведени будутъ во Грецію, и здѣ да умрутъ въ земли чуждей: и онъ Парисъ, иже толикихъ злыхъ содѣятель, аще случится изыманъ быти, яко лукавый разбойникъ, повѣшенъ будетъ на древѣ, и горчайшія казни потерпитъ. Злое бо недугованіе злыми и горкими врачеваніи отгоняется; тако и злая сія начинанія злымъ и ратнымъ ополченія концемъ совершитися имутъ: мечемъ бо откровеннымъ месть предлежитъ, а не ропотными жалобами, ни слезными изліяньми, якоже ты твориши, Царю, осрамляя благородіе свое. И сихъ словесъ Агамемнона Царя умильнѣ зѣло послуша Менелай, и вскорѣ писанія своя ко всѣмъ Греческимъ Царемъ

и

и Князем разосла, моля их о поможеніи на Троян. И егда писанія Царя Менелая во вся царствія Греческая достигоша; тогда во перьвых пріидоша к нему на помощь они честніи мужіе, Ахиллес храбрый, и Патрокл Царь, и сильнѣйшій Діомид Князь, и все дѣло им подробну изъявлено быть. Они же прежде всего умыслиша себѣ избрати воеводу, яко да под его правленіем все войско здравѣ упасется; и избраша себѣ в воеводы Царя Агамемнона, мужа храбра, и здраваго совѣта разсужденіем цвѣтуща, и даша ему всего ополченія власть.

Предреченніи же Царіе Кастор и Поллукс, братія Еленины, егда услышаша о восхищеніи Елены, сестры своея, в корабли вшедше на море вдашася, и мнѣвше Троян во Фригію еще не достигших,

перенятии ихъ покусишася, и не у чрезъ два дни здраво плыша. Егда же скоро небо облечеся облаки, и мрачныя наведе тьмы, отвсюду блистаніемъ разнымъ изходящимъ, и вѣтру свирѣпо дышущу, тѣмъ же гремятъ велегласныя волны, и мысли плавающихъ въ страхъ понудимы быша, и не замедливъ сокрушаются древеса, раздираются парусы, вся корабельная устроенія погибаютъ, и вооруженныя развѣваются корабли. Корабль же онъ, въ немъ же два брата Цари, сокрушену бывшу кормилу его, и древесемъ его многими удары сраженнымъ, своея гребли лишися; носится по пучинѣ безвѣстнымъ плаваніемъ, ово прямо, ово криво по морю прерыщетъ, послѣди же погибе морскими зіяніи. Дну его разрушенну, дскам отторнутымъ, никому же иному видящу, погружается въ волнахъ, въ немъ же

два

два брата Цари, якоже истинно непщуется быти, утопоша, и пріобрѣтеніе сестры своея своею смертію навершиша. Сихъ братій смерть языкомъ бѣ безвѣстна, и того ради обезумившеся глаголютъ, яко взяты быша въ боги; тѣмъ же и звѣзду зодійную во имя ихъ близнецы быти нарекоша.

О пришествіи Царей и Князей Греческихъ во Аѳинское пристанище, и о числѣ кораблей, ихъ же приведоша съ собою на Троянское раззореніе.

Егда же предреченная писанія Менелая Царя во вся царствія достигоша; тогда вси Царіе Грецстіи, и Князи, и начальницы вкупѣ снидошася во Аѳинское пристанище съ воинствы своими. Царь Агамемнонъ, всего Греческаго ополченія начальникъ, сто кораблей приведе на ополченіе отъ своего царствія.

ствія. Царь Менелай шестьдесятъ кораблей приведе съ собою отъ своего царствія. Ахиллесъ храбрый пятьдесятъ кораблей приведе отъ своего царствія. Царь Уликсъ доброрѣчивый пятьдесятъ кораблей приведе отъ своего царствія. Царь Теламонъ отъ своего царствія пятьдесятъ кораблей приведе. Князь Несторъ отъ своего княжества пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Протезилай отъ своего царствія пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Патроклъ отъ своего царствія пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Седей и Царь Епистропъ отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Князь Діомидъ отъ своего владѣнія пятьдесятъ кораблей приведе. Царь Филиксъ и Царь Ксантиппъ отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Царь Архелай и Царь Протенорь отъ царствъ своихъ осмьдесятъ кораблей приведоша. Менестей, Князь Аѳинскій,

пять-

пятьдесятъ кораблей отъ области своея приведе. Прочіи же Царіе и Князи четыре ста двадесять и два корабля приведоша на ополченіе, и бысть всѣхъ сшедшихся Царей и Князей Греческихъ на ополченіе противу Троянъ числомъ шестьдесятъ девять; а кораблей ихъ бяше тысяща двѣсти двадесять два, кромѣ кораблей Паламидовыхъ, сына Наула Царя: той бо съ корабли своими послѣди пріиде.

О пришествіи царей ко царю Пріяму на помощь.

Пріидоша же и въ Трою ко Царю Пріяму на помощь Царіе нѣцыи съ воинствы своими, въ защищеніе града Трои противу Грековъ ополчатися. Перьвѣе пріиде храбрый Царь Мемнонъ; воинства же его пять тысящъ пріиде съ нимъ. Потомъ же пріиде Персей, Царь Еѳіопскій, съ пятьюжъ тысящами воинъ. Потомъ

Царь

Царь Ѳемъ пріиде съ тремя тысящами воинъ. Потомъ же паки пріиде Царь Глеиконъ съ сильнѣйшимъ сыномъ своимъ Сарпедономъ, съ ними же воинства ихъ пять тысящъ пріидоша. Паки же по семъ пріиде Царь Ѳилименъ съ двумя тысящами воинъ. По семъ же пріиде Перскій Царь съ пятію тысящами воинъ. По семъ же пріиде Царь Седемонъ съ двумя тысящами воинъ. Потомъ пріиде Царь Епистропъ съ пятію тысящами воинъ; приведе же съ собою и Дама стрѣльца дивнаго, видомъ въ низъ бѣ конь, а въ верьхъ человѣкъ, и бысть всѣхъ воиновъ, пришедшихъ со Цари оными, тридесять двѣ тысящи, кромѣ воиновъ Царя Пріяма Троянскаго, и якоже отъ страны Греческія, тако и отъ страны Троянскія весь цвѣтъ воинскій собрашася ратовавшися браньми крѣпкихъ ополченій.

здѣ же фригій даріи описуетъ образы и нравы греческихъ больщихъ царей и князей.

Царь Агамемнонъ, начальникъ и воевода всего Греческаго ополченія, высокъ бяше возрастомъ, лѣпъ же образомъ, млечною облїянъ бѣлостію, храбръ во оружїяхъ, и совѣтомъ здраваго разсужденія вельми цвѣтущій.

Менелай же Царь, братъ его, не бѣ толико высокъ, но возрастъ его, кромѣ высоты и низости, посредство лѣпымъ образомъ храняше, во оружномъ же сраженіи бяше храбръ и смѣлъ зѣло.

Ахиллесъ же многою красотою чуденъ бяше, храбръ же вельми, и силенъ крѣпостію великою, смѣльствомъ же всѣхъ Грековъ превосхождаше.

Тела-

Теламонъ же Царь образомъ красенъ бяше, власы имѣя черны корчеваты, и любляше въ пѣніи услаждатися, зане гласъ сладостенъ имяше; мусикійская же играніа любезнѣ слушаше, во ополченіяхъ же чудный бяше воинъ, и силою многою бранноносецъ.

Уликсъ же Царь всѣхъ Грековъ образомъ красоты превзыде, храбръ паки и премудръ, и многаго коварствія и лсти исполненъ, лжи великія слагатель, и многая изливая словеса шутливая, и въ сладостехъ плодорѣчія своего вельми превосходенъ.

Діомидъ же Князь многою бяше высотою простертъ, широкъ бѣ плечима, и толстъ мышцами, зракомъ же лютъ, и во обѣтахъ лживъ, во оружіяхъ храбръ, побѣды желателенъ, трудолюбивъ

покоя

покоя не терпя, и много упѣсняшеся любовною теплотою.

Протезилай же Царь образомъ бяше краснѣйшій, храбръ вельми, яко никто бѣ его поспѣшнѣе во оружіяхъ.

Танталусъ же Царь дебелъ бѣ тѣломъ вельми, и едва ходити можаше отъ великія оныя тяготи, къ брани же склоненъ, и ополченію правому зѣло прилѣжаше.

ТОЙЖЕ ПАКИ ДАРІЙ ОПИСУЕТЪ ОБРАЗЫ И НРАВЫ ТРОЯНСКИХЪ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ.

Написа бо перьвѣе Царя Пріяма высока возрастомъ, и лѣпа образомъ, гласъ имѣвша низокъ, человѣка многія храбрости и смѣльства, мужа не трепетна и безбоязненна, и льсти человѣческія отнюдъ

отнюдь ненавидяща. Бѣ же въ словесѣхъ своихъ весьма истинно глаголивъ, правду бо вельми почиташе, и гласы мусикійскія любезнѣ слушаше: великодаровитъ же бяше зѣло, яко никогда же нигдѣ чтешися толикъ и таковъ Царь, и отъ своихъ воинъ и гражданъ любимъ былъ тако, якоже онъ.

Отъ сыновъ же Царя Пріяма ни единъ бѣ, иже бы толикимъ смѣльствомъ цвѣтяше, якоже перьвородный его Гекторъ. Сей бѣ, иже во сьое время бывшихъ всѣхъ сильныхъ мужей превзыде храбростію силъ своихъ и смѣльствомъ; мало же бѣ медленноязыченъ, имѣ уды жесточайшія, великъ бѣ возрастомъ, и никогда же толикія силы мужа Троя изведе. Великодушенъ много бысть и терпѣливъ; никогда же слово обидно, или не подобно отъ устъ его изыде; никогда же унываше

въ

въ трудѣхъ прилѣжати ополчаемыхъ, и ни коими воспоминанiми бранными ослабляшеся; никогда бо нигдѣ же чтется толикъ воинъ таковою чудною храбростiю сiяющъ.

Парисъ же, вторый сынъ Царя Прiяма, юноша краснѣйшiй зѣло бяше, власы желты имяше, и вси власы его аки златое блистанiе подаваху; въ мастерствѣ же лучномъ вельми изученъ бѣ, и въ силѣ ловительной многъ, и во оружейной храбрости опасенъ, и грозенъ воинъ на брани.

Деифебъ же, третiй сынъ Царя Прiяма, и послѣди братъ его Еленъ, тiи бяху единаго о́браза, и подобiемъ равны; едва бо единъ отъ другаго познатися можаше: образъ бо ихъ таковъ бѣ, каковъ и Царя Прiяма родителя ихъ; то бо всѣхъ трiехъ качество. Разнствiе же раздѣляше, яко убо

Царь

Царь Пріамъ состарѣся уже, а тїи два юношескою славою растяху, и паки единъ отъ тѣхъ, сирѣчь Деиѳебъ, во оружїи многою храбростїю цвѣтяше; а вторый, сирѣчь Еленъ, на мнозѣ изученъ бѣ свободныхъ хитростей наказанїю.

Троилъ же, пятый сынъ Царя Пріяма, юноша много силенъ бѣ на брани; смѣльствомъ бо крѣпости своея вельми процвѣташе; или бѣ онъ инъ Гекторъ, или вторый отъ него, во всемъ войскѣ Троянскомъ, и ни единъ бѣ юноша, кромѣ Гектора, толикими силами славенъ.

Енея же малъ бѣ тѣломъ, чуднѣ же разсудителенъ здраваго совѣта мудростїю, и во оружїяхъ храбръ бяше.

Антеноръ же высокъ бѣ возрастомъ, и тѣломъ добрѣ устроенъ

сенъ и лѣпъ, лице же имѣ многою радостїю весело, во оружїяхъ бѣ храбръ, и здраваго совѣта мудростїю исполненъ.

Полидамъ же, того Антенора сынъ, юноша краснѣйшїй, лѣпъ бѣ и любезенъ, яко же и отецъ; но мало смуглоцвѣтенъ. Вельми же сей бѣ крѣпокъ силами, и зѣло крѣпокъ во оружїи, и скоръ къ разгнѣванїю, и смѣльства многаго исполненъ.

Царь же Мемнонъ образомъ краснѣйшїй, высокъ тѣломъ, широкъ плечима, толстъ мышцами, грудїю жестокъ, власы кудрявъ и желтъ, очима черенъ, иже на Троянской брани многая чудная и похвальная дѣла учинилъ.

Той же паки Дарїй написа подобїе Перскаго Царя, на помощь Троянскому Царю пришедша; на-

иса бо его лице имуща вельми отыло и угревато, браду же яко огненну червлену.

О ПОСЛАНІИ ЦАРЕЙ И КНЯЗЕЙ ГРЕЧЕСКИХЪ ВО ОСТРОВЪ ДЕЛЬФЪ, И О ВОПРОШЕНІИ И ОТВѢТѢ ИДОЛА АПОЛЛОНОВА.

Егда же Царіе и Князи Грече-
спіи вси во Аѳинское приста-
нище снидошася, яко же речено
есть, и пребываху ту; Царь Ага-
мемнонъ, всего Греческаго вой-
ска начальникъ и воевода, всѣхъ
Царей и Князей Греческихъ на бе-
сѣдованіе къ себѣ призвати пове-
лѣ. И имъ пришедшимъ и сѣд-
шимъ комуждо на своемъ мѣстѣ
по достоинству ихъ, Царь Ага-
мемнонъ сія словеса изрече: дру-
зи, Царіе и Князи, и начальни-
цы, иже въ крузѣ настоящаго
сего собранія собрани есьмы! Кто

когда

когда видѣ или слыша толико Царей и Князей съ воинствы своими стекшихся въ купѣ во единоизвольное согласіе, и кто сице дерзостенъ и буй обрящется, иже бы смѣлъ противу насъ воздвигнути пяту, кромѣ безумнаго языка Троянскаго, иже буими на себе и безсовѣтными умышленіи уповающе, дерзнуша силы наша поустити и раздражити на ополченіе, хотяще ратоватися противу толика множества, и надѣющеся на непотребное суетство храбрости самомнимыя. Вѣдати бо ихъ мню противу насъ быти оружіемъ препоясанныхъ, иже о градѣ своемъ крѣпцѣ съ нами братися имутъ, и себе отъ насъ мужески защитятъ; но зане бранный случай всегда бываетъ сомнителенъ, и неизвѣстна суть дѣла воюющихся, и того ради подобаетъ намъ со извѣстнымъ испытаніемъ начинати настоящее

щее сїе ополченїе, да не такожде, яко и Трояне, наченше толико зло, конца не испытуемъ совѣтомъ здравымъ. И сего ради праведно быти мню, во островъ Дельфъ послы наша послати къ богу Аполлону, отвѣтъ отъ него прїяти о настоящей брани сей, что творити намъ подобаетъ, да не безвѣстно течемъ: и что о семъ возвѣстите мнѣ, да сотворимъ? Они же сїя слышавше, совѣтъ его похвалиша, и избраша абїе въ послы Ахиллеса и Патрокла, имъ же Агамемнонъ повелѣ, да въ посольство оно себе направятъ. Они же слышавше таковое повелѣнїе, абїе на путь препоясашася, и въ Дельфъ островъ отыдоша. Во островѣ же Дельфѣ капище нѣкое поставлено бысть отъ древнихъ Еллинъ, въ немъ же кумиръ нѣкїй устроенъ бѣ на имя Аполлоново; по ихъ же языческїй

прелe-

прелести жертвы ему и кадила своя приношаху безумнїи, богомъ его на свою пагубу именующе. По малѣ же времени, конечныя ради ихъ погибели, вшедъ бѣсъ во онаго кумира, отвѣты просящимъ даваше; и сего ради наипаче нечестивїи они идолопоклонницы почитаху его. Къ сему же кумиру Ахиллесъ и Патроклъ со многимъ проклятымъ благоговѣинствомъ молебнѣ приступиша, просяще отвѣта о настоящей винѣ посольства, ея же ради послани бяху отъ Царей. Тогда абїе отъ кумира онаго гласъ изыде имъ сицевъ: Ахиллесъ, Ахиллесъ! рцы убо пославшимъ тя, яко спасено имъ есть ко Трои пойти, и тамо многїя брани и кровопролитїя сотворятъ: но неложно въ десятое лѣто будутъ побѣдницы Царя Прїяма, и сыновъ его смерти предадутъ, и градъ ихъ разсыплютъ, и граж-

данъ

данъ ихъ мечемъ посѣкутъ, сихъ же единѣхъ живи оставятъ, ихъ же изберетъ Греческое владычество. Ахиллесъ же сицевъ прiемъ отвѣтъ, съ радостiю изыде изъ капища онаго, и ко своимъ кораблямъ прiидоша, много веселящеся. Пребывающимъ же имъ еще во островѣ Делфѣ, чуденъ нѣкiй случай найде. Калкасъ бо нѣкто, Троянскiй жрецъ, повелѣнiемъ Царя Прiяма прiиде въ той островъ, такожде хотяще прiяти отвѣтъ отъ капища Аполлонова. Сей же Калкасъ зѣло любимъ бѣ отъ Царя Прiяма, и почитаемъ отъ него, и первый бяше во всѣхъ тайныхъ царскихъ совѣтѣхъ, зане мужъ разуменъ, здраваго совѣта, къ тому же и въ волшебныхъ чародѣянiяхъ искусенъ бѣ, того ради и вси Трояне вельми любляху его и почитаху. Сей же Калкасъ прiиде въ капище оно молебнымъ лицемъ, и предъ

капи-

капищемъ себе простре, отвѣтъ желая прïяти отъ него; ему же гласъ бысть сицевъ отъ онаго идола глаголющïй: Калкасъ, Калкасъ! блюди, да не возвратишися во Трою ко Царю Прïяму, отъ него же посланъ еси, но ко Грекомъ приступи въ семъ острові пребывающимъ; не ложно бо Греки въ десятое лѣто побѣдницы будутъ, градъ Трою низложатъ, Царя Прïяма и сыновъ его смерти предадутъ, и гражданъ его мечемъ посѣкутъ, иныхъ же въ плѣнъ отведутъ, и богатства ихъ расхитятъ. И сего ради потщися приступити ко Ахиллесу и Патроклу, еще здѣ пребывающимъ; зѣло бо и ты Грекомъ въ совѣтѣхъ своихъ любезенъ явишися, съ ними же обще и побѣду прïимеши на Троянъ. Вельми бо отъ нихъ чтомъ будеши: аще ли же возвратишися въ Трою, то безъ сомнѣнïя мечемъ падеши.

Калкасъ же егда услыша сицевый отвѣтъ, абіе со тщаніемъ изыде изъ капища, и ко Ахиллесу и Патроклу, посламъ Греческимъ, пріиде, молящe ихъ да въ сообщеніе свое пріимутъ его; сказуетъ бо себе посла быти отъ Царя Пріяма, и возвѣсти имъ, яко отъ Аполлона повелѣно ми бысть приступити ко благородію вашему: въ десятое бо лѣто не ложно побѣдницы будете надъ Троею, и сего ради отнюдъ не мощно ми есть сопротивитися волѣ и повелѣнію боговъ. И сіе, яко же повелѣно ми бысть властію ихъ, тако и сотворихъ; пріидохъ бо къ волѣ вашей, и что ми о семъ возвѣститъ благородіе ваше, да слышу? Они же сія слышавше вельми удивишася, и пріяша его съ великою честію, и тако радующеся поидоша съ нимъ въ путь свой. Егда же пріидоша ко Грекомъ, тогда Царь Агамемнонъ всѣхъ

Царей

Царей и Князей созвати повелѣ; и яко пріидоша къ нему вси, сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ кождо по чину ихъ. Ахиллесъ же нача повѣдати отвѣтъ отъ Аполлона бывшій ему, како не ложно въ десятое лѣто обѣща имъ побѣду на Троянъ, и како посолъ Пріяма Царя прія отъ него сопротивенъ отвѣтъ. И сія рекъ представи предъ лицемъ благородія ихъ Калкаса жреца, посла Троянскаго, и сказа имъ вся подробну, яже о немъ. Они же егда услышаша сія, зѣло возрадовашася радостію великою, и Калкаса жреца съ великою честію радостно воспріяша, и повелѣша принести ему мѣсто злато, и между себе его посадиша. Видѣвъ же Калкасъ толику честь, данную ему отъ Царей Греческихъ, вельми возвеселися, и вскорѣ разверзе яко адъ уста своя на отечество свое и градъ, въ немъ же родися,

и на Царя его и на граждан, от нихъ же толико время бысть славен. Возставъ отъ мѣста своего рече ко Царемъ: о преславніи и пресвѣтліи благородніи Царіе! почто вашего Царскаго благородія мысль въ лѣтней теплотѣ не разгорится по морю прескочити? симъ бо стояніемъ вашимъ, якоже непщую, ничтоже ино пріобрѣсти мощно, но токмо врагомъ нашимъ пригодство многое и свободу подаваете, яко да отвсюду себѣ помощь ратную соберутъ, и воинствомъ крѣпцѣ утвердившеся, неудобь побѣдимы будутъ. И нынѣ убо аще благоволитъ благородіе ваше совѣта моего послушати, то безъ всякаго коснѣнія расторгните медлѣнность вашу, отложше всяко коснѣніе скорымъ шествіемъ подвига вашего. Шествуйте ко Трои, яко да врази ваши скораго вашего шествія ужасшеся убоятся, а не о вашемъ медленномъ закоснѣ-

закоснѣнїи возрадуются. бози бо вамъ на нихъ нележну подаютъ побѣду; и сего ради, о благороднїи, подобаетъ вамъ изволенїя ихъ обѣщанїе благодарною рукою и горящею мыслїю воспрїяти. И егда Калкасъ словеса своя скончa; тогда вси Царїе и Князи удивившеся сицевому остроумїю его, наипаче любовь свою приложиша къ нему, и многими дары вельми одаривше его почтиша. По словесемъ же его Царь Агамемнонъ всему войску повелѣ трубнымъ гласомъ на корабли восходити; и егда взыдоша вси, тогда якори своя извлекше, изходятъ изъ пристанища Аѳинскаго, и пучинѣ морстей вдашася. Во утрїй же день близъ девятаго часа возста буря велика зѣло и преужасна, и облацы темни вельми покрыша лице небу, и нощь не истинну наведоша, и громи страшни и дивни быша, молнїя же отъ вышняго небесе въ тресу-

тресугубомъ пламени нападаше. Тѣмъ же реветъ вихорь страшными скрежетаніи, волны же, яко горы воздвизахуся, съ великимъ устремленіемъ корабли Греческіе сильнѣ борюще; и сего ради всѣхъ плавающихъ ужасенъ страхъ и трепетно сѣтованіе отвсюду объятъ, смерть явныя своея погибели кождо ихъ зряху, и не доумѣвахуся, что сотворити отъ великаго онаго ужаса. Но Калкасъ, Троянскій изрядца и жрецъ, сотворивъ своя заклинанія, яко бѣ искусенъ велми въ нихъ, глаголаше Царемъ, Діану богиню многимъ гнѣвомъ быти подвижену на нихъ. Понеже бо во отшествіе ихъ отъ Аѳинскаго пристанища не бѣ ей жертва принесена, и того ради страждемъ лютая сія озлобленія. Тѣмъ же подобаетъ вамъ, Царіе, уклоньше парусы своя во Аулиду островъ пристати, и тамо жертву ей принести, и инако престанетъ

станетъ буря, и утолится море. По совѣту же Калкасову повелѣ Царь Агамемнонъ уклонити парусы во Аулиду островъ, и тако сотворше присташа здрави, и снидоша на землю, и жертву сотвориша, юже самъ Царь Агамемнонъ своими руками богинѣ Дiанѣ принесе, и преста море отъ волненiя своего, и утишися буря, и солнце паки просвѣтися. И тако взыдоша Греки на корабли своя; возвѣявшу же имъ вѣтру поспѣшну, паки пойдоша путемъ своимъ, и внидоша въ предѣлы Троянскiя.

О раззорении замка отъ Грековъ.

Греки же вшедше въ землю державы Троянскаго Царя, дойдоша нѣкоего замка, и же отъ жителей Сарронаба нарицашеся. Жители же городка онаго боящеся

раззоренія, скоро оружія своя пріемлютъ, и исходятъ изъ града съ великою скоростію, тщатся на брегъ, мняще Грековъ возбранити, буими на ся и несовѣтными умышленіи уповающе, сея же ради причины бранъ безумну ставятъ. Греки же добрѣ корабли своя привязавше, сами же пріемше оружія своя, сходятъ на землю, и буйства ихъ казнь воздаютъ имъ, зане во уста меча ихъ гонятъ даже до вратъ градскихъ. Стѣснившимжеся имъ во вратѣхъ входа, Греки ту безчисленно ихъ посѣкоша, и смѣсившеся вкупѣ со гражданы во градъ ихъ входятъ, и нападаютъ немилостивно на гражданъ, мечемъ свирѣпымъ всѣхъ безъ разбору умерщвляюще, старыхъ же и юныхъ, мужей и женъ, и отроковъ, и дѣвъ, и младенецъ всѣхъ посѣкоша. И егда сія сотвориша, тогда имѣнія ихъ вся восхитивше

на

на своя корабли относятъ, послѣди же и градъ онъ огнемъ запалиша, и вся въ конецъ пожгоша, и мѣсто оно изравниша, ниже слѣда оставиша коего, но вся въ запустѣнїе превратиша, потóмъ же на корабли своя возшедше, къ Тенедону пойдоша.

О взятіи острова Тенедона отъ грекъ и о раззореніи его.

Бѣ же оный островъ Тенедонъ красенъ вельми, отстоящъ отъ Трои шесть миль; мѣсто же то зѣло угодно бѣ услажденіи земными и морскими. Въ семъ же островѣ городокъ нѣкій бѣ крѣпостїю великою утвержденъ: жители же городка онаго, боящеся раззоренїя себѣ, скоро ко оружїю скачутъ, городокъ крѣпятъ бранными мужи и оружїи, и противу Грековъ на брань исходятъ смѣло. Греки же

въ

въ пристанище оно вшедше, и корабли своя привязавше крѣпцѣ, и препоясавшеся оружіи своими, скоро сходятъ на землю, ихъ же граждане оружною рукою пріемлютъ мужески, и спустивше съ ними брань жестокую, бысть между ими сѣча зла и преужасна; отъ обоихъ бо странъ падаютъ воини сѣмо и овамо, и промежъ Грековъ и Троянъ, городка онаго господами, лютѣ брань кипитъ, и жестоко ополченіе разжизается въ нихъ. И сея ради вины множество падаютъ отъ Грекъ, но множае отъ враговъ ихъ, къ ихъ же раззоренію и отмщенію Греки тяжчае дышуще, смерти и ранамъ смѣло предаются, и сѣчахуся съ ними крѣпцѣ, и толь долго быша сѣкущеся, яко Трояне толикаго ихъ множества и зѣльнаго устремленія понести не могуще, въ бѣгъ неволею обратишася. Греки же созади въ тылъ

сѣкуще

сѣкуще ихъ нещадно даже до вратъ градскихъ умерщвляху; во входѣ же вратъ наипаче гражданомъ паденіе бысть, но убо съ толикимъ граждане лютымъ несчастіемъ во градъ свой вшедше затворишася, и врата градскія жестокими и крѣпкими запоры утвердиша; сами же на стѣны градскія взыдоша, и оттуду крѣпцѣ боряхуся со Греки безчисленными, самострѣлы и луки и пращами и каменнымъ метаніемъ, и множество Грековъ умерщвляху. Греки же въ разныхъ мѣстахъ лѣсницы устроивше ко граду приставиша, и на градъ взыти тщахуся, ихъ же граждане безчисленнѣ умерщвляху, съ лѣсницъ низвергающе. Тѣмъ же Грекомъ веліе, и болѣзнено, и трудно найде стѣсненіе; безчисленно бо убійство ихъ умножися. Тогда Греки въ велицей горести душъ своихъ крѣпцѣ градъ онъ борюще сокрушахуся.

шахуся. Граждане же послѣди многимъ трудомъ ужѐ отягчившеся, немощнымъ и безсильнымъ защищенїемъ градъ свой заступаютъ, къ нему же Греки нестерпимымъ множествомъ устремившеся по лѣсницамъ на городокъ онъ восходятъ, и на стѣнахъ хоругви своя поставляютъ во отмщенїе своихъ убитыхъ, и елицѣхъ обрѣтаютъ, всѣхъ мечемъ погубляютъ гражданъ, и низвергая никого же щадятъ; такожде и разсужденїя возраста не имѣя, всѣхъ вкупѣ немилостивно умерщвляютъ. Но егда отъ гражданъ ни единъ ужѐ живъ бѣ; тогда Греки сокровища градская испытуютъ, и похищенїемъ грабятъ, и относятъ на своя корабли. И егда ужѐ вся грабленїемъ испразниша, тогда и городокъ онъ раскопати умыслиша, и низложивъ стѣны его, высокїй Тенедонъ испровергоша. Разрушену бывшу всему благолѣпїю его, потомъ

вся

вся огнемъ попалиша, и перстѣ и пепелъ и каменія вся въ море ввергоша, и мѣсто оно изравниша, и никоего же знака оставиша, и тако сотвориша, яко никому отъ человѣкъ мощно было познати, яко бѣ прежде градъ ту.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ УЛИКСА ЦАРЯ И ДІОМИДА КНЯЗЯ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, О ОТДАНІИ ЦАРИЦЫ ЕЛЕНЫ.

Греки же предреченныя два городка побѣдоносною дланію взяша, и вся градская грабленая богатства предъ лице Агамемнона Царя и прочихъ Царей принесоша. Царь же Агамемнонъ вся грабленія ихъ раздѣли имъ зѣло чиннѣ, комуждо по достоинству труда ихъ; послѣди же Царь Агамемнонъ рече ко Царемъ и Княземъ сицевая словеса: друзи, Царіе и Князи, и началь-

начальницы всего Греческаго ополченія! праведно быти мню, послы наши ко Царю Пріяму послати, да отдастъ намъ Царицу Елену, и вся грабленая богатства, похищенная во островѣ Ситарійскомъ, цѣло возвратитъ. И аще онъ самъ сицевая сотворитъ безпрекословнѣ, то по истиннѣ честенъ намъ будетъ возвратъ во своя си; аще ли же ни, то невинни будемъ землю его плѣняще: и что ся вамъ о семъ мнитъ возвѣстите ми, да разумѣю? Они же сія слышавше, похвалиша усердно совѣтъ его, и вскорѣ въ посольство избраша Уликса Царя и Діомида Князя, и отпустиша ихъ ко Царю Пріяму. Егда же пріидоша ко Трои, вельми удивишася толикому величеству, и чудному зданію града; во врата же градская егда внидоша, наипаче почудишася многимъ чуд-

нымъ

нымъ зданїямъ и прекраснымъ палатамъ вельможскихъ и гражданскихъ домовъ. Ко двору же Царскому егда прїидоша, превѣльнѣ уже удивишася лѣпотѣ полицѣй дому царска; внутрь же двора вшедше, егда узрѣша древо оно чудное рукотворимыя хитрости, иже дворъ онъ далекимъ своимъ окруженїемъ вѣтвей покрываше, сташа ту вельми и паче мѣры зряще дивляхуся. Долгимъ зрѣнїемъ Князи они удивльшеся, во врата многихъ каморъ восходятъ. Вшедшимъ же имъ во ону палату, идѣже Царь Прїямъ во множествѣ благородныхъ сѣдяше, послы Царя Прїяма никоея же чести поздравленїемъ не почтоша, но сѣдшимъ имъ аки противу его, Уликсъ Царь перьвѣе начатъ сице глаголати: Царю Прїяме! не вельми дивися, аще тя мы перьвѣе словесы поздравительными не взыскахомъ, чести никоея же благородїю

дїю твоему приносяще, зане тя имамы себѣ главнаго врага, и врагъ своему врагу никогда же молитъ здравія, но сопротивно творитъ. Агамемнонъ Царь, егоже велѣнїемъ мы къ тебѣ посланы, нами приказываетъ ти, да Царицу Елену, юже отъ предѣлъ царства ея сильно восхитилъ, отдалъ бы еси Царю, и тяжкія обиды, нанесенныя ему во островѣ Ситарїйскомъ отъ Париса, сына твоего, по твоему изволенїю, цѣло да возвратиши ему, яко да здраваго совѣта любовїю отъ Царя Агамемнона насладишися; аще ли же ни, то да вѣси, яко злою смертїю самъ ты, и сынове твои лютѣ поляжете, и воини твои и вси граждане оружїемъ падутъ, и славный сей градъ твой до конца упразднится.

Царь же Прїямъ разумѣвъ словеса Уликсова, никоего же пождавъ

давъ совѣтнаго умышленія, сицевыми словесы отвѣща ему: о возвѣщеніи, рече, словесъ вашихъ удивленіемъ многимъ подвижуся, яко сицевая отъ мене взыскуете, неправду написующе ми, сами суще тмами неправедни; убисте бо ми отца, раззористе градъ мой, погубисте благородныхъ моихъ, умертвисте воиновъ моихъ, расплѣнисте гражданъ моихъ, восхитисте вся имѣнія ихъ, отвезосте во своя царствія жены ихъ и дѣти, наипаче же всѣхъ отлучисте отъ мене сестру мою, и показасте вся лютая царству моему. Азъ же вся сія ваша толикая неправдованія и лютости нанесенныя отъ васъ претерпѣвахъ, ничто же изыскуя, но токмо посла моего послахъ къ вамъ, моля васъ о отданіи сестры моея, вся же прочая лютости ваша оставляхъ вамъ, но ни тако возмогохъ отъ васъ благо что получити: не восхотѣсте бо

ниже малымъ словомъ познатися, яко зло сотвористе, но отъ большаго своего возношенія въ гордыню возвысистеся, и прещеньми лютыми посла моего преобидѣсте, пагубною смертію грозяще ему. И того ради глаголю вамъ, нѣсть мѣста, да словесъ вашего посольства услышу. И аще не бы самѣхъ васъ дѣло посольства защищало, смертію срамнѣйшею велѣлъ быхъ казнити васъ, яко разбойниковъ нѣкіихъ и злотворцевъ губительныхъ; и сего ради отыдите скоро отсюду, да не злою смертію умрете: аще ли же мало закоснѣвше пребудете, то безъ сомнѣнія въ смертную пагубу самоизволно впадете. Донелѣже бо васъ вижу, безъ великаго пополненія гнѣва быти не могу.

Къ симъ же Діомидъ Князъ, вторый посолъ Греческій, разсмѣявся велми тако рече: о Царю! аще

аще ты отъ единѣхъ насъ токмо и безоружныхъ толикою болѣзнїю погнѣтаешися, яко не можеши безъ гнѣва великаго зрѣти на насъ; кольми же паче поболиши душею, егда узриши предъ градомъ твоимъ симъ болѣе ста тысящъ Грековъ въ непрестанныхъ оружїяхъ на тебе самого и на твоихъ лютѣ наскакающихъ, и ничтоже сотворити имъ можеши, отвсюду бо страхомъ пораженъ будеши.

Тогда Енея, иже подлѣ Царя Прїяма никому же посредствующу сѣдяше, тако рече ко Царю Прїяму: о великїй и благородный Царю! да повелитъ абїе благородїе твое грубому сему досадителю урѣзати досадительный языкъ его, дерзостно послужившїй ненаказанному уму его; яко да къ тому и прочїи таковыи грубители не дерзнутъ таковаго

 уко-

укоризненна безчестія приносити великимъ Царемъ.

Къ словесемъ же Енеевымъ Діомидъ зѣло подвижеся на гнѣвъ, и ему тако рече: аще и не вѣмъ, кто ты еси, но въ рѣчахъ твоихъ добрѣ знаю тя неправеднаго быти судію, и противоглагольника остра зѣло; желаю, дабы въ мѣстѣ подобнѣ обрѣсти тя моглъ, иже и достойная благодаренія воздалъ ти быхъ за сіе твое злосовѣтіе, еже изреклъ еси о мнѣ толь неблагодарнымъ словомъ; добрѣ вижу, блаженъ есть Царь онъ, иже въ совѣтника держитъ тебе, яко толь добрѣ знаеши совѣтовати Царю, дабы Царь твой содѣятель толикимъ неправдамъ былъ. Къ словесемъ же паки Діомидовымъ мнози вскочивше отъ возлежащихъ, исторгоша мечи своя, и хотѣша абіе разсѣщи Діомида, дерзости его

ради,

ради, на нихъ же Царь Пріамъ громко возопи, да не вредятъ его; рече бо сице: лутче ми есть, да самъ азъ укоризну кую постражду, нежели посолъ нѣкій въ моемъ дворѣ обиду кую потерпитъ; или не вѣсте, яко свойственно есть безумному показовати своя безумія, и низводитися къ явному своему безчестію? тмою бо неразумія своего отвсюду обьятъ есть, и яко слѣпъ шествуетъ ко своей ему погибели, непщуя въ словесѣхъ безумія своего показати храбрость свою Такожде и мудрому бываетъ въ похвалу, претерпѣвати безумныхъ блуженія, и реченная отъ него слушати, и слышаннымъ смѣятися, а не отвѣщати по его безумію, нижѐ отмщевати себе, да не подобенъ будетъ ему.

Царь же Уликсъ видѣвъ сицево несогласное стропотство, усо-

мнѣлся въ палатѣ царстѣй его о дерзости Діомидовой, и словеса остроумнѣ прехвативъ, да не многословитъ, рече ко Царю тако: Царю Пріяме! вся сія видѣнная и слышанная здѣ, и тобою реченная Царю Агамемнону вѣрнѣ донесемъ. И по семъ изыде изъ палаты, съ нимъ же и Діомидъ и прочїи Грекове изыдоша, и на кони своя всѣдше, ко своймъ отыдоша, и Царю Агамемнону и протчимъ Царемъ вся видѣнная и слышанная во Трои возвѣстиша, и о Пріямовѣ отвѣтѣ зѣло почудишася Греки.

О ПОСЛАНІИ АХИЛЛЕСА И ТЕЛЕѲА ВО СТРАНУ МЕССІЙСКУЮ СЪ ВОИНСТВЫ ИХЪ, УДЕРЖАНІЯ РАДИ БРАШЕННЫХЪ ОБИЛІЙ.

Царь Агамемнонъ, и протчїи Царїе и Князи Греческїи послаша

слаша храбраго Ахиллеса и сильнѣйшаго Телеѳа съ тремя тысячами воинъ храбрыхъ во страну Мессійскую, да оттуду брашна довольна въ войско Греческое привезутъ. Они же по повелѣнію ихъ вшедше въ корабли своя съ предреченнымъ воинствомъ, поидоша въ путь свой. И егда пріидоша тамо, абіе въ пристанище оно вшедше, и корабли своя крѣпцѣ привязавше, снидоша на землю, и шатры своя поставиша. Тогда Царь Теутранъ, тоя страны господь, не терпя во своей земли пребыванія ихъ, во множествѣ воинъ и во мнозѣ союзѣ пѣшихъ стѣсненъ пріиде на брегъ. Грецы же видѣвше пришествіе его, со многою скоростію оружія своя пріемлютъ, и на кони своя всѣдше, брань спустиша съ ними крѣпко ратную, и егда борьба умножися вельми ужасная, отъ обоихъ странъ множество

воинъ падаетъ, и земля трупіемъ мертвыхъ покрывается, и кровь ихъ, яко вода, повсюду разливается. Брань же зѣльнѣ кипитъ между ими, отъ трубнаго же гласа и отъ звуковъ оружія, и отъ гласовъ язвенныхъ далече слышаніемъ возвѣщашеся ополченіе ихъ; мнози бо вельми падаху отъ Грекъ, но множае отъ врагъ ихъ. Аще бо Греки и многою храбростію цвѣтяху, но противитися числу супостатъ своихъ едва можаху; и поистиннѣ вси бы Греки были злѣ убіени, аще не бы онъ чудный въ дѣлахъ оружныхъ Ахиллесъ былъ, иже прилѣжнымъ промысломъ разсмотривъ количества бранныхъ, и качества ихъ уразумѣвъ, видѣ Царя Теутрана посреди сраженій бранныхъ противу враговъ своихъ шкоды тяжкія наносяща. И сего ради устремительнѣ скочивъ въ полкъ, разрушаетъ

шаетъ и расторгаетъ ополченія, и всѣхъ противу текущихъ ему убиваетъ, кои къ его прихожденію не отверзаютъ ему пути. Къ Царю убо Теутрану яко левъ рыкая прилѣпляется, и доставаетъ его мечемъ голымъ, частымъ умучаетъ пораженіемъ, и шлема его узомъ расторгнутымъ, восхищенна Царя силою низложи на землю, и воздвигъ десницу во своемъ яростномъ смѣлствѣ, хотяше главу его отъяти. Но Телеѳъ Князь, иже по Ахиллесѣ вторый бяше, видѣвъ Ахиллеса сице свирѣпствующа надъ Царемъ, Теутраномъ, внесеся устремительнѣ подъ разъ меча Ахиллесова, щитомъ своимъ пріемлетъ, и Ахиллеса любезнѣ проситъ, да Царю Теутрану, яко побѣжденну сущу, послѣднюю милость милосердія своего надъ нимъ сотворитъ, и его, яко побѣдителъ, да пощадитъ. Ахиллесъ же обѣщевая

вая ему тако рече: кая тя подвиже явная вина, яко противу сицеваго нашего толь лютаго врага содержати милость щедру, иже толь лютымъ своимъ устремленїемъ оружнаго уповая нїя насъ перьвѣе утруди? и того ради праведно есть, да впадется въ яму, юже ископа. Ему же Телеѳъ тако рече: господине мой! сей бѣ Царь отцу моему нѣкоимъ ближнимъ прїятельствомъ союзенъ, и егда азъ самъ такожде нѣкогда въ землю его приходилъ, безконечныя чести милость мнѣ открылъ, и того ради о пагубѣ живота его весьма болѣзную, и ужасаюся о смерти его. Ему же Ахиллесъ тако рече: се тебѣ его предаю; возми и, и да сотвориши о немъ, яко же хощеши. И тако прїемъ его Телеѳъ Князь, любезнѣ цѣлова. Царь же Теутранъ повелѣ воиномъ своимъ,

ѧимъ, такожде и Ахиллесъ повелѣ Грекомъ престати отъ битвы, и сему бывшу, абїе скончася брань. Ведется убо Царь Теутранъ во своя царскїя палаты язвенъ, за нимъ же Ахиллесъ и Телеѳъ идутъ послѣдующе, и въ домъ царскїй прїемлются гости въ велицѣй чести. Царь же Теутранъ на ложи царстѣмъ полагается, изнемогая отъ ранъ. По трехъ же днехъ егда Царь крѣпцѣ изнеможе, и къ смерти уже приближися, Ахиллеса и Телеѳа къ себѣ призвати повелѣ. Егда же прїидоша къ нему, тогда Царь рече имъ сице: славнїи и благороднїи Князи! долго житїе да будетъ вамъ, азъ же нынѣ отходя уже въ путь смертный, наслѣдника царствїю моему не имѣю. И не пристойно по правдѣ никому же иному отдати скипетръ державы моея, токмо Телеѳу, Князу, любимѣйшему моему

сыну, сотворившему надо мною толику милость во время нужды моея. Тѣмъ же глаголю ти, вселюбезнѣйшій сыне Телеѳе, да съ радостію пріимеши его, и да будеши по мнѣ столпъ правленія людемъ симъ. Сія же слышавъ Телеѳъ, нача плакати зѣло о смерти его. Царь же Теутранъ пріемъ его за руку, и посади на престолѣ своемъ, и своими руками возложи вѣнецъ на главу его, и перстень снемъ съ рукй своея, возложи на руку его. Такожде и скипетръ и державу свою вручи ему; людіе же падше поклонишася ему, прославляюще царство его, и съ великою радостію вѣрну присягу ему сотвориша. Не по мнозѣ же времяни Царь Теутранъ умре; Царь же Телеѳъ о смерти его вельми оскорбися, и довольно рыдавъ о немъ, послѣди же тѣло его чиномъ царскимъ погребе,

и гробницу сребряну сотвори надъ нимъ, и подписати повелѣ сицевыми словесы: лежитъ здѣ Царь Теутранъ, его же смертїю скончa Ахиллесъ, иже по себѣ Телеѳу Князю скипетръ царствїя державти предаде. По смерти же Царя Теутрана, повелѣ Царь Телеѳъ наполнити Ахиллесу корабли его всякихъ брашенныхъ обилїй, и тако отпусти его, и впредь обѣщася имъ довольствомъ брашеннымъ помогати. Ахиллесъ же ему за сїе много благодаривъ отыде въ путь свой. Егда же прїиде ко Грекомъ, тогда вси Царїе и Князи снедшеся на цѣлованїе Ахиллесово, вопрошаютъ его о Телеѳѣ Князѣ: онъ же вся имъ поряду исповѣда, како Телеѳъ Царь быстъ, и како обѣщася имъ помогати брашенными обилїи. Они же сїя слышавше, зѣло возрадовашася о случившихся, и Телеѳа Царя прославляху, зане

не любима его вельми имяху, и всѣхъ сильнѣйша.

О пришествіи Паламидовѣ въ войско греческое, и о совѣщаніи царей и князей греческихъ, како или коимъ образомъ могутъ приступити ко брегомъ троянскимъ.

Не у Грекомъ отъ острова Тенедона еще отшедшимъ, егда славный онъ Царь Паламидъ, сынъ Маула Царя, съ тридесятію корабли своими ко брегу Тенедонскому приста, тогда видѣвше его Греки зѣло возрадовашася радостію великою, зане бяше сей Паламидъ мужъ зѣло храбръ, и многимъ смѣльствомъ паче процвѣташе; такожде и воинство его многою храбростію паче иныхъ свѣтли и проявлени бяху. И сего ради молятъ его Греки, яко да единъ

отъ

отъ сотникъ поставится, и воспріиметъ на ся чинъ сей, его же Паламидъ любезнѣ воспріятъ. Тогда Царь Агамемнонъ, и прочіи Царіе и Князи Греческія совѣты многія начаша испытовати, како возмогутъ безъ тяжкихъ своихъ бѣдъ ко брегомъ Троянскимъ пристати, и не доумѣвахуся: Единаго тогда Діомида совѣтъ утвердися, рече бо сице: о свѣтліи и благородніи Царіе и Князи! кто не позазритъ намъ о закоснѣніи малодушія нашего? или кто не посмѣется отъ человѣкъ мудрыхъ сомнѣнію робости сея, и страхованія ужаснаго не припишетъ намъ? се убо сами зряще видите, яко уже годъ цѣлъ минулъ, отнелѣже въ землю сію внидохомъ, и въ семъ островѣ, никомуже намъ насилующу сами себе заключихомъ, не поступни пребывающе, и ни единого же промышленія творяще. Воистинну бо

и сами Трояне вознепщуютъ насъ страхомъ быти пораженныхъ, мужество наше видяще; и нынѣ аще благоволите послушати совѣта моего, расторгните убо медленность вашу; отложите сомнѣнїе всякаго малодушїя, и облецытеся въ мужество; препояшитеся храбростїю силъ вашихъ, и смѣльствомъ отвсюду себе оградивше, шествуйте немедленно ко Трои ничтоже сомнящеся; коснѣнїемъ же нашимъ ничтоже можемъ благо сотворити, но токмо врагомъ нашимъ пригодство подаемъ, сами на ся вооружающе ихъ. Отвсюду бо соберутъ себѣ ратную помощь, и неудобь побѣдими будутъ; азъ бо извѣстно быти мню, Троянъ и нынѣ оружїемъ препоясавшихся уже, и насъ оружною мужества своего рукою прїяти тщащихся, и не мощно есть намъ инако никакоже на землю враговъ нашихъ снити, токмо острїемъ

меча смертоноснаго. И сего ради вседушно отнынѣ потщимся на брезѣхъ Троянскихъ шатры наши поставити, да не въ продолженіи нашего малодушнаго коснѣнія они сами собравшеся изыдутъ и побѣдятъ насъ мужества своего смѣльствомъ. Егда же Діомидъ слово свое сконча; тогда вси Царіе и Князи совѣтъ его похвалиша и къ пути обступленія Троянскаго устроятися начаша со многимъ попечительнымъ тщаніемъ.

О устроеніи кораблей Греческихъ перьвыхъ, и послѣдующихъ приходящихъ во облежаніе града Трои, и о перьвой брани.

Перьвое убо уставиша предшествовати кораблей сто, простерши парусы знаменіямъ вѣющимся и хоругвіямъ ратнымъ;

паже въ нихъ городкомъ поставленнымъ, и многимъ браннымъ мужемъ на снитїе готово стоящимъ; по нихъ же послѣдуетъ и другое сто кораблей, и такожде со многимъ опасенїя смѣльствомъ во оружїи воины стояху. По нихъ же паки и третїе сто кораблей, въ нихъ же воини зѣло храбры и чудни бяху ко ополченїю. Прочїи же корабли по пучинѣ пловуще, ужè и брéги зрятъ. Послѣди же и самую Трою егда узрѣша, направльше прямо корабли своя, ко брегомъ приходятъ, и на землю со многимъ желанїемъ снити тщатся.

Трояне же видѣвше корабли оны ужè у бреговъ своихъ, и брéги въ толицѣ множествѣ кораблей окружени суще, скоро ко оружїю вержутся, не пождавше Княжескаго или Царскаго отпущенїя, безчиннымъ теченїемъ

венїемъ на брегъ мо́ря тщатся съ великимъ устремленїемъ ратнаго смѣльства. Греки же видяще толико множество Троянъ въ защищенїе бре́га пришедшихъ, множеству ихъ дивишася; но вящшимъ удивленїемъ подвигошася, видяще ихъ толь храбрѣ и толь чиннѣ покровенїемъ оружнымъ одѣянныхъ и съ великимъ смѣльствомъ храбрости стоящихъ, вельми удивляхуся: но мнози отъ кораблей многовѣтренною яростїю порѣваеми, о бре́ги сокрушахуся, и многихъ воиновъ Греческихъ море живыхъ поглоти, и кои живи бяху, и на землю снидоша, отъ Троянъ многимъ мученїемъ умерщваяются, и ближнїе во́ды бре́га кровїю убїенныхъ червленѣютсся. Никогда бо нигдѣ же чтется, войску коему съ толикимъ насчастїемъ и толикою пагубою на землю врагъ своихъ тако сшедшусь когда. Послѣди же другое

сто

сто кораблей въ тоже мѣсто приходятъ, но не со устремленіемъ; парусы бо своя пригодствомъ многимъ спустивше, мужески землѝ коснутися понудишася, ихъ же Трояне оружною рукою пріяша, мужественнѣ возбраняюще приступъ ихъ на землю, и множество Грековъ мечемъ убивающе. Тогда въ кораблѣхъ онѣхъ сущіи Грекове, видяще своихъ воиновъ толикое паденіе, и уготовивъ самострѣлы, безчисленнымъ количествомъ и частыми пораженіи стрѣлъ Троянъ отъ брега отгоняютъ. Самострѣльнаго же ради страха отступльшимъ мало Трояномъ, Греки въ то время изскочивше изъ кораблей, и на кони своя всѣдше на брань вдаются. И сего ради Трояномъ мужески съ ними и крѣпцѣ борющимся, отъ Грековъ Царь Протезилай перьвый на брань приходитъ, и на Троянъ зѣло

муже-

мужески нападаетъ, и крѣпцѣ убиваетъ ихъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ; такожде и воини его силою Царя своего крѣпцѣ борющеся съ Трояны, поле пріобрѣтаютъ. Тогда же Царь Архелай и Царь Протеноръ съ корабли своими ко брегу. приставаютъ, иже воиновъ и коней своихъ извемлютъ, и нападше на Троянъ смертно, воинство пресновляютъ; и того ради вопль велій и смятеніе зѣльно воста. Отъ обоихъ бо странъ множество многo воинъ падаетъ, и воздухъ воплемъ многимъ смущается отъ оскудѣвающихъ въ паденіи. Архелаю бо и Протенору Царемъ, мужемъ храбрымъ, единаче убивающимъ Троянъ, Царь Аскалъ и Царь Агалъ со своими корабли ко брегу присташа: по нихъ же абіе Князь Несторъ со своими корабли такожде ко брегу приста, иже и кони своя извемлютъ отъ ко-

раблей, и на нихъ вездѣ жаждущимъ сердцемъ на брань приходятъ. Трояномъ же противу ихъ напрязающимъ брань острѣйшую, вопль паки велій умножися въ полцѣхъ, сокрушаются же копія, свищутъ по воздуху многія стрѣлы, трепещутъ плещи, падаютъ убиваемыя воини, и толь крѣпцѣ ужѐ боряху Греки, яко Троянъ неволею въ бѣгъ понудиша. Но Троянское безчисленное множество, не у еще брани коснувшееся, на Греки устремительнѣ направляются, и брань крѣпцѣ умножаютъ. Преновленнѣй же бывши брани, паденіе паки веліе умножися Грекомъ; толико бо Трояне храбростію силъ своихъ возмогаху, яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, въ бѣгъ обратишася, и бѣжаще на конецъ брега дойдоша, ихъ же Троя немилостивнѣ сѣчаху. И по истиннѣ вси бы Греки были ту

алѣ

злѣ обiени, аще не бы храбрый Уликсъ Царь со своими корабли ко брегу присталъ, иже абiе воиновъ и коней высадивше на брань приходятъ, и на Троянъ мужески нападаютъ. Востаютъ же убо Греки въ пришествiе Уликса Царя, творяще крѣпцѣ брань со Трояны, и убiйство умножающе. Уликсъ же Царь, яко левъ рыкая, посреди полковъ въ крѣпости оружїя, и пораженiемъ копiя своего Троянъ крѣпцѣ воюетъ, овыхъ убиваетъ, овыхъ уязвляетъ, овыхъ съ коней низлагаетъ; его же Филименъ, Царь Пафлагонскiй, видѣвъ въ толицѣй храбрости ратующа, и въ толицѣмъ убiйствѣ вредяща Троянъ, копiемъ своимъ крѣпцѣ порази его, и съ коня свержe. Уликсъ же пѣшъ имѣ нужду битися; но Филименъ паки очистивъ копiе свое напряженiемъ жесточайшимъ порази Уликса Царя, да яко сокрушену бывшу щиту его свѣтлыхъ броней

ней пріиде до доскъ, имъ же сокрушеннымъ и разшибеннымъ сущимъ, крѣпку язву ему вонзе. Уликсъ же ниже паденія своего убоявся, ниже отъ вонзенныя ему раны устрашився, востаетъ отъ земли скоро, и пѣшъ, яко же бѣ ему мощно, копіемъ своимъ на Филимена Царя нападе, и порази его въ гортань, и гортанныя жилы его разрѣзавъ, съ коня сверже яко бездушна, его же Трояне на щитъ положиша, и яко мертва отослаша во Трою. О мнимой убо смерти Филименовѣ Трояне зѣло смутишася; и аще не бы той случай былъ нападшій на нихъ о язвѣ Филименовѣ, то безъ сомнѣнія бы все войско Греческое сшедшее на землю и воюющее живота своего послѣдняго незгодія плакало бы. Но къ сему убо Царь Тоасъ Италійскій со своими корабли, и славный Теламонъ со своими корабли, и Менестей,

Аѳин-

Аѳинскій Князь со своими корабли ко брегу присташа, и на брань исходятъ, и на Троянъ мужески нападаютъ. Тѣмъ же Трояне, столикаго ихъ множества и зѣльнаго ихъ устремленія понести не могуще, падаютъ, и вспять итти невольно понуждени суть. Тогда Царь Персей Ефіопскій изъ града Троянскаго во множествѣ воинъ смѣлъ изыде, и на Грековъ нападши вельми остроумнѣ и мужественнѣ сѣчаше ихъ; въ его же пришествіе Трояне толико воспріяша сильное смѣлство, да яко свѣжи быша въ силахъ, на Грековъ устремительнѣ нападаютъ, и безъ милости убивающе ихъ, на конецъ брéга догнаша. Убійство бо умножися Грекомъ веліе и недовѣдомо, и тяжко стѣсненіе нападе на нихъ, и было бы зѣло множае, аще не бы храбрый Паламидъ со своими корабли, и Менелай Царь

со своими, и Царь Агамемнонъ, всего Греческаго войска властель, со своими корабли ко брегу приспаша, иже во множествѣ зѣло храбрыхъ воиновъ исходятъ, и вси брани примѣшаются, и на Троянъ устны меча нападаютъ. Той бо самъ храбрый Паламидъ искорененіе Троянское помышляя, на Сигамона, брата Мемнонова и внука Царя Персея, иже тогда самъ отъ своея оружныя храбрости дивная творяше, нападе, и вонзивъ въ него свое разсѣкательное копіе, посреди ребръ уязви его, и съ коня сверже угашенна, и оставивъ его обратися на Троянъ, и немилостиво убиваше ихъ. Трояне же падаютъ предъ нимъ, подъяти Паламидова устремленія не могуще, и въ бѣгство обратишася, путь ему чрезъ полкй своя невольно отворяюще; сами же бѣжаще предъ нимъ, отъ меча его погибаху. Вопль же велій

лій умножися, и сокрушеніе Трояном лютое приближися; близъ бо стѣнъ градскихъ ужѐ Трояне бѣжаще пріидоша, но и тамо Протезилай Филардорскій устны меча Троянъ погубляти еще не преставаше. Тогда храбрѣйшій въ воинѣхъ и сильнѣйшій Гекторъ, аки ко гласу вопіющихъ воставъ, изъ града Троянскаго смѣлъ во множествѣ изыде воинъ, пламенемъ яряся возженъ, въ блистающихъ свѣтяся оружіяхъ, и копіе и щитъ нося златою насѣчкою украшенъ, назнаменанъ по образу трехъ львовъ. На Грековъ же сильнѣ находитъ', и разрушивъ полки ихъ не сокрушимою силою брани своея, Протезилаю Царю пріиде въ стрѣчу, иже Троянъ устны меча своего погубляше непрестанно, и порази его мечемъ голымъ во главу сице, яко отъ верьху главы̀ его разсѣче его на полы даже до сѣдла,

не защищающу оружїю его. И сея ради вины падаетъ убо славный и храбрый Царь Протезилай угашенъ; но Гекторъ, оставя того, направляется въ частые и многочисленные Греческїе полкѝ, безчисленнѣ убивая ихъ, да яко въ малъ часъ абїе межъ ополчаемыхъ мечь его познавается. Послѣ бо себе множество трупїя мертвыхъ оставляетъ, да яко вси Греки отъ лица его бѣжатъ, пораженїй его смертоносныхъ понести не могуще, и путь ему чрезъ полкѝ своя невольно отворяютъ. Сами же предъ нимъ падающе лютѣ умираютъ, и въ побѣжденїи своемъ прилѣжнѣ единъ другаго вопрошаше: кто убо есть онъ тако храбрый воинъ, и сице смѣлый оружникъ? и егда мнози болѣзненнымъ слухомъ познаша его быти Гектора, сына Царева, всѣхъ храбрыхъ сильнѣйша; тогда мняшеся Грекомъ, остаточные

дни

дни своя кончати отъ него вскорѣ. Солнце же ужѐ обращашеся на вечеръ, егда Гекторъ оружнымъ утомленіемъ нѣсколько утрудився вниде во градъ, и остави прочихъ Троянъ ратоватися со Греки. По отшествіи же его Греки, яко отъ сна убудившеся, отъ страха Гекторова, или яко отъ піянства люта истрезвившійся паки на ополченіе грядутъ, и брань паки спустиша съ Трояны, но не тако, якоже прежде. Трояне бо паче одолѣваютъ имъ, понеже ужасъ оный въ сердцахъ ихъ пребываше; и того ради на брани изнемогающе падаху предъ Трояны: Трояне же въ велицѣй храбрости смѣльства своего хождаху крѣпцѣ ратующе ихъ. Тогда же храбрый Ахиллесъ съ корабли своими ко брегу приста, иже абіе воиновъ и коней своихъ извелъ изъ кораблей, и на брань приходитъ,

и нападши на Троянъ смертно воинство преновляетъ, и немилостивно убивая Троянъ, въ бѣгство абіе обрати ихъ, поле бо оное многими мертвецы постла. Востаютъ убо Греки въ пришествіе Ахиллесово, творяще устремленіе на Троянъ мужески, коихъ сѣчаху бѣжащихъ; вопль же велій умножашеся отъ паденія язвенныхъ Троянъ. Потомъ же и вси корабли Греческіе ко брегу приставше на брань пріидоша, и пагубу Трояномъ велику умножиша, и даже до вратъ градскихъ догнаша ихъ, и ту паче убійство умножашеся, и было бы зѣло множае, аще не бы храбрый Троилъ, и Парисъ, и Деиѳебъ, сынове Царя Пріяма, изшедше изъ града со множествомъ воинъ помогли Трояномъ, въ ихъ же пришествіе премолче убійство, и нашедшей нощнѣй сѣни, брань преста. Трояне убо внидоша во градъ, и врата град-

градская жестокими утвердиша запоры. Ахиллесъ же со Греки во многѣй славѣ на брегъ мо́ря приходятъ. Тогда же Царь Агамемнонъ усмотривъ мѣста̀ удобна, повелѣ въ нихъ ставити шатры; не имущїи же шатровъ лачуги новыя соорудиша, и тако вси мѣста̀ для покоя себѣ устроиша въ нощь ону. Трояне же аще и вельми безмѣрну высоту стѣнъ градскихъ имѣша, но верьху ихъ поставиша стражи. Такожде и Греки около войска своего зѣло многи огни возжгоша, и остроги поставиша; кождо бо ихъ едини отъ другихъ бояхуся. Сїя убо брань перьвая бысть между Грековъ и Троянъ, егда Греки снидоша на землю.

О устроении полковъ троянскихъ отъ гектора.

Прошедшей убо нощи, востающу же утру, оный бранный

и храбрый Гекторъ о воеводствѣ своемъ пекійся, прежде развѣту повелѣ всѣмъ бранным вооружатися на нѣкоей площади посреди града, и призвавъ дву отъ сродникъ своихъ, Клаукона, сына Царя Тезея, и Симбора, брата своего, вожденіе перьваго полка предаде имъ. Предаде же имъ, и повелѣ едины отъ вратъ градскихъ отворити, и на поле исходити. Они же пріемше отъ Гектора отпущеніе, исходятъ на поле, и ко Греческому войску остроумнѣ приходятъ. Вторый же полкъ устрой Гекторъ отъ трехъ тысящъ воинъ храбрыхъ: воеводу же имъ далъ Царя Иппона сильнаго, и повелѣ имъ исходити враты онѣми предреченными, и ко Грекомъ смѣло приходити. Они же пріемше отъ него отпущеніе, исходятъ на поле, и перьвому полку присоединяются. Третій же полкъ Гекторъ устрои,

вѣ немѣ же пять тысящѣ воиновѣ зѣло храбрыхѣ и разумныхѣ. Воеводу же надѣ ними учини Троила, брата своего, и тако рече ему: любимѣйшїй брате мой! зѣло ужасаетѣ мя и вѣ недоумѣнїе приводитѣ безмѣрное смѣльство се́рдца твоего. И того ради, вселюбе́зный мой, глаголю ти; да не безсовѣтнѣ послѣдуеши смѣльству се́рдца твоего, но на бранѣхѣ остроумнѣ да учиниши, да не како врази наши желающе конечнаго паденїя нашего о твоей легкости порадуются. Тѣмѣ же нынѣ, любезнѣйшїй, сѣ миромѣ, да изыдеши и здравѣ да возвратишися, якоже азѣ желаю. Емуже Троилѣ тако рече: любимѣйшїй господине мой и брате! стыдѣтися враговѣ нашихѣ аще и не подобаетѣ ми, но отѣ заповѣдей твоихѣ, яко любимѣйшаго ми брата и господина, никогда же уклонюся. И тако прї-

 имѣ

имъ отъ Гектора отпущенïе, скоритъ ко врагомъ. Четвертый полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же три тысящи седмь сотъ воиновъ: направляеми же сïи бяху отъ нѣкоего храбра и чудна мужа, именемъ Ефрема; къ сему же полку воеводу постави ратнаго Царя Фригïйскаго Ксантиппа, иже и прïимъ отъ Гектора отпущенïе, исходитъ ко врагомъ на ополченïе. Пятый же полкъ устрои Гекторъ, въ немъ же тысящи пяти стамъ воиновъ повелѣ быти; воеводу же имъ учини Полидама Князя, Антенорова сына, мужа вельми храбра, иже и прïимъ отъ Гектора отпущенïе, исходитъ изъ града, и ко врагомъ на ополченïе смѣло приходитъ. Шестый же полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же повелѣ быти четыремъ тысящамъ тремъ стамъ воиновъ, воеводу же избра имъ Князя Енея, мужа благоразумна, и зѣльно чудна,

иже

иже такожде пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ. Седмый же полкъ устрои, въ немъ же повелѣ Гекторъ быти пяти тысящамъ избранныхъ воиновъ. Сіи же воини зѣло искусни бяху въ стрѣляніи изъ луковъ; постави имъ Деиѳеба, брата своего, иже и пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ ко врагомъ своймъ. Осмый же полкъ устрои Гекторъ, въ нёмъ же воиновъ избранныхъ и крѣпкихъ мужей десятъ тысящъ: воеводу же учини имъ Париса, брата своего, емуже бо во слѣдъ съ полкомъ своймъ и самъ мыслитъ пойти. Парисъ же пріимъ отъ Гектора отпущеніе, исходитъ честнѣ изъ града, и ко врагомъ своймъ приближаетъся на ополченіе. Девятый же полкъ Гекторъ устрои, въ немъ же такожде избранныхъ и крѣпкихъ воиновъ бытъ двадесятъ и пять тысящъ, ихъ же своему вое-

водству полагая, веде в немъ десять братовъ своихъ родныхъ. Самъ же Гекторъ потребными и вѣрными оружїи отвсюду оградився, на конь свой всѣде, иже нарицашеся Галатей, о егоже крѣпости, и великости, и красотѣ, и иныхъ его силахъ дивная написа Дарїй. Бяше бо Гекторъ по истиннѣ чудный воинъ и крѣпкїй ополчитель, и воинскаго ополченїя мудрѣйшїй воевода и начальникъ. Знаменїе же хоругви его поле бѣ все злато, посреди же его единъ бяше левъ краснымъ цвѣтомъ изображенъ: на конѣ же Гекторъ сѣдяше вооруженъ, и яко же нѣкїй остроззрительный орелъ опаснѣ разсмотряя; уловити себѣ желаше нѣкїй вожделѣнный ловъ. Сей ко отцу своему Царю Прїяму тако рече: дражайшїй и любезнѣйшїй господине мой и отче, преславный и великїй Царю! имѣй ты вся своя оставшїеся конные и пѣшїе

пѣшіе воины, ихъ же всѣхъ твоему воеводству ввѣряю, да будеши пребывая присно у града своего, и прилѣжнѣ соблюдая его, да не како врази наши нѣкоею коварною лестію и лукавствомъ, намъ ратующимся, во градъ нашъ внидутъ, и возмутъ его, и пограбятъ. Но ты сего ради, вселюбезнѣйшій мой отче, воевода буди имъ, преграда смертная, ратуя крѣпцѣ, и смертнѣ вредя ихъ мощію великою силъ своихъ, и намъ же самимъ да будеши во опасное прибѣжище, и въ столпъ правленія, и въ помощь безстрашія. Ему же Царь Пріямъ тако отвѣща: любимѣйшій сыне мой! отнынѣ глаголю ти, яко нѣсть ми въ настоящемъ семъ дѣлѣ въ бозѣхъ помощи, ни на нихъ вѣра, но токмо въ храбрости силъ твоихъ, и въ прозрителномъ твоего ума опасеніи. И тако Гекторъ пріимъ отъ Царя

 Пріяма

Пріяма отпущеніе, исходитъ изъ града, и вся иные полки Троянскіе прешедъ, и предложивъ себе, бысть перьвый на снятіе брани. Жены же благородныя, оставшіяся въ Трои, взыдоша на стѣны градскія вкупѣ съ великою Еленою, да оттолѣ возмогутъ зрити бранное ополченіе. Тамо же изыдоша и дщери Царя Пріяма, и многія сомнительныя страхи и помышленія въ сердцахъ своихъ держаху.

О устроеніи полковъ греческихъ.

Сице убо Гекторъ своя полкй устрои зѣло добрѣ и разсмотрительнѣ; Царь же Агамемнонъ ослабленъ бѣ или немощенъ во устроеніи своихъ полковъ, и поистиннѣ отъ языка своего 26 полковъ устрои. Перьвый полкъ веде Царь Патроклъ; 2 полкъ веде

веде Царь Мереонъ; 3 полкъ веде Князь Несторъ; 4 полкъ веде Царь Протенорь; 5 полкъ веде Царь Архелай; 6 полкъ веде Царь Теламонъ; 7 полкъ веде Царь Уликсъ; 8 полкъ веде Царь Анаксъ; 9 полкъ веде Царь Селидъ; 10 полкъ веде Менестей, Аѳинскій Князь; 11 полкъ веде Царь Капенорь; 12 полкъ веде Царь Теѳусеръ; 13 полкъ веде Царь Умерось; 14 полкъ веле Царь Тезей; 15 полкъ веде Царь Филисъ; 16 полкъ веде Царь Ксантиппъ; 17 языкъ бѣ нѣкій Царя Протизилая, смерти господину своему желающій; 18 полкъ веде Царь Епистропъ; 19 полкъ веде Царь Седей; 20 полкъ Царь Алпинорь; 21 полкъ веде Царь Диронъ; 22 полкъ веде Царь Клауконъ; 23 полкъ веде Царь Леонъ; 24 полкъ веде Князь Діомидъ; 25 полкъ веде Царь Менелай; 26 полкъ веде Царь Агамемнонъ, всего Греческаго войска властелинъ.

о второй брани греческой и троянской.

Полкомъ убо онѣ обою страну сице уставленнымъ, обѣ части на поле исходятъ воеватися: но оный сильнѣйшїй Гекторъ, покоя не терпя, прежде всѣхъ иныхъ конь свой понуди на теченїе, егоже яко предощутивъ Патроклъ Царь, иже предреченнаго Греческаго полку перьваго воевода бѣ, въ теченїи коня своего на Гектора воздвигъ копїе свое мужески, и толь крѣпцѣ порази, яко щитъ, егоже себѣ Гекторъ наложи, сильнѣ прорази, и брони его повреди, но до голаго тѣла копїе его внутрь не пройде. Гекторъ же въ насильствѣ раза онаго не трепеща, ниже сомняся, многою коттемоюю ярости разжеся, не копейнымъ отмщенїемъ поражаетъ его, но извлекъ мечь свой, и толь мощнѣ удари его, яко главу его на двѣ части раздѣли. И того

того ради умре Царь Патроклъ, и спаде на землю посредѣ воюющихся: но Гекторъ видѣвъ его на землю низпадша со оружїемъ, имъ же бѣ Патроклъ облеченъ, восхищенъ бѣ желанїемъ, еже имѣти его, съ коня своего сниде, ничего же бояся, точїю хотя обнажити его отъ блистающихся оружїй. Но Царь Мереонъ съ тремя тысящами воинъ въ защищенїе трупа приближается, и гнѣвнымъ сердцемъ противу Гектора рече сїя словеса: волче хищный и ненасытимый! воистинну бо отъ сего брашна вкусити не возможеши; индѣ подобаетъ ти искати брашна, зане скоро узриши болѣ пяти тысящъ Грековъ, иже на сокрушенїе единыя твоея главы готовятся. И сице отъ того Царя и иныхъ воинъ бывшу устремленїю единодушну на Гектора, низринути его на землю сильнѣ мыслятъ, коня его отъ рукъ изъяти тщатся,

ся, и ужѐ его на конь свой всѣсти ни какоже оставляютъ. Гекторъ же отъ нихъ себе мужески защищаетъ мечемъ своимъ, у многихъ воиновъ голени и мышцы отсѣкая, и кони ихъ убивая, и въ малъ часъ пятьнадесять воиновъ уби отъ нихъ. Греки же прилѣжнѣ належаху нань, или его поимати, или коня у него исхитити. Но нѣкїй рабъ Гекторовъ, видѣвъ господина своего въ толицѣй бѣдѣ обстоима, вzя копїе, и скочи на тѣхъ, иже паче иныхъ належаху на Гектора, и порази единаго отъ нихъ, и смерти его предаде: потомъ же скочи и на другаго, и того такожде смерти предаде, и Гектора самого взыти на конь учини. Егдаже Гекторъ на конь свой взыде, велїимъ гнѣвомъ ярости разгорѣся на Греки, и обиду свою желая на нихъ отмстити, жестоко на нихъ наступи, и мечемъ

немило-

немилостивнѣ сѣчаше ихъ; идѣже бо аще обращашеся, тамо множество трупія мертвыхъ по себѣ оставляше. Въ то время брань вельми остра кипитъ между Грековъ и Троянъ, и Трояне Грековъ дивнѣ погнѣтаютъ. Троилъ бо множество ихъ лютѣ побѣждаетъ, и многихъ убиваетъ и ранитъ, и съ коней низлагаетъ, на негоже отъ страны Менестей, Князь Аѳинскій, нападе, и копіемъ своимъ порази его, и съ коня сверже, и поимати его хотя, яко да своимъ возможетъ его имѣти плѣнникомъ. Троилъ же себе отъ него мужески защищаетъ; Менестей же поимати Троила весь дыша, силы къ силамъ собираетъ, и толико прилѣжаніе показа и трудъ, яко Троила онаго ять, и въ прибѣжище свое его вести покушаетися: но запинающимъ многимъ Трояномъ далече его вести не возможе. Найде

де нань Полидамъ Князь, и мужески копіемъ своимъ порази его, и съ коня сверже, и Троила, сына Царева, отъ рукъ его избави, и на конь взыти учини. Менестей же помощію своихъ на конь восходитъ, и о погубленіи своего плѣнника отчаявся, скачетъ по полкамъ Троянскимъ, крѣпцѣ рашуя ихъ. брань же зѣло умножашеся, и Трояне Грековъ на брани преодолѣваху, и ужè ихъ въ бѣгъ неволею поргѣваху. Троилъ бо и Полидамъ съ полки своими соединившеся, немилостивнѣ сѣчаху Грековъ. Тогда отъ страны десныя приступиша на брань Царіе Гречестіи съ полки своими Царь Теламонъ, и Царь Менелай, и Царь Селидъ; такожде и Троянстіи Царіе съ полки своими въ тоже мѣсто приспѣша. Царь Ремъ, Царь Седемонъ, Царь Персей, и брань зѣло люту и вельми страшну спустиша; отъ

обоихъ

обоихъ странъ безчисленно воинъ падаху; Царь Менелай и Царь Ремъ оба сходятся, и копіями своими сражаются, и оба съ коней своихъ низпадаютъ. Полидамъ же нападе на Мерея, внука Еленина, и Князя двадесять лѣтъ токмо имуща, иже въ цвѣтѣ своего юношества уже воинъ храбрый являшеся: сего Полидамъ сильнымъ ударомъ копія своего тяжко порази, и мертва съ коня сверже. Царь же Менелай, видѣвъ его мертва, въ трудѣ велицѣ, такожде и во множествѣ слезъ тѣло его отъ ногъ конскихъ изъя, и къ шатромъ своимъ отосла. Самъ же желая на Троянехъ смерть его отмстити, Царя Рема толь крѣпцѣ порази копіемъ своимъ, яко мертва его съ коня сверже, егоже свои мнѣвше уже угасша, пособія ему ни коего же даша, но отъ брани помыслиша отыти, еже и дѣйству предали бы, аще не

не бы Полидамъ удержалъ ихъ не хотящихъ. Они же съ великимъ трудомъ браннымъ отъ конскихъ ногъ его извемше и на щитъ положивше, яко мертва во Трою отнесоша. Царь же Селидъ, иже во вся времена и во вся дни своя всѣхъ человѣкъ о́бразомъ красоты своея превзыде, о немъ же написа Дарїй, яко персоны его, рече, никто же отъ человѣкъ написати можаше, его же Царица преимѣющею любовїю толико любляше, яко паче себе самыя имяше его любима внутреннѣ. Сей же Царь Селидъ на Полидама нападе, хотя его копїемъ свои́мъ съ коня низринути, его же Полидамъ Князь, многою яростїю разжегшїйся, мечемъ голымъ порази, и яко мертва поверже на землю. Въ то же время Гекторъ скача сѣмо и овамо по полка́мъ Греческимъ, многое множество Грековъ убиваетъ, и полкъ свой безъ воеводства остави, яко

же

же Дарій написа; близъ бо тогда Гекторъ тысящи воиновъ уби, и пріиде паки ко своему полку. брань же горитъ острѣйшая промежъ Грековъ и Троянъ; и не далече Полидаму отъ Гектора воюющуся, внезапу Менелай и Теламонъ Царіе на Полидама вкупѣ нападаютъ, его же перьвѣе Теламонъ и Анаксъ найде, и порази его копіемъ своимъ, и съ коня сверже, и силы своя соединивъ Менелай и Теламонъ, Полидама поимаша. Гекторъ же воззрѣвъ на ту страну, видѣ Полидама отъ многихъ Грековъ окруженна, и отъ гласовъ вопіющихъ едва услыша низложенна, и въ плѣнъ ведома, иже и разгнѣвався вельми, расторгъ полки оны, и пріиде къ тѣмъ, иже Полидама вести мысляху, и тридесять ихъ уби: прочіи же Полидама оставльше, въ бѣгъ обратишася. И тако Гекторовою чудною силою Полидамъ

дамъ избавленъ бысть отъ Грекъ. Гекторъ же паки къ тѣлу Патрокла Царя пріиде, еще хотя ограбити оружія его, и сего ради сниде съ коня своего, и за узду единою рукою конь свой держа, начатъ обнажати его. Но Царь Мереонъ паки съ тремя тысящами воинъ нападе на Гектора, и самъ Царь, и сущіи съ нимъ мечи своими поражаху его. Гекторъ же видяще себѣ быти пѣша, брани же смертнѣ палящей, силы къ силамъ собираетъ, и мечемъ своимъ отъ нихъ мужески себе защищаетъ, и многихъ Грековъ убиваетъ и ранитъ. Но Князь Несторъ со Артилогомъ, сыномъ своимъ, и со иными двѣмя тысящами воинъ Мереону Царю въ помощь пріидоша противу Гектора, и крѣпцѣ боряху его, и коня у него ужѐ отъемше отведоша; Гекторъ же съ ними пѣшъ крѣпцѣ боряшеся. Родныяжъ дѣти

Царя Пріяма, братія же Гекторовы, иже въ полку его бяху съ нимъ вкупѣ воеводствующе, войско свое видяще аки побѣждаемо, а Гектора не видяще, сходятся прилѣжно и ищутъ его въ полцѣхъ; и яко къ мѣсту оному приходятъ, узрѣша Гектора пѣша противу толикихъ конныхъ борющася, и вельми ужасошася. Нападше убо на Грековъ зѣло сильнѣ полкъ онъ возмятоша, и въ бѣгство абіе обратиша; Динадаронъ же единъ отъ братій Гекторовыхъ крѣпцѣ належаше на Грекъ онѣхъ заключившихъ Гектора, и тридесять мужей уби отъ нихъ, прочіи же разбѣгошася. Трояне же приступльше отвсюду, окружиша Гектора; единъ же отъ братій его, именемъ Симборъ, нападе на Паликсіона нѣкоего Греческаго нарочита и дивна, на нѣкоемъ мощнѣ и сильнѣ жребцѣ ѣздяща, и его копіемъ

своимъ

своимъ порази, и на землю сверже, и жребца онаго восхитивъ за узду, Гектору пѣшу біющуся примчалъ, на негоже Гекторъ скоро взыде, и нападши на Грековъ съ великою зѣльностію, немилостивнѣ сѣчаше ихъ, о ограбленіи Патрокловѣ ужѐ отчаявся. Греки же не могуще толикаго его яростнаго устремленія терпѣти, бѣжатъ отъ него; онъ же гоня ихъ паки отъ полку своего отлучися. И егда пріиде ему въ стрѣчу Царь Мереонъ, унесшій у него тѣло Патроклово; тогда Гекторъ гнѣвнымъ словомъ рече ему: о лукавый изрядца! се нынѣ пріиде часъ твой, да достойную мзду воспріимеши за сіе твое злодѣйство, яко Патрокла Царя прехватилъ еси отъ мене напрасно; и по словесѣхъ онѣхъ порази его мечемъ толь мощнѣ, яко главу его на двѣ части раздѣли, и паки обратився на Греки, безъ

конца

конца побѣждаетъ ихъ. Греки же отвсюду обходятъ его, хотяще его убити, въ нихъ же бѣ и Царь Тезей. Сей же Царь Тезей во мнозѣ храбрости свѣтелъ, приближися къ Гектору, и воспоминая ему глаголетъ, да отъ брани изыдетъ, яко да не напрасно погибнетъ; аще ли ни, во всемъ мірѣ толь великій, благородный и храбрый воинъ погибнути возможетъ. Или не вѣси, господине, коликія тысящи Грековъ отвсюду обходятъ тя, хотяще лукавнѣ убити тя? И сего ради щадя благородіе твое глаголю ти, да благоволиши возвратитися здравствуя ко своему полку, да не безвременно умреши. Гекторъ же сія отъ него слышавъ, любовныя ему о семъ благодаренія воздаде. и обратився паки ко своему полку здравъ отыде, и вельми удивися человѣколюбію толику Царя Тезея. Брань

же

же въ то время палитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ сильнѣ погнѣшаютъ, Греки же хребетъ дати готовятся. Тогда отъ страны Греческія Царь Теламонъ, и Царь Уликсъ, такожде и Царь Менелай, и самъ Царь Агамемнонъ, соединившеся съ самыми лучшими полки своими, противу Троянъ мужески пойдоша, имъ же Трояне въ лицѣ крѣпцѣ сташа. Енея бо и Анаксъ сходятся сердцы ненавистными, и оба съ коней низлагаются. Царь Агамемнонъ и Царь Пандалъ стекшеся, такожде оба съ коней низлагаются. Парисъ же нападе на Царя Фатрїйскаго, сестричича Уликсова, и того своими силами погуби: Уликсъ же копїемъ своимъ коня Парисова уби, и паде Парису всадникъ его. Троилъ же Уликса толь жяжцѣ мечемъ своимъ порази, яко верьхъ шлема его сокруши, и съ коня сверже его.

его. Царь же Филонъ пріиде на брань въ колесницѣ сѣдя, и крѣпцѣ воюя Грековъ, его же Греки ополченія ужасахуся и бѣгаху. Гекторъ же, яко не istовенъ, всѣхъ противу текущихъ ему убиваетъ, его же Менестей, Князь Аѳинскій, видѣвъ толика множества погубляюща Грековъ, отъ страны найде на Гектора, не уразумѣвшу Гектору подвига его, и Гектора копіемъ своимъ тяжцѣ уязви. Самъ же убоявся ярости его далече отбѣже отъ лица его. Гекторъ же ощутивъ себе уязвенна отъ брани отыде, и язву ону обвязавъ крѣпцѣ, яко кровь отъ нея тещи не можаше, паки пріиде на брань, и стремленію гнѣва его не удержану сущу, яростнѣ нападе на Греки убивая ихъ, яко Греки бѣжаніемъ отъ него спасеніе свое пріобрѣтаху, онъ же толикою яростію развирѣпѣвъ, не милостивнѣ сѣчаше ихъ. Царь же Умерось

росъ напрягши лукъ свой, испусти стрѣлу свою на Гектора, и порази его въ лице. Гекторъ же абіе нападе нань яростенъ, и порази его мечемъ голымъ толь мощнѣ, яко тѣло его на двѣ части раздѣли: и сего ради умре Царь Умеросъ, ниже къ тому напрязаетъ лука, ниже испущаетъ стрѣлу. Въ то же время Квинтиліанъ, единъ отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма Троянскаго, и Царь Модернъ съ нимъ вкупѣ нападаютъ на Царя Тезея, и его изымаша, и поимана убити хотятъ, на нихъ же Гекторъ велегласно возопи, да не вредятъ его и отпустятъ; они же повелѣніемъ Гекторовымъ свободна его пустиша. Онъ же прибѣже къ Гектору, умильная благодаренія ему воздая, и обѣщася ему паки здравіе благородія его соблюдати. И тако Царь Тезей избавленъ бывши ко Грекомъ отыде.

Царь

Царь же Тоасъ Италіанскій нападе на Какибула, единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма, и его копіемъ своймъ порази, и мертва съ коня сверже. О смерти же Какибуловѣ, сына Царева, Трояне зѣло смутишася, и на Грековъ паче ополчишася, и лютѣ сѣчу умножиша, и Грековъ бѣжати понудиша. Деиѳебъ бо, сынъ Царя Пріяма, паче иныхъ съ полкомъ своймъ убиваше Грековъ лучными стрѣляніями. Тогда же отъ страны Греческія Царь нѣкій, именемъ Тефусеръ, найде на Гектора, и копіемъ своймъ, не уразумѣвшу ему подвига его, Гектора съ коня сверже. Гекторъ же абіе на конь свой взыде, и во отмщеніе на Царя Тефусера броздіе коня своего направляше; онъ же бѣгствомъ спасеніе себѣ пріобрѣте, далече бо отъ зрака Гекторова отбѣже, яко Гектору отнюдь невидимъ бысть. Гек-

торъ же гнѣва своего сéрдца удержати не возможе, на нѣкоего чудна Греческаго нападе, и смерти его преда; и паки отлучився Гекторъ отъ своего полкà, скачетъ по полкамъ Греческимъ, безчисленно убиваетъ Грековъ, и нѣкоимъ доломъ зайде созади полковъ Греческихъ, и нападе на нихъ, и вельми паче мѣры умножи убійство Грекомъ. Написа бо Дарій, яко пóслѣ оныя своея язвы Гекторъ болѣ тысящи воинъ уби, и въ толицѣмъ изнеможеніи и малодушествѣ все войско Греческое положи, яко ни единъ бѣ отъ Грекъ имѣя толико смѣльство сéрдца, еже бы защититися отъ него, нижè самъ Агамемнонъ Царь, всего Греческаго воинства властель и воевода, на брань безъ страха пріити смѣяше. Трояне же силою Гекторовою въ толицѣ смѣльствѣ и дерзновеніи хождаху, яко Грековъ ужè всеконечно

нечно въ бѣгство обратившие, люте сѣчаху, даже и до шатровъ ихъ, и нападше Трояне на имѣнія Греческая, шатры ихъ пограбиша, и многое множество злата и сребра, и прочихъ многоцѣнныхъ вещей взяша, и весь ихъ запасъ отъемше, къ своему граду принесоша. Сей день Трояномъ зѣло благопоспѣшенъ на брани случися, и Трояне бы надъ Греки во всемъ обще были побѣдницы; но счастія шуихъ случаевъ кто отъ человѣкъ можетъ избыти? яко же бо аще кто достигнетъ желанія своего, и не можетъ добрѣ содержати его, абіе погубитъ оное паки: или обрѣтъ сокровище, опаснѣ же не восхощетъ управити, яже о немъ, тоже пострраждетъ. Тако бо сотвориша и Трояне, за неданную имъ побѣду надъ враги ихъ отъ раздѣленія своего благодарною рукою не пріяша, но нерадѣніемъ

своймъ отъ нея конечно отпадоша; послѣди же аще и съ трудомъ великимъ поискавше ю не обрѣтоша. Сицево несчастіе случися неблагодарному Гектору, родственнымъ случаемъ ослѣпшему, прочимъ же Трояномъ грабленія недугомъ омрачившимся, и таково злоключеніе послѣди пострадавшимъ. Повѣмъ же абіе и несчастливаго онаго случая óбразъ, како сотворися.

Анаксъ нѣкто во Греческомъ ополченіи бѣ чуденъ воинъ, и многія храбрости свѣтлый оружникъ, и зѣльнаго смѣльства крѣпкій ополчитель. Сей Анаксъ видя Грековъ своихъ толикое пагубное паденіе, и всеконечное ихъ отъ Троянъ побѣжденіе, сжалися вельми и крѣпцѣ о нихъ поболѣ душею; и хотя всячески потрудися за отечество свое, съ тысящію воиновъ нападаетъ на Гектора,

тора, съ таковымъ твердымъ намѣренїемъ, яко да убїетъ Гектора, и смертїю его всѣхъ Троянъ въ сомнѣнїе малодушїя ввержетъ, и Грековъ своихъ отъ толикїя ихъ погибели избавитъ. Сего ради на Гектора въ толицѣ ополченїи наступи; Гекторъ же разумѣвъ подвигъ его, ста крѣпцѣ на ополченїе противу его. И сего ради абїе спускается брань промежъ великихъ онѣхъ и толь сильныхъ воиновъ; и егда между себе нѣкая словеса бряняся глаголаху, позна его Гекторъ сына быти Ексїонина, сестры Прїямовы, отъ Теламона Царя зачатаго, иже бѣ въ четверокровной степени ему союзенъ. И абїе Гекторъ, оставя оружїе свое, въ велицѣй любви ласкаетъ его и молитъ, да въ Трою прїидетъ посмотрѣти пространнаго своего града и отечества. Онъ же отрицаяся, и спасенїя своихъ Грековъ желая, при-

лѣжнѣ молитъ Гектора: аще, рече, господине мой и брате, толику любовь имаши ко мнѣ, сотвори любезнѣ; прошу благородіе твое, моля съ толикою покорностію сердца моего, благоволи послушати мя о семъ. Повели Трояномъ въ сей день престати отъ брани, и во градъ свой возвратитися, и Грековъ дня сего въ покоѣ оставити. Неблагодарный же Гекторъ поволи сему тако быти, испусти трубный свой гласъ, и повелѣ всѣмъ Трояномъ во градъ возвратитися. Трояне же егда услышаша отъ Гектора сицевое повелѣніе, вся оставльше во градъ возвращахуся, аще и не хотяху. Ужè бо Трояне во Греческіе корабли огнь вметаша, и множество кораблей сожгоша, и безъ сомнѣнія вси бы корабли они згорѣли, и сами бы Греки конечно истребилися, аще не бы сицевое повелѣніе изыде, но по трубному оному гласу вси во градъ,

градѣ, яко побѣдницы, возвратишася.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ.

Вшедшимъ же Трояномъ во градъ, и вратомъ въ потребной крѣпости утвержденнымъ бывшимъ, и Трояномъ утѣшающимся о множествѣ грабленаго богатства, вкупѣ же и скорбящимъ о несчастливомъ ономъ случаѣ, къ томуже и о смерти падшихъ на брани Троянскихъ воиновъ, наипаче же о смерти Какибуловѣ, сына Царева, о немъ же и самъ Царь Пріямъ вельми плакася, во утріе Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ Уликса и Діомида посла, на два мѣсяца сроку перемирія просяще. Царь же Пріямъ даде имъ по прошенію ихъ; и перемирію утвержденну

 бывшу,

бывшу, и послы пріемше отпущеніе, отыдоша во страны своя. Царь же Пріамъ о смерти Какибула, сына своего утѣшитися не можаше; послѣди же во гробѣ зѣло дражайшемъ тѣло его положити повелѣ, и честно погребе. Въ полцѣхъ же Греческихъ о смерти Патрокла Царя, такожде и о смерти Царя Мерсона, и Царя Селида, и Царя Умероса, и Царя Фатрійскаго плачь велій бѣ; такожде и о толицѣмъ множествѣ воиновъ Гречесихъ многи слéзы изліяшася, и телеса Царей оныхъ и иныхъ благородныхъ Греческихъ во гробѣхъ дражайшихъ положиша, и должному погребенію предаша. Прочихъ же воиновъ тѣлеса огнемъ сожгоша множества ради, и пепелъ ихъ снесше въ нѣкій ровъ, тамо погребоша, да не возсмрадится мѣсто оно, на немъ же живутъ Грекове. Ахиллесъ же о смерти Патрокла

ла Царя утѣшитися не можаше, но непрестанно упражняшеся въ рыданіи и слезахъ, поминая его.

О третіей брани греческой и троянской.

Прошедшимъ же днемъ даннымъ въ перемиріе, и приспѣвшу дни бранному, Агамемнонъ Царь въ дѣлѣ своея власти бодре, опаснымъ прилѣжаніемъ вся полкѝ своя устрои, да добрѣ и разсмотрительнѣ пріити имѣютъ на брань.

Перьвый полкъ поручи Ахиллесу, вторый Діомиду, третій Менелаю, четвертый Менестею Аѳинскому Князю, такожде и вся иныя полкѝ своя благочиннѣ устрои. Гекторъ такожде своя полкѝ во мнозѣ разсужденіи устави. Въ перьвомъ полку постави

Троила, брата своего, и прочихъ воеводъ, многою храбростію свѣтлыхъ мужей, яко же обычай бѣ ему бодренымъ попеченіемъ устроиваши. Вскорѣ убо оный бранный и храбрый Гекторъ изъ вратъ градскихъ уже исхождаше; и на поле свободно пріиде. Перьвѣе противу Ахиллеса на подвигъ вниде, егоже добрѣ познавъ, дается съ нимъ на сняшіе брани, и единъ противу другаго коня своего понуди на теченіе, и егда оба мужески стекшеся, и единъ другаго поразиша копіи своими, и оба съ коней низлагаются; крѣпкій бо крѣпкаго порази, оба вкупѣ и падоша; но Гекторъ перьвый на конь свой взыде, Ахиллеса оставляетъ, и дается въ полки, большую часть предтекущихъ ему убиваетъ, иныхъ же ранитъ, иныхъ лютѣ низлагаетъ съ коней, и силою своея мощи вси Греческіе

скіе полки разрушаетъ, и разшибаетъ, идѣже хощетъ, и Греческою кровію омоченъ ѣздитъ, поражая всѣхъ противу текущихъ ему мечемъ голымъ лютѣ. Ахиллесъ же не по мнозѣ часѣ отъ земли воставъ, на конь свой взыде, и обратився на Троянъ, такожде многихъ убиваетъ, и ранитъ и съ коней низлагаетъ скача по полкомъ Троянскимъ уязвляетъ, донелѣже паки въ стрѣчу пріиде Гектору; тогда наскочивъ скоро единъ на другаго въ крѣпости конной сразишася, но Гекторъ толь мощнѣ Ахиллеса порази, яко копіе свое на многія части сокруши. Ахиллесъ же на конѣ себе держати не могій, съ коня низлагается, и на землю паде. Гектору же изымати хотящу коня Ахиллесова, сопротивніи мнози на Гектора наскакаху. Ахиллесъ же помощію своихъ на конь восходитъ, и Гектора мечемъ

чемъ голымъ толь мощнѣ порази, яко Гекторъ нужею потрясеся, но въ силахъ своихъ мышцъ едва возможе удержатися въ сѣдлѣ. Гекторъ же о семъ много болѣзнію ярости разжегшися, мечемъ голымъ тремя разы, разъ разу прилагая, по шлему удари Ахиллеса сице, яко по лицу его потоки вровніи потекоша. Смертну убо брань оба вкупѣ творятъ; и аще бы долго въ той самой брани пребыли, или единъ другаго убилъ бы, или оба другъ друга нѣкако погубили бы. Нашедшимъ же воиномъ отъ полковъ обѣихъ странъ едва ихъ межъ собою разлучиша. Тогда же отъ страны Греческія пріиде онъ бранный Діомидъ Князь многими людьми подкрѣпленъ. Противу же его Троилъ съ полкомъ большимъ на брань приступи; Діомидъ же и Троилъ оба ратуяся сходятся, и оба съ коней своихъ вержутся; но Діомидъ

перьвый

первый на конь свой взыде, и Троила сына Царева, стояща пѣша, толь мощнѣ удари мечемъ во главу, яко кругъ шелома его сокруши. Троилъ же въ крѣпости силъ своихъ Діомидова коня уби, и оба пѣши ополчаются. Греки убо Діомида, Трояне же Троила взыти учиниша на кони и оба на конѣхъ паки ратуются; но Діомиду убо во мнозѣ силѣ превозмогающу, изыма Троила, и поиманна въ шатры своя вести покушашеся. Запинающимъ же многимъ всадникомъ, далече вести его не возможе. Наступивше бо во мнозѣ силѣ Трояне, исторгоша Троила отъ рукъ держащихъ его; и на конь взыти учиниша, и брань умножиша Трояне и Греки вельми жестоку, отъ обоихъ бо странъ веліе множество падаетъ воиновъ язвенныхъ и убіенныхъ, паче же отъ Грекъ. Трояне же дивнѣ утѣсняютъ ихъ, наипаче Гекторъ

безъ

безъ милости убиваетъ всѣхъ противу текущихъ ему. И егда пріиде ему въ стрѣчу нѣкій Греческій дивный воинъ, именемъ Боетесъ, и въ силѣ свой смѣлъ на Гектора нападе; тогда Гекторъ толь мощнѣ его мечемъ голымъ порази во главу, яко отъ верьха главы разсѣче его на полы даже до пупа, не защищающу оружїю его. Царю же Архилогу, Боетесову сроднику, то видящу, желаше вельми смерть сродника своего отмстити, и жестоко на Гектора наступи, на него же Гекторъ сильнѣ нападе, и мечемъ голымъ тѣло его на двѣ части раздѣли. Царь же Протеноръ смѣльствомъ напраснымъ ведеся, и отъ страны найде на Гектора, Не уразумѣвшу же сему подвига его, съ коня его сверже. Гекторъ же многимъ гнѣвомъ ярости разжегся, и абїе на конь свой взыде, и на Царя Протенора

нападе

нападе мечемъ голымъ, и толь мощнѣ его порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Се же видѣвше Греки, вельми ужасошася, и оставльше полѣ въ бѣгство обратишася. Трояне же немилостивно сѣкуще ихъ, даже до шатровъ ихъ гоня пріидоша, нощь же найде и брань преста.

О четвертой брани Греческой и Троянской.

Зракомъ убо человѣческимъ мраку приходящу, и звѣздамъ по небу всюду отверстымъ, ужѐ нощь запинаетъ зрящихъ во мрацѣ, и ради своея темноты малъ свѣтъ открыша. Тогда Царіе и Князи Греческіе къ шатру Агамемнона Царя вси снидошася, и многіе совѣты о смерти Гектоpовѣ испыташа, како его убіютъ; рѣша бо, яко той есть единъ Троян-

Троянскій защитникъ крѣпкій, и Греческій вредитель смертный, и донелѣ же Гекторъ отъ сего житія не оскудѣетъ, то поистиннѣ убо Трояне никакоже могутъ повредитися. И на семъ совѣты своя утвердиша, яко да хотѣніе сего дѣла Ахиллесъ на ся воспріиметъ, еже убити его; не токмо бо своими силами, но паче остроумнымъ своимъ промысломъ да скончаетъ того, еже Ахиллесъ любезно на ся воспрія, зане ему сіе дѣло паче иныхъ пристоитъ, яко извѣстно вѣсть Гектора на смерть его всячески дышуща; и аще себе Ахиллесъ не побережетъ отъ него, то легко поистиннѣ отъ рукъ его смертію умретъ. И убо о семъ скончану бывшу совѣту ихъ, вси въ шатры своя возвратишася, нощнаго ради покоя. Утру же бывшу Греки паки препоясуются на брань, зане онъ сильнѣйшій Гекторъ покоя не терпя

изъ

изъ вратъ градскихъ уже исхождаше съ полкомъ своимъ, по немъ Троилъ скоро последова, по немъ Парисъ, по немъ Деиѳебъ, по немъ Полидамъ, по немъ Царь Ипонъ, потомъ же и вси Царіе съ полки своими изыдоша, яко же написа Дарій, яко въ той день Троянъ сто и пятьдесятъ тысящъ на брань изыдоша. Отъ Грековъ же перьвѣе исходитъ Ахиллесъ, потомъ Діомидъ, потомъ Царь Тоасъ, потомъ Царь Теламонъ, потомъ Царь Менелай, потомъ и самъ Царь Агамемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воинъ изыдоша на ополченіе, и брань спустивше велику, падаютъ сѣмо и овамо умерщвленіи. Гекторъ же многихъ Грековъ убиваетъ и ранитъ и уязвляетъ; Ахиллесъ же и Царь Тоасъ вкупѣ наступаютъ на Гектора, и съ коня его низлагаютъ, и коня у него отъемлютъ. Гекторъ же на

своихъ мощнѣ возопи, да не оставятъ коня его отвести: они же о пріобрѣтеніи коня его брань велику умножиша, и многихъ Грековъ посѣкоша, и коня его у нихъ отъемше. Ахиллесъ же и Царь Тоасъ крѣпцѣ на Гектора належаху убити, и частыми своими пораженіи мечными шлемъ его на главѣ сокрушиша, и во многихъ мѣстѣхъ поразиша его, отъ нихъ же потоки кровныи течаху. Гекторъ же мечемъ своимъ отъ нихъ защищаяся. Царя Тоаса въ лице порази, и половину носа его отсѣче. Родныя же братія Гекторовы на помощь ему усердно скорятъ, дивнѣ Грековъ утѣсняютъ, Царя Тоаса плѣнятъ, Царя Теламона смертнѣ уязвляютъ, Ахиллеса же съ коня низвергаютъ, и Царя Тоаса поиманна во градъ Трою съ Деиѳебомъ послаша. Въ той день сынове Царя Пріяма дивная содѣяша своею храбростію

бростію многихъ Грековъ убивающе, и многихъ Царей ихъ побѣждающе. Брань же въ то время была острѣйшая. Гекторъ бо помощію братіи своея на конь взыде, и безчисленно Грековъ убиваше. Діомидъ же на Енею нападе, и перьвѣе словесы рече ему: радуйся, добрый совѣтниче, давый о мнѣ Царю Пріяму добрый совѣтъ; и се нынѣ воспріимеши отъ мене достойную мзду твою, и порази его копіемъ своимъ и съ коня сверже, на него же самого Гекторъ нападе, и съ коня сверже. Менелай же пріиде въ стрѣчу Парису, иже оба тогда истинно познашася, и Менелай устремися нанъ, абіе хотя поразити его копіемъ своимъ; Парисъ же уразумѣвъ подвигъ его, напряже лукъ свой, и испусти стрѣлу свою нанъ и порази его въ лице. Менелай же паде на землю, его же свои взeмше на щитъ положиша,

и въ шатры его отнесоша: но въ той часъ абіе рану его обязавше, мастію нѣкоею уврачеваша болѣзнь его. По семъ паки на конь свой взыде, и на брань пришедъ Париса ищетъ, хотя ему яростію мстити. Обрѣте же паки Париса, и нападе нань яростенъ, хотя копіемъ своимъ убити его; еже и легко моглъ бы сотворити, понеже въ то время Парисъ не вооруженъ бѣ, самъ бо волею своею оружіе съ себе совлече, и сего ради Енея щитомъ своимъ его отъ копія Менелаева защити, и во градъ его проводи, да не како повредитъ его Менелай. Гекторъ же Грековъ сильнѣ озлобляетъ, и разрушаетъ вельми крѣпость ополченія ихъ. Такожде и прочіи Трояне крѣпцѣ ратоваша ихъ, да яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, въ бѣгство обратишася. Трояне же въ тылъ

сѣкуще

сѣкуще ихъ, даже до шатровъ ихъ гоняще пріидоша, нощь же найде и брань преста. Трояне же вшедше во градъ, и врата градскими замками утвердиша.

О СОВѢТѢ ЦАРЯ ПРІЯМА.

Утру же бывшу, Царь Пріямъ устави въ той день не воеватися, но сыновъ своихъ къ себѣ призвати повелѣ, имъ же пришедшимъ, и по чину на мѣстѣхъ своихъ сѣдшимъ, Царь Пріямъ рече къ нимъ сицевая словеса: Вѣсте бо, како Царя Тоаса темница наша держитъ заключенна, и праведно быти мню, да злою смертію онъ казнимъ будетъ отъ насъ, и что ми о семъ возвѣстите, да слышу? Тогда первѣе всѣхъ Енеа нача глаголати Царю: ни господи мой великій Царю, да не низпадетъ къ толикому

грѣху благородіе твое, еже озлобити Царя Тоаса; извѣстно бо вѣси, яко Царь Тоасъ отъ большихъ Греческихъ есть, зане же и вы сами великій Царю, имате ближнихъ своихъ, на бранѣхъ пребывающихъ, и аще ключится коему отъ нихъ восхищенну быти Греческими руками, Грекове же тогда будутъ мстяще обиду свою, таковою же казнію озлобятъ ихъ, и нанесутъ величеству благородія твоего укоризну велику, и печаль нестерпиму; но праведно есть Царя Тоаса блюсти, и аще случится имъ такожде изыматися отъ Грекъ, то убо могутъ поистиннѣ благотворнымъ пріобрѣтеніемъ размѣнитися. Гекторъ же совѣтъ Енеевъ яко благоискусенъ вельми похвали. Царь же Пріямъ еще въ мысли словесъ своихъ пребывая, тако рече: да аще мы сотворимъ по словесемъ вашимъ,

и оставимъ жива Царя Тоаса, то убо абїе Греки вознепщуютъ насъ быти страхомъ пораженныхъ, и яко не имѣющихъ смѣльства врагомъ своимъ мстити. Тогда вси вкупѣ рекоша: праведно есть великїй Царю, аще благоволитъ благородїе твое сотворити по словесемъ Енеевымъ. Тогда Царь Прїямъ склонился и самъ къ совѣту ихъ, и повелѣ всякое прилѣжанїе показовати Царю Тоасу, въ темницѣ сѣдящему, и соблюдати его. Греки же о шкодахъ своихъ, и о убїйствѣ ихъ отъ Троянъ злѣ ѕѣло въ молчанїи тужатъ, и глаголютъ себе велїимъ буйствомъ быти одержимыхъ, иже къ толь тяжкимъ незгодїемъ Пароонъ ихъ и вещей дати себе восхотѣша. Тоя же нощи небо облечеся мрачными облаки, и многими дожди, и быша вельми страшни громи и блистанїя, и того горши паче

 яко

яко пріиде буря зѣло страшна и велика, яко вся ихъ шатры и кровы отъ земнаго стоянія исторже; тѣмъ же Грекомъ веліе и болѣзненно и трудно въ ту нощь найде стѣсненіе.

О пятой брани греческой и троянской.

Последи же отбѣже тьма, и на обѣщницы ихъ предреченныя бури; и бывшу утру свѣтлость ясна явися, яже всей земли лице просвѣти. Греки вкупѣ ко оружїю текутъ, зане онъ сильный Гекторъ, покоя не терпя, изъ вратъ градскихъ ужѐ исхождаше, и на поле свободно пріиде, по немъ же изыде Парисъ, потомъ Троилъ, потóмъ Деиѳебъ, потóмъ Антенорь, потóмъ Енеа, потóмъ Полидамъ, и даже до Греческихъ остроговъ съ полки своими

своими прїидоша на бранъ. Отъ Грековъ же перьвѣе Царь Антеноръ на Гектора наступаетъ, его же Гекторъ скоро уби, потóмъ же на Греки сильнѣ нападе, и многихъ убиваетъ и ранитъ, и съ коней низлагаетъ, яко же обычай бѣ ему. Тогда же отъ страны Греческїя два брата Царей, единъ отъ нихъ звашеся Епистропъ, а другїй Седей на брань вдаются, и на Гектора наступаютъ, и перьвѣе Царь Епистропъ жестоцѣ Гектора копїемъ своúмъ порази, но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Гекторъ же мечемъ голымъ толь мощнѣ порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Царь же Седей видѣ брата своего Царя Епистропа мертва, болѣзнїю многою стѣсняется, тысящу воиновъ къ себѣ призываетъ, и молитъ ихъ, да съ нимъ Гектора поженутъ и убїютъ, яко да о

смерти брата своего желаемое возможетъ наслѣдити отмщеніе, ниже закоснѣвше оніи воини со Царемъ своимъ абіе нападаютъ на Гектора, и его съ коня низлагаютъ; но Царь егда простеръ руку, хотяше Гектора мечемъ своимъ поразити, Гекторъ же мечемъ своимъ Царя Седея по оной руцѣ удари, ею же мечь держаше, яко руку его отъ плеча родственнаго состава отдѣли, и скоро его уби, самъ же абіе на конь восходитъ, и на Грековъ паки нападаетъ убивая ихъ. Ахиллесъ же въ то время Царя Иппона уби, и Троянъ сильнѣ побѣждаетъ. Енеа же тогда Царя Амѳимака ополчающагося уби, а Діомидъ нападе на Царя Ксантиппа, и того своими силами погуби. Брань же кипитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ, а Греки въ бѣгство порѣваются: Гекторъ же въ то время паки двухъ Царей Гре-

Греческихъ уби, Царя Алпинора и Царя Динора. Грецы же яко побѣждены суще падаютъ предъ Трояны, и мертвецы своя въ падении ономъ умножаютъ, наипаче же еще найде имъ тяжчайшее паденїе сего ради, яко въ то время Царь Епистропъ изъ града Троянскаго съ пятїю тысящи на брань прїиде, и приведе съ собою на ополченїе нѣкоего стрѣльца видомъ дивна; въ низъ бо бяше конь отъ пупа, а въ верьхъ человѣкъ, и всюду бѣ покровенъ, яко въ верьху тако въ низу урожденными на немъ власы конскими: лице же его аще и человѣческаго подобїя, но все бѣ червленно, аки угль зажженъ, и конское отъ устъ изношаше ржанїе, очи же его бѣша свѣтлѣе огненнаго свѣта, зане два пламени огненныя подаваху, тѣмъ же зрящихъ ихъ вельми страхъ и ужасъ объятъ. Сей же стрѣлецъ ни единымъ оруж-

 нымъ

нымъ защищенїемъ бѣ одѣянъ, съ единымъ своимъ лукомъ, и съ единымъ сайдакомъ полнымъ стрѣлъ на брань вниде, въ егоже пришествїе и кони воюющихся зѣло устрашишася; но помогающе всадники ихъ многими подстреканїи осторожными ударяху ихъ, они же вспять идяху, и во внезапное восхищахуся бѣгство: стрѣлецъ бо онъ скача по полкомъ множество убивая Грековъ, Греки же бѣжаще предъ нимъ въ шатры своя спѣшатъ, ихъ же Трояне усты меча погубляютъ. Дїомидъ же бѣжа къ шатромъ своимъ ускоряше, егоже стрѣлецъ устремително гоняше, нужда бо бѣ Дїомиду велїя, да не хотя и сомняся на стрѣльца нападе предъ шатромъ нѣкїимъ, стрѣлецъ же Дїомида егда стрѣлою своею порази, но не тяжко его вреди; вооруженъ бо бѣ. Дїомидъ же его мечемъ голымъ толь мощнѣ порази,

рази, неоруженна сущa, яко мертва поверже на землю. Тогда паки Греки страхъ ужаса онаго отрясше, на Троянъ мужески обращаются, и поле съ ними поставляютъ. Трояне же съ ними сильнѣ сѣкущеся, брань паки умножаютъ, и въ то время Антенора мужа избраннѣйша и въ хитрости ополчимой чудна, и тѣмъ добрѣ стройна Греки изымаша, и въ страны своя отведоша, и въ той убо день отъ самого утра, и до вечера крѣпцѣ брань Трояне и Греки сотвориша, нашедшей же нощнѣй сѣни, отъ брани преставше разыдошася.

Греки послаша послы своя ко царю Пріяму, просяще на два мѣсяца срока перемирію.

Въ послѣдующій же день Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму

 пословъ

пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія просяще. Царь же Пріямъ даде имъ по прошенію ихъ, и перемирію утвержденну бывшу, Греки убо во градъ безъ опасенія вхождаху и исхождаху, такожде и Трояне во Греческія станы не боящеся прихождаху и возвращахуся. Во единъ же отъ дней Гекторъ ко Греческимъ шатромъ пріиде во множествѣ своихъ благородныхъ, егоже Ахиллесъ любезнѣ узрѣ, и прилѣжнѣ моляше Гектора, да въ шатеръ его внидетъ. Гекторъ же послуша его и вниде къ нему; Ахиллесъ же радостно пріятъ его и сѣдоша, и многія словеса о нѣкіихъ между себе глаголаху.

Послѣди же Ахиллесъ Гектору рече сицевая словеса: Гекторе, Гекторе! любезно ми есть, яко вижду тя днесь безоружна, и зане безъ оружія никогда же моглъ тя

видѣ-

видѣти, но любезнѣ мнѣ было бы, аще бы еси отъ рукъ моихъ смертію умерлъ, якоже азъ желаю: азъ бо въ силѣ твоея крѣпости ощутихъ ю во изліяніи крови моея, и въ частыхъ пораженія меча твоего. И убо о семъ мыслъ моя многою болѣзнію постракается, но бо́льшимъ сраженіемъ сражается о томъ, яко Патрокла Царя, сердечнаго ми друга, смерти предалъ еси погублена, егоже азъ сердечною любовію себѣ союзихъ, разлучилъ мя еси отъ него; и сего ради смерть Патроклова жестоцѣ и лютѣ отмстится на тебѣ самомъ, къ тому же еще и вѣмъ тя всячески на убійство мое дышуща, еже погубити мя лютѣ. И тако Ахиллесъ рѣчи своя скончa. Емуже Гекторъ сице отвѣща: господине Ахиллесъ, аще азъ на твою смерть яростнѣ дышу, и ненавижду тя всѣмъ

 сердцемъ

сердцемъ моимъ, что дивишися о семъ? праведно бо творю. Како бо азъ любити того могу, иже мя въ ненависти имать главной, зане въ скрежетанiи толикiя валки воевати мя дерзнулъ еси; отъ вражды бо любовь произыти не можетъ, но паче гнѣвъ умножается, и злопомнѣнiе изобилуетъ; любовь бо отъ мысленнаго согласiя начало водитъ, а отъ ненависти вражда исходитъ, ейже мати есть валка. Сiю убо ты паче еще въ землѣ своей бывъ въ сердцѣ своемъ вситалъ еси, и пришелъ еси раззоряти отечество чужее, и се явѣ дѣломъ своимъ обличился, яко еси враждотворецъ, а не истинный добротворецъ, къ тому же еще и не правдолюбецъ и не разсудителенъ, яко се вину написуеши, что убихъ азъ врага моего, Патрокла Царя, ищущаго главы моея, къ тому же и пре-

тител-

тительными своими словесы, аки нѣкоего младенца устрашити мя мыслиши, да ужаснуся словесъ твоихъ, и бездѣленъ въ ратоборствѣ буду, и неключимъ во ополченіяхъ явлюся, страхомъ твоимъ согроженъ бывъ отвсюду, и малодушіе свое явивъ вконецъ непотребенъ покажуся. То бо есть намѣреніе ума твоего, якоже непщую быти, господине. По истиннѣ бо глаголю ти, яко прещеніе твое отнюдъ не устрашитъ мя, ниже словесъ твоихъ ужасаюся, но паче и ругаюся толику суетну уму таковая неподобная родившему словеса. Возвѣщу же ти, да извѣстно разумѣеши, яко аще азъ самъ на два лѣта еще живъ буду, и укрѣпится мечь мой, уповаю въ силѣ моея мощи, яко не токмо ты единъ, но и вси Царіе и Князи Греческія, иже противу мене воюютъ, отъ меня горькою смер-

тію злѣ поляжете, не воспоминающе будете къ тому смерти Патрокловы, сами злѣ умирающе въ земли чуждей, яко да научатся и прочіи потомъ родове Греческіи не раззоряти лукавнѣ отечествъ чужихъ. И что много глаголю, яко аще тя толико смѣльство крѣпости понуждаетъ, да противу мене мниши въ силахъ своихъ возмощи; то сотвори, да вси Царіе и Князи Греческіи дадутъ совѣтъ о семъ и руку держатъ неослабно, составленнѣ бывши брани между двоихъ насъ токмо: и аще тебѣ случится побѣдити мя, то самъ азъ и родители мои отъ сего царства и отъ прочихъ нашихъ вѣчно отступимся, и царствія наша владычеству Греческому предадимъ. И сего ради колико богатство и честь и славу хвалы единымъ симъ подвигомъ пріобрѣсти можеши? аще ли же мнѣ

ключится

ключится побѣдити тя, то сотвори, да вси Царіе и Князи отъ сея земли нашея отступятъ во своя отечества, и насъ въ покоѣ оставятъ отъ трудовъ бранныхъ. Ахиллесъ же къ словесемъ Гекторовымъ весь гнѣвомъ разжеся, яко весь мокръ бысть росою потною, брань пріемлетъ смѣло, и ко Гектору приближився, въ знамя крѣпости мечь ему приноситъ; Гекторъ же сія любезнѣ пріемлетъ. И егда сія услышаша Царіе и Князи Гречести, стекошася къ шатру Ахиллесову, не хотяще сего утвердити, еже Ахиллесъ безсовѣтно себя на брань вдаетъ: не подобаетъ бо, рекоша, толикимъ Царемъ и Княземъ о побѣдѣ единаго воина славитися, ниже побѣжденія его ради всѣмъ укореннымъ быти. Такожде и Трояне сему быти не изволяютъ, кромѣ единаго Царя Пріяма; той бо единъ соизволяше

тие на се, занеже ему мощь и сила Гекторова добрѣ знаема бѣ; но не сотворися тако, якоже хотяше. Тогда же Царіе Гречестіи честнѣ Гектора отпустиша, и тако отыде во градъ.

О шестой брани греческой и троянской.

Егда же срокъ перемирія сего конечно минулъ, тогда паки Трояне и Греки на брань препоясуются, и на ополченіе изыдоша, и брань спустивше жестокую, сѣчу умножиша вельми ужасную. Отъ утра бо даже и до самыя нощи воевахуся; нощь же найде и брань разлучися. По тридесятиже дней непрестанну брань Трояне и Греки твориша, и отъ обоихъ странъ безчисленное множество воинъ падоша, паче же отъ Троянъ, зане въ тѣ дни Грекомъ

комъ на брани лучшая часть бѣ. Отъ сыновъ же Царя Прїяма шесть бѣ убїено въ тыя дни на бранѣхъ.

О послахъ греческихъ ко царю прїяму, просящихъ на три мѣсяца сроку перемирїя.

Во оно же время, въ неже Грекове пословъ своихъ посылаютъ ко Царю Прїяму, Калкасъ Троянскїй жрецъ, [о немъ же многажды выше речено бысть, яко остави Троянъ и Грекомъ прилѣпися во островѣ Дельфѣ,] молитъ Царя Агамемнона и прочихъ Греческихъ Царей, да испросятъ у Царя Прїяма дщерь его оставшуюся во Трои. Послы же Греческїе пришедше во Трою, моляху Царя Прїяма, да дастъ имъ на три мѣсяца сроку перемирїя. Царь же Прїямъ по прошенїю ихъ даде срокъ

срокъ перемирія, и утвердиша его. Потóмъ же послы молиша Царя Пріяма, да повелитъ отъ плѣненія свободити Царя Тоаса, и возметъ себѣ въ премѣну за искупленіе его Князя Антенора. Царь же Пріямъ повели и сему тако быти. По семъ же послы паки моленія многія ко Царю Пріяму о Брисандѣ принесоша, да повелитъ ея отдати отцу ея. Царь же Пріямъ на размѣну Антенорову, и Царя Тоаса и Брисанду Грекомъ свободилъ. И тако абіе Царь Тоасъ избавляется отъ Троянъ, а Антеноръ свобождается отъ Грекъ. Пріемше отпущеніе послы, взяша Тоаса Царя и возвратишася въ станы своя.

Во утрій же день Брисанда повелѣніемъ Царевымъ на путь препоясуется, юже Троилъ и иніи благородніи Троянстіи путемъ отъ

отъ града далече проводиша: Греческии же благороднии прїидоша въ прїятїе ея, и прїемше ю отъ Троянъ отыдоша къ шатромъ своймъ. Троилъ же и прочїи благороднии возвратишася во градъ, и егда прїидоша въ страны Греческїя, и возвѣстиша Агамемнону Царю пришествїе Брисандино, тогда Царь Агамемнонъ повелѣ призвати всѣхъ Царей и Князей Греческихъ, и абїе снидошася вси къ нему, и сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ. Тогда прїиде Брисанда предъ лице Агамемнона Царя и прочихъ Царей, и пришедъ поклонися имъ; они же повелѣша ей принести мѣсто позлащенно, и повелѣша ей сѣсти, и видѣвше Царїе толикую красоту ея, по премногу дивишася, и вопрошаху ея о Царѣхъ и о градѣ, и о обычаяхъ народа. Она же зѣло яснѣ и честнѣ возвѣщаетъ имъ, они же вельми удивишася красотѣ

тѣ лица ея, и остроумїю словесъ ея, и многими дары одариша ю, и отпустиша. Егда же она прїиде въ шатеръ отца своего, на того жестокими словесы приходитъ во множествѣ слезъ глаголя ему сице: како, отче мой, обуянъ бысть умъ твой, иже прежде толикою процвѣтая мудростїю, во Троянѣхъ паче прочихъ вознесенъ и возвеличенъ, и господь ихъ былъ еси; нынѣ же учинился еси ихъ лукавый изрядца, и отвергль еси отечество свое и градъ, въ немъ же родился, и въ немъ же толико время былъ еси славенъ, и приступилъ еси ко врагомъ ихъ? Лутче бы было намъ, дражайшїй отче, жити въ мѣстѣ пустынномъ, или въ лѣсахъ непроходимыхъ пребывати, нежели между толикихъ человѣкъ толикимъ студомъ очернятися безславнымъ. Или мниши, драгїй отче, яко Греки вмѣнятъ тя бы-

шти вѣрна, иже еси своему отечеству показался явной невѣрца? Поистиннѣ прельстиша тя Аполлоновы лживыя отвѣты, отъ нихъ же глаголеши, яко отвѣтъ воспріялъ еси, оставивши отечество свое, и прилѣпившися ко врагомъ своимъ: не мню воистинну бытиъ, яко той Аполлонъ богъ бѣ, но паче мню его сообщника, бытии адскихъ неистовствъ. Въ сихъ брисанда многими печальми побѣждена бывши, плачевную рѣчь свою скончала; ей же отецъ ея Калкасъ вкратцѣ нѣкіихъ словесъ отвѣща: любимѣйшая, рече, дщи моя! кто отъ человѣкъ можетъ сопротивитися власти и повелѣнію боговъ? азъ бо не самоизвольно оставихъ мое отечество, но повелѣнію власти ихъ послѣдуя; нелoжно бо отъ устъ ихъ воспріяхъ, яко градъ Троя въ краткое время падетъ, низложеннымъ бывшимъ славнымъ его, и

вcѣмъ

всѣмъ людемъ усты меча пожертымъ. И сего ради лутче есть намъ, любимѣйшая дщи моя, въ земли чуждей добрѣ жити, нежели во своемъ отечествѣ злѣ умрети. Сїя слышавъ словеса отъ отца своего Брисанда умолче; и не у тому дни въ часы уклоншуся вечернїя, Брисанда ново начала измѣняти свое изволенїе, и ветхїя умыслы нача забывати, и уже годѣ ей бысть со Греки, нежели доселѣ бывшей съ Трояны, и въ кратокъ часъ премѣнившись начала во всемъ претворятися. Кто бо аще речетъ что о постоянствѣ женскомъ, имъ же аще едино око слезитъ, другое же смѣется око сопротивнѣ? и сего ради поистиннѣ буй тотъ разумѣтися иматъ, иже въ ласканїи женскомъ вѣру емлетъ, и показанїемъ ихъ прелестнымъ вдается. Кто можетъ лести ихъ написати, и многая

ихъ

ихъ измѣнная лукавая умышленія изглаголати?

О СЕДЬМОЙ бРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ.

По прошедшихъ убо трехъ мѣсяцахъ срочныхъ, данныхъ въ перемиріе, оба войска на бранъ готовятся: и учиненнымъ Троянскимъ отъ Гектора полкомъ, самъ Гекторъ на бранъ перьвѣе изыде, водя съ собою пятьнадесять тысящъ воиновъ, ихъ же своему вмѣнилъ полку, ему же со иными десятію тысящи Троилъ скоро послѣдова, потомъ Деиѳебъ, потомъ Енеа, потомъ Полидамъ, потомъ Царь Ремъ, потомъ Царь Седемонъ съ полкй своими, и въ той день Троянъ сто пятьдесятъ тысящъ на бранъ изыдоша. Отъ Грековъ же перьвѣе Ахиллесъ съ

седьмію

седьмію тысящами воинъ выступилъ на брань, по немъ Діомидъ съ толиками же, потомъ Менелай Царь съ толиками же, потомъ Теламонъ Царь съ толиками же, потомъ Царь Ксантиппъ съ толиками же, потомъ Царь Агамемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воинъ. Отъ Грековъ же Царь Филисъ первѣе на брань приходитъ, и на Троянъ наступаетъ, ему же Гекторъ въ стрѣчу пріиде, и порази его копіемъ своимъ, и мертва съ коня сверже. Тогда Греки о смерти Царя Филиса болѣзнующе, брань вельми жестоку спустиша. Трояне же противу ихъ такожде сѣчу прежасну умножиша, отъ нея же послѣдуетъ велико убійство. Паки же отъ страны Греческія Царь Ксантиппъ пріиде, иже Царя Филиса, дяди своего, смерть желаше отмстити, жестоко на Троянъ нападе, и Гектора гонитъ и

нанъ

нань наступаетъ; Гекторъ же обратися въ гнѣвъ, и уби его. Тогда Греки о смерти Царя Ксантиппа болѣзнующе, силы къ силамъ собираютъ, и Троянъ тяжко поръваютъ, и въ бѣгство понуждаютъ. Гекторъ же въ то время въ лице бѣ уязвленъ, не вѣдый отъ кого, отъ его же язвы безмѣрное множество крови течаше; и сего ради отъ брани уклонися. Греки же Троянъ толико побораютъ, яко ко стѣнамъ града Трои пригнаша ихъ. Гекторъ же воздвигъ очи своя, и къ стѣнамъ градскимъ направи зракъ, и егда узрѣ тамо Елену, такожде и жену свою и сестры своя, на стѣнахъ градскихъ стоящихъ, и обою страну ополченія смотрящихъ, сего ради много устыдѣся, и абіе въ гнѣвѣ и въ ярости отъ стыда вожжеся. На Царя убо Мемнона нападе, сестричища Ахиллесова, и порази его мечемъ своимъ толъ

 же-

жестоко, яко главу его на двѣ части раздѣли, и мертва съ коня сверже; еже видѣвъ Ахиллесъ пріемъ нѣкое копіе зѣло дебело нападе на Гектора, и порази его; но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Гекторъ же мечемъ своимъ въ лице его порази, и тако рече ему: о Ахиллесъ! много покушаешися приступати ко мнѣ, но ты за истинну имѣй, яко ближняго прихода ищеши ко огню, и безъ сомнѣнія ко исходу своея смерти приходиши. Ахиллесъ же къ рѣчамъ Гекторовымъ хотя отвѣщати, и се найде Троилъ въ велицѣ множествѣ воинъ, и Грековъ вспять неволею итти понуди, немилостивно бо сѣчаше ихъ, отъ страны же паки Греческія оный храбрый Діомидъ Князь пріиде, и на Троила нападе, и копіемъ своимъ съ коня сверже его, и коня его восхитивъ, къ шатромъ своимъ отосла. По-

то́мъ скачетъ по полка́мъ Троянскимъ, и много зла творитъ; на него же пришедъ Полидамъ нападе, и толь мощнѣ порази его копїемъ свои́мъ, яко Дїомида съ конемъ его поверже и попра на землю, отъ коего раза Дїомидъ тяжко поврежденъ бысть. Полидамъ же коня Дїомидова отъ своего паденїя востающъ за узду изыма, и Троилу пѣшу бїющуся даде, на него же скоро взыде Троилъ, но Троила тогда Ахиллесъ скорѣе доступаетъ. Троилъ же Ахиллеса копїемъ свои́мъ порази, и съ коня сверже, и нападаетъ крѣпцѣ на Грекъ, убивая ихъ и уязвляя. Ахиллесъ же паки на конь свой восходитъ. Гекторъ же всѣхъ Грековъ въ стрѣчу приходящихъ ему убиваетъ, и притекъ ко Ахиллесу и копїемъ свои́мъ паки съ коня сверже, и мечемъ голымъ шеломъ его на главѣ его сильно бїетъ: Греки же

крѣпцѣ защищаху Ахиллеса; но Гекторъ ту сильнѣ посѣкая убиваетъ Грековъ. Написа бо Дарій, яко тогда Гекторъ близъ тысящи воиновъ Греческихъ уби, иже Ахиллеса защищати хотяху, отъ него же Ахиллесъ толико бѣ побѣжденъ, яко едва бѣ ему сила защититися отъ него. Солнце же убо обращашеся на вечеръ, а Трояне сѣчу крѣпку умножиша, и Грековъ въ бѣгство обратиша, и даже до шатровъ ихъ гнаша сѣкуще, и абіе нощь наступи, и отъ брани престаша. Чрезъ весь же мѣсяцъ непрестанну брань Трояне и Греки твориша, и отъ обоихъ странъ многое множество воиновъ падоша. Царь же Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на шесть мѣсяцовъ сроку перемирія просяще, еже отъ обѣихъ странъ и утверждено бысть.

О осьмой брани Троянской и Греческой.

Во оно же время, егда перемиріе сіе бяше, велій моръ на Греки пріиде, живущія въ полѣ, и мнози зѣло умроша Греки. Егда же скончевашеся перемирія онаго уреченное время, а моръ не преставаше еще; тогда паки Царь Агамемнонъ пословъ своихъ ко Царю Пріяму съ моленіемъ посла, и еще на тридесять дней сроку перемирія прошаше. И аще перемиріе дано бысть ему отъ Царя Пріяма, однако оное не зѣло любезно бяше Трояномъ толь долгія перемирныя давати сроки. Тѣмъ же паки днемъ прошедшимъ, и онаго ужѐ уставнаго сроку послѣдній день скончася. А егда во утрій день брань ужѐ имяше быти; тогда въ нощь ону Андромена, жена Гекторова, отъ нея же Гекторъ ужѐ два сына имѣ, единаго Лаомедонта, а

другаго Астїона, и той еще младенецъ у персей бяше, видѣла во снѣ грозное видѣнїе о мужѣ своемъ, и отъ сего разумѣ истинну быти, яко аще Гекторъ въ день той на брань изыдетъ, избыти не можетъ смерти, но убїется ту. И нача о немъ тайно плакати, и дерзнула тоя же нощи видѣнїе то ему изъявити, прилѣжно моля его, да въ той день на брань не исходитъ, но въ своемъ Царскомъ дому да пребудетъ. Гекторъ же къ словесемъ жены своея зѣло разгнѣвася, и запрети ей, во многословесной жестокости наказуя ю сице: не разумѣеши ли, рече, жено, яко срамъ великъ есть благороднымъ, паче же рещи, мудрымъ отнюдъ несвойственно снамъ вѣрити нощнымъ, и тщетными сими мнѣнїи въ малодушїе и страхъ приходити? Андромена же егда

узрѣ

узрѣ его совѣту ея не покаряющася умолче; но утру бывшу рано ко Царю Пріяму и ко Царицѣ Еккубѣ приступивъ, видѣніе свое изъявляетъ имъ, и прилѣжно молитъ, да Гектору въ той день изыти не попустятъ. Царь же Пріямъ повелѣ полкомъ Троянскимъ вооружатися, и всѣмъ сыновомъ своимъ, и инымъ Царемъ и Княземъ и начальникомъ и полкомъ ихъ отпущеніе даде изыти на ополченіе; Гектору же заповѣда имянно, да въ той день не примѣшается брани. Гекторъ же о семъ на жену свою зѣло разгнѣвася, и многая ей изрече словеса претительная; разумѣ бо яко по ея наученію се сотворися, еже на брань ему не изыти. Но заповѣдь отчу оставя, оружія проситъ отъ слугъ; раби же ему оружіе подаютъ и отъ нихъ вооружается, и на брань пойти

 ти

ти мыслитъ весьма скоро; еже узрѣвъ Андромена, съ малымъ сыномъ своимъ, его же на рукахъ своихъ ношаше, паде предъ ногами Гекторовыми, и во множествѣ слезъ глагола моля его сице: аще мене отрицаешися помиловати, господине, помилуй хотя отрока сего, рожденнаго отъ тебе; да мати ихъ и сынове твои горькою смертїю не умрутъ, или убожествомъ зѣльнымъ утѣснятся. Такожде и сама Царица Еккуба, мати его, и сéстры его Кассандра и Поликсена съ великою Еленою, падше предъ ногами Гекторовыми, молаху его со слезами, да оружїе съ себе сложитъ, и опасенъ во своемъ Царскомъ дому почїетъ. Онъ же нижѐ слезамъ ихъ внимаше, и не токмо съ ними о семъ не слагашеся, но нижѐ слышати хотяше. Потóмъ съ великою скоростїю на конь свой восходитъ,

и

и на брань пойти мыслитъ весьма скоро, и сего ради Андромена, жена его, отъ великія своея жалости раздравъ ризы своя, и распростерши власы главы своея, и ко Царю Пріяму крѣпцѣ возопивъ приступи, и къ ногамъ его себе простре, прилѣжно его моля, да возвратитъ Гектора, донелѣже онъ брани не примѣсится. Царь же Пріямъ абіе со тщаніемъ на конь свой взыде, и во мновѣ скорости достиже его во вратѣхъ градныхъ, и яко гнѣвнымъ сердцемъ за узду коня его изыма, и Гектора молитъ и проситъ, да послушаетъ его, и да возвратится въ полату свою. Онъ же по многомъ словопрѣніи своемъ повинуяся воли отца своего, возвратися во свою палату и не́ хотя, нижѐ убо оружія своего съ себе сложити хотя, нижѐ инымъ чѣмъ забавляшеся, но сѣдяше тако

 волнуяся

волнуяся помышленьми, удержанія ради отъ брани, и на жену свою гнѣвашеся. Въ то же время брань горитъ острѣйшая промежъ Грековъ и Троянъ, и велико убійство умножашеся въ нихъ. Теламонъ и Анаксъ Троянъ мужески гонятъ, но Парисъ храбро ихъ защищаетъ. Менелай же Царь нападе на Царя Мисера, и копіемъ своимъ съ коня его низложи, а Греки Царя Мисера поимали. Въ то же время Полидамъ къ мѣсту оному приспѣ, и Царя Мисера отъ рукъ ихъ избави, и на конь взыти учини. Царь же Теламонъ и Царь Менелай, соединився вкупѣ на Полидама нападаютъ, и съ коня его низлагаютъ; онъ же себе отъ нихъ мечемъ своимъ мужески защищаетъ, и абіе Троилъ къ мѣсту оному ускори, и Полидама отъ рукъ ихъ избави, и на конь взыти учини. Въ то же время Ахиллесъ на брань приходитъ,

ходитъ, и на Троянъ мужественно нападаетъ, убивая ихъ и уязвляя, и Маргаритонъ, единъ отъ сыновъ Царя Пріяма, приняти покушашеся Ахиллеса; Ахиллесъ же ему противяся, уби того. Тогда убо вопль велій и смятеніе въ Троянехъ воста о смерти Маргаритоновѣ, сына Царева. Трояне наипаче сѣчу умножиша со Греки, иніи же вземше тѣло его, и раздравше ризы своя съ великимъ плачемъ во градъ входятъ, вонъ же тѣло Маргаритоново принесше полагаютъ; его же мертва яко услыша Гекторъ, болѣзнію многою мучится, и прилѣжнѣ его убійства плачется, и вопрошаетъ, кто его уби; ему же Ахиллеса быти сказаша. Тогда Гекторъ со гнѣвомъ надѣвъ шеломъ, Царю отцу его не вѣдущу, на брань изходитъ, и въ ярости своей двухъ Царей уби, Царя Ерипола и Царя Гастида. Потомъ же на

Грековъ яростнѣ дышетъ стремленіемъ великаго гнѣва своего, и множество убиваетъ ихъ, ему же Царь Политенъ встрѣчу пріиде, и копіемъ своимъ порази его, но изъ сѣдла не возможе его изъяти: неподвиженъ бо пребываше отъ пораженія его, и мечемъ своимъ толь мощнѣ Политена Царя порази, яко тѣло его на двѣ части раздѣли. Ахиллесъ же видѣвъ сродича своего смерть, нача размышляти въ мысли своей, яко аще Гекторъ отъ сего живота не оскудѣетъ, то поистиннѣ будетъ намъ всѣмъ горькую смертную чашу отъ него неволею пити, и въ сихъ помышленіяхъ много поучашеся Ахиллесъ, и пріимъ копіе хотяше крѣпцѣ съ Гекторомъ сразитися и отмстити Политенново убійство. Гекторъ же нѣкую стрѣлу испусти на Ахиллеса, и порази его въ лице. Ахиллесъ же отъ брани уязвленъ

вленъ отходитъ, и язву ону обвязавъ возвратися на брань съ тѣмъ умышленїемъ, да Гектора смерти предастъ, аще ему отъ сего и умрети случится. Гекторъ же Грековъ немилостивнѣ погубляше, и прїиде ему встрѣчу нѣкїй великїй Греческїй царь, именемъ Леохидъ, его же Гекторъ мечемъ своимъ скоро уби. Ахиллесъ же видѣвъ Гектора толико благородныхъ смерти предающа, ужасашеся зря, и искаше прилѣжно времени поразити его. Гекторъ же въ то время на Царя нѣкоего Греческаго нападе, и его поймавъ, щитъ свой за хребетъ себе поверже, и всю мысль свою на се обрати, да лутчаго Царя онаго отъ полковъ извлещи возможетъ, и сего ради грудь его бѣ откровенна; онъ же самъ о семъ не внимаше, но въ настоящемъ упражняшеся. Ахиллесъ же сильнѣ наблюдаше, яко же вы-

ше речено бѣ. И егда сїе узрѣ, яко Гекторъ на себѣ щитныя помощи не имѣетъ, прїимъ нѣкое копїе зѣло крѣпко, не разумѣвшу же Гектору подвига его, порази его въ грудь, и мертва верже на землю. Царь же Седемонъ, видя Гектора мертва съ коня спадша, на Ахиллеса нападе яростенъ, и порази его копїемъ своимъ толь сильнѣ, яко мертва поверже его на землю, его же Греки вземше яко бездушна въ шатеръ его отнесоша. Трояне же о смерти Гекторовѣ зѣло смятошася, и поле оставльше, и вземше тѣло его съ плачемъ великимъ откровенными главами въ блѣдности лицъ своихъ входятъ во градъ, воньже тѣло Гекторово мертво Грекомъ не противящимся принесоша.

О погребеніи Гекторовѣ.

Умершу же Гектору, и во градъ Трою тѣлу его внесену бывшу, плачь велій бываетъ во гражданѣхъ, нѣсть бо того гражданина, иже бы не хотѣлъ сына своего смерти предати за животъ Гекторовъ, аще сицевъ обычай одержалъ бы. А егда самъ Царь Пріямъ узрѣ Гектора, сына своего мертва, неизреченною болѣзнію сражается, и надъ тѣломъ Гекторовымъ многажды обмираетъ, и смерть ему вкратцѣ случилась бы, аще не бы отъ тѣла Гекторова сильно отвлеченъ былъ, и отъ того безъ сомнѣнія въ явную пагубу смерти своея впалъ бы. Сице и братія его тоюже болѣзнію всячески мучахуся, умрети съ нимъ вкупѣ желающе, нежели по немъ жити. Что же речется о Царицѣ Еккубѣ? что же и о Андроменѣ, женѣ Гекторовѣ? что

что же и о сестрахъ его, ихъ же родъ къ печальнымъ тѣснотамъ зѣло немощенъ есть, и плачливъ весьма, и описати его трудно есть? и сего ради яко неключима оставляются. По семъ же Царь Пріамъ повелѣ надъ храмомъ Палладинымъ сѣнь сребряну велику сотворити, и позлатити златомъ чистымъ, и престолъ златъ въ ней поставити, и тамо тѣло Гекторово устроено отвсюду повелѣ посадити, и бальзамомъ повелѣ помазати, дабы тѣло Гекторово отъ тлѣнія невредимо соблюдалося. Сѣдяше бо тѣло оно лицемъ къ войску Греческому, мечь въ десницѣ имѣя, да Грекомъ зрящимъ прещеніе наноситъ. Сія же сотвори Царь Пріамъ того ради, яко да сицевымъ устроеніемъ тѣла Гекторова малу ослабу скорби своей пріиметъ.

О ПОСЛАНІИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ.

По смерти же Гекторовѣ Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на бесѣдованіе къ себѣ призвати повелѣ, и сшедшимся имъ, и сѣдшимъ на мѣстѣхъ своихъ, по достоинству ихъ, Царь Агамемнонъ сицевая словеса рече къ нимъ: друзи, Царіе, и Князи, и начальницы Греческаго ополченія! должни есмы нынѣ великое благодареніе воздати богомъ нашимъ, яко жестокаго врага нашего Гектора сподобихомся убити Ахиллесомъ, зане живу Гектору бывшу коликая злая отъ него пострадахомъ? колико бо отъ Царей нашихъ своими силами погуби? Царя Протезилая, Царя Патрокла, Царя Мереона, Царя Амероса, Царя Боетеса, Царя Артилога, Царя Протенора, Царя Ортонома, Царя

Царя Епистропа, Царя Седея, Царя Алпинора, Царя Филиса, Царя Динора, Царя Ксантиппа, Царя Мемнона, Царя Ерипола, и Царя Гаспида, Царя Политена, Царя Леохида, и иныхъ благородныхъ рода нашего; протчихъ же воиновъ ополченія Греческаго безчисленное множество погибе отъ него. Нынѣ же Гектору оному умершу, Троянская надежда отнюдъ, якоже непщую, погибе отъ нихъ, и сила крѣпости ихъ отъяся, и столпъ правленія ихъ паде. Что же мы сами, не ужѐ ли къ явной надеждѣ побѣды нашея достигохомъ? и нынѣ праведно быти мню, ко Царю Пріяму послы наша послати, на два мѣсяца сроку перемирія просяще, донелѣже Ахиллесъ отъ ранъ своихъ исцелѣетъ, и тогда съ нимъ о побѣдѣ Троянъ мужески да потщимся: и что ми о семъ возвѣстите, да слышу? Они же похвалиша

хвалиша совѣтъ его. Тогда Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія просити у Царя Пріяма, еже и дано бысть ему, и премиріе утвержено.

ОПРЕМѢНЕНІИ АГАМЕМНОНОВѢ, И О ВЛАСТИ ПАЛАМИДОВѢ.

Въ то же перемирія время Паламидъ, сынъ Наула Царя, зѣло жалуется прочимъ Царемъ и Княземъ о власти Агамемноновѣ, и къ тому не хощетъ его себѣ имѣти владыкою, себе же паче достойнѣйша его быти глаголетъ, и преимѣюща во всемъ. И егда сія глаголы принесоша во уши Агамемнона Царя; тогда абіе Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей на бесѣдованіе къ себѣ паки призвати повелѣ: и яко пріидоша къ нему, и сѣдоша кождо ихъ

на мѣстѣ своемъ, по достоинству ихъ, Агамемнонъ Царь сицевая словеса рече имъ: друзи, Царіе, и Князи, и начальницы! отнелѣже изыдохомъ отъ царствъ нашихъ, и внидохомъ въ землю сію, правленія вашего бремя трудолюбно понесохъ, подъ нимъ же добрѣ попотихся даже и до нынѣ; нощію и днію не даяхъ покоя духу моему и персонѣ моей; вся промышленія показовахъ о васъ по силѣ моей. И нынѣ треба ми есть почити отъ онаго тяжкаго ярма, лежащаго на плещахъ моихъ толико время, и праведно быти мню, яко да изберется вамъ инъ правитель, подъ его же правленіемъ готовъ есмь съ прочими Цари труждатися, елико возмогу въ силѣ моей. И обращься къ Паламиду, тако рече: и ты, господине Паламиде, сыне Царскій, мниши мя о сей власти многою радостію радоватися? поистиннѣ

бо глаголю ти, яко отнелѣже азъ воспріяхъ на ся власть сію, то наипаче приложихъ попеченіе духу моему; и сего ради радостно сложити съ себе желаю яремъ сей: ты же аще и любезно нынѣ ищеши его, но такоже, яко человѣкъ, крѣпцѣ утрудишися нося его. Но мню быти паче, яко и изнеможеши отъ тяжести его: токмо всуе мятешися, укоряя мя ничтоже зло сотворивша, еже и не лѣпо есть тако благороднымъ творити, еже укоряти други своя предъ толикими Цари и Князи вселенныя. И егда Царь Агамемнонъ словеса своя скончa, тогда вси Царіе и Князи и начальницы Греческаго ополченія общимъ совѣтомъ избраша себѣ въ воеводы Паламида, сына Царя Наула, и даша ему всего воинскаго ополченія власть. И егда сія возвѣстиша Ахиллесу, зѣло не угодися ему, и рече тако, яко по-

поистиннѣ се безсовѣтїе сотвориша Царїе и Князи, и нѣсть добро Агамемноново премѣненїе, ниже владычество Паламидово; человѣческое же нечестїе есть родственное, еже о новой власти радоватися, и о новомъ времени веселитися. Любляше бо Ахиллесъ Агамемнона Царя зѣло, и почиташе его вельми, яко былъ мужъ попремногу разуменъ, и здраваго совѣта мудростїю цвѣтый, и разсужденїемъ зѣльнымъ исполненъ.

О девятой брани греческой и троянской.

Двѣма мѣсяцемъ цѣло прошедшимъ, Царь Прїамъ восхотѣ смерть сына своего Гектора мечемъ своимъ на Грекахъ отмстити, и избра двадесять тысящъ воинъ, ихъ же своему вмѣни быти полку.

полку. Прочіи же полки попрежнему устроенію бѣша, и повелѣ врата градская отворити, и полкомъ на брань исходити. По повелѣнію его исходитъ перьвое Деиѳебъ, потомъ Парисъ, потомъ Троилъ, потомъ самъ Царь Пріямъ, потомъ Енеа, потомъ Полидамъ, потомъ Царь Сарпедонъ съ полки своими, и до Греческихъ острогов тщательно скоряху. Паламидъ же своя полки устроиваше, и егда устрой оныя, изыде на ополченіе противу Троянъ, и перьвѣе самъ Паламидъ на Царя Пріяма нападе, хотя его копіемъ своимъ съ коня низринути. Царь же Пріямъ самого Паламида толь мощнѣ порази, яко и съ коня сверже, и оставивъ его нападе крѣпко на Грековъ, и смяте ихъ. Овыхъ бо отъ нихъ убиваетъ, овыхъ съ коней низлагаетъ, и сильнѣ вою Грековъ побѣждаетъ. Многа дивна

на сотвори и Царь Прїамъ отъ своея храбрости, яже аки и невѣрима отъ нѣкїихъ могутъ быти, яко человѣкъ толь старъ лѣты, возме сицевая бранная толь мужески сотворити. Деиѳебъ же Грековъ непрестанно погнѣтаетъ, стрѣлами своими множество ихъ умерщвляетъ; брань же сильнѣ разгарашеся, и убїйство вельми множашеся. Въ то бо время Царь Перскїй отъ града Трои во множествѣ воинъ на брань прїиде, и Грековъ дивнѣ утѣсняше. Князь же Аѳинскїй, и Менелай Царь въ велицѣ множествѣ бранныхъ на него сильнѣ нападаютъ, и полкомъ ихъ всюду разлїяннымъ, посреди ихъ Троянъ заключаютъ, Царя Перскаго тогда Греки убиваютъ во множествѣ бранныхъ, и Трояне вспять итти порѣваются, ихъ же въ защищенїе Царь Сарпедонъ во множѣ силѣ своей бранной вдася. Въ сихъ же

Царь

Царь Прїамъ съ сынами своими, иже вездѣ послѣдуютъ ему сильнѣ подбѣжа на Грековъ яростнѣ нападаетъ и убиваетъ ихъ. И аще не бы Царь Прїамъ, иже отъ вышнїя страны къ мѣсту оному приступилъ, велїю часть людей отъ языка своего погубилъ бы; ни единъ бо бѣ отъ Троянъ толь смѣлъ, и толь храбръ въ той день, елико Царь Прїамъ отъ своея храбрости мужески возможе показати, ему же болѣзнь и гнѣвъ силы отвсюду подаютъ, его же жестокаго устремленїя Грекове понести не могуще въ бѣгство обратишася, и къ шатромъ своимъ скоряху, ихъ же Трояне въ тылъ сѣчаху, даже и до шатровъ ихъ. Нощь же наступи, и отъ брани престаша. Царь же Прїамъ, яко побѣдитель возвратися во градъ, и врата градская въ потребной крѣпости утвердити повелѣ, и тѣло Царя Перскаго со многимъ

 пла-

плачемъ во гробѣ зѣло дражайшемъ Царь Пріямъ положи.

О ПОСЛАНИИ ПОСЛОВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КО ЦАРЮ ПРІЯМУ, ПРОСЯЩИХЪ НА ТРИ МѢСЯЦА СРОКУ ПЕРЕМИРІЯ, И О АХИЛЛЕСѢ, КАКО ВШЕЛЪ ВО ГРАДЪ ТРОЮ, И ВИДѢ ПОЛИКСЕНУ ДЩЕРЬ ПРІЯМА ЦАРЯ.

Во утрій же день Паламидъ Князь, Греческаго ополченія воевода и начальникъ, ко Царю Пріяму пословъ своихъ пославъ на три мѣсяца сроку перемирія у него прошаше. Царь же Пріямъ посовѣтовавъ со своими, даде ему перемиріе утвержено. Въ то же перемирія время Ахиллеса нѣкое безсовѣтное хотѣніе восхити, да въ Трою пойдетъ видѣти градъ, еже и сотвори. Вниде же во градъ въ то время, егда отправляхуся во градѣ поминки убитаго Гектора:

тора: и того ради Трояне уставиша пять надесять дней рыданїю быти; Ахиллесъ же прїиде тамо, и восхотѣ видѣти обычаи рыданїй Троянскихъ, и бяше тамо сѣнь Гекторова отвсюду отверста, предъ тѣломъ же Гекторовымъ стоя́ло множество женъ благородныхъ и дѣвицъ благообразныхъ, разпростерши власы своя, иже слезная воздыханїя и зѣльное рыданїе испущаху. Тамо же бѣ и сама Царица Еккуба со прекрасною дщерїю своею Поликсеною, во мнозѣ рыданїи и слезахъ упражняхуся. Ахиллесъ же егда видѣ Поликсену красотою цвѣтущую, восхотѣ имѣти ея себѣ въ жену.

О ПОСЛАНИИ ПОСЛА АХИЛЛЕСОВА КО ЦАРИЦѢ ЕККУБѢ.

По семъ же умыслилъ Ахиллесъ посланника своего послати къ Царицѣ Еккубѣ, да дастъ ему въ жену дщерь свою Поликсену, обѣщевая ей всѣхъ Царей и Князей Греческихъ на се изволенїе привести, да оставятъ брань ратнаго ополченїя, и во своя царствїя съ миромъ отыдутъ. Сего ради призва нѣкоего отъ рабъ своихъ зѣло вѣрна ему суща, и написавъ грамоту свою даде ему, и заповѣда ни кому же возвѣстити о семъ, и повелѣваетъ ему, да къ Царицѣ Еккубѣ въ посольство себе абїе направитъ, и изъявитъ ей сéрдца его мысль. Онъ же повелѣнїе господина своего слышавъ, со тщанїемъ на путь препоясуется, и ко Царицѣ Еккубѣ отыде. Пришедъ же ко Царицѣ, и падъ поклонися ей,

честь

честь принося благородїю ея: Царица же вину пришествїя его у него вопрошаетъ; посланникъ же той словеса господина своего любочестнѣ возвѣщаетъ. По семъ же и грамоту ону честнѣ пода-де ей запечатану печатїю господина своего, и паки поклонися ей. Она же вземъ прочте ю, и помолчавъ не мало, таже рече ему: иди, друже, съ миромъ къ пославшему тя, и рцы господину твоему отъ мене здравїе, и яко азъ сама радостно хощу волю его сотворити, но требѣ ми есть изволенїе Царя Прїяма, мужа моего, и Париса сына моего, и что ми они рекутъ, возвѣщу ти, въ день бо третїй да прїидеши сѣмо, и отвѣтъ совершенъ отъ мене прїимеши. Посланникъ же паки падъ поклонися ей, и отыде къ господину своему, и вся реченная ему отъ Царицы Еккубы вѣрно сказа ему. Ахиллесъ же

егда сія услыша, вельми возвеселилися. Царица же Еккуба, егда пріиде къ ней Царь Пріамъ, повелѣ призвати къ себѣ сыновъ своихъ: они же пріидоша къ ней по повелѣнію ея, и сѣдоша на мѣстѣхъ своихъ, и абіе Царица Еккуба сказа имъ вся поряду отъ Ахиллеса реченная словеса, показа же имъ и писаніе оно принесенное отъ него. Царь же Пріямъ принявъ писаніе оно прочте его, и преклонивъ главу свою на долгъ часъ умолче, и ничто же рече, но различнѣ о семъ помышляше. Послѣди же отвѣща: о коль жестоко сердцу моему быти мнится, да толь лютаго своего ковряга въ друга имѣти хощу, который мене толико обидѣлъ и свѣтъ очей моихъ лютостію своею угасилъ, убивъ сына моего Гектора, его же ради смерти Греки воспріяша на мя толикое смѣльство.

ство. И сего ради да поне иніи сынове мои останутмися здрави: тѣмъ же неволею даю совѣтъ изволенію его; но блюди, о жено, да не како лукавый льстецъ сей хитростію нѣкоею или лестію коварнаго умышленія своего лукавнѣ прельстити насъ хощетъ. Аще воистинну хощетъ сотворити толику правду, да кленется намъ присягою страшныхъ заклинаній, еже сотворити по обѣщанію своему, къ тому же и писаніемъ своимъ и печатію да утвердитъ свое обѣщаніе; и аще сотворитъ тако, то повѣримъ ему, и сотворимъ по волѣ его; аще ли же не восхощетъ, то симъ явно обличится лесть его. Парисъ же словеса отца своего Царя Пріяма любезнѣ похвали и утверди, къ тому же и се приложи, да Царица Елена не будетъ отдана перьвому ея мужу, и утвердивше совѣтъ сей разыдошася.

 Егда

Егда же пріиде день третій, тогда Ахиллесъ посла своего паки къ Царицѣ Еккубѣ послалъ; Царица же вся порядку отъ Царя глаголанная ему возвѣсти, и отпусти его. Посолъ же пришедъ возвѣсти сія Ахиллесу. Тогда Ахиллесъ много радостію возвеселися о возвѣщеніи словесъ его, и абіе написа писаніе ко Царю Пріяму и Царицѣ Еккубѣ, заклинаяся клятвами страшными, еже исполнити ему вѣрнѣ обѣщаніе свое, и яко вси, рече, Царіе и Князи послушати мя имутъ, и во своя царствія въ мирѣ возвратятся, и мною поистиннѣ въ тишинѣ оставлены будете трудовъ бранныхъ, токмо благородія вашего милость да будетъ со мною. Егда же писаніе сицево написавъ печатію своею утверди, тогда ко Царю Пріяму и ко Царицѣ Еккубѣ паки посла своего послалъ, и заповѣда ему

ему отъ себе зѣло честнѣ благородіе ихъ почитати, и о настоящемъ ономъ дѣлѣ прилѣжнѣ промышляти къ совершенію привести. Посолъ же Ахиллесовъ егда пріиде ко Царю Пріяму и къ Царицѣ его, и отъ лица господина своего ко благородію ихъ поздравленіе изрече вельми любочестнѣ; потóмъ же и писаніе господина своего подаде Царю Пріяму, и падъ на землю поклонися. Они же пріемше писаніе и прочетше, и свое написаніе написавше ко Ахиллесу, бракъ утверждиша непреложно, и даша его послу Ахиллесову, и одаривше добрѣ посла онаго отпустиша. Посолъ же пришедъ ко Ахиллесу, и вся содѣянная ему тамо вѣрно сказа, и писаніе оно бракъ утверждающее подаде ему; потóмъ же показа ему и дары своя, ими же дариша его Царь и Царица.

Ахиллесъ же пріемъ писаніе и писанная прочетъ, неизреченно радостію возвеселися. Во утрій же день Ахиллесъ всѣхъ Царей и Князей, повелѣвшу Паламиду, на бесѣдованіе къ себѣ созва, и егда пріидоша къ нему вси, Ахиллесъ сицевая словеса имъ изрече: друзи, Царіе, и Князи, и начальницы, слышите да возглаголю вамъ, и слышавше поистиннѣ разсудите. Молю васъ, который духъ восхити умы наша, да труждаемся втуне вси мы вкупѣ единаго ради человѣка, сирѣчь Царя Менелая, пріобрѣсти желающе жену его, госпожу Елену, оставихомъ царствія наша, отъ иныхъ лютѣ раздираемы, оставихомъ же и родители своя и жены наша и дѣти; забыхомъ и здравіе живота нашего, и пріидохомъ въ землю чужду, никоей же винѣ понуждающей насъ, и коликимъ мученіемъ мы отъ

Троянъ

Троянъ умерщвляемся люте. Сами видите, колико благородныхъ нашихъ Трояне умертвиша, такожде и прочихъ воиновъ нашихъ часть сильную погубиша, и впредь погубленiемъ симъ ратовати насъ будутъ не преставающе. Или мните Елену толикiя цены достойну быти, да за ея прiобретенiе умрети толико славнымъ, и погибнути всей Грецiи, да аще восхощетъ Царь Менелай, можетъ благородiю своему и ину Царицу обрести, нежели Елену прiобретати толикими нашими пагубными бедами. Вси бо мы добре уже искусихомъ мечь ополченiя Троянскаго, такожде и самъ азъ пребывая на бранехъ, много крови моея излiяхъ, наипаче же въ смерти Гекторове такову язву восприяхъ, отъ нея же умрети паче уповахъ, неже жити надеяхся: но убо отъ Троянъ сильнейшаго

 онаго

онаго Гектора и чуднаго во́ина, сына Царева, смерти вдахомъ, и иныхъ благородныхъ убихомъ; и сего ради воистинну довлѣетъ намъ съ похвалою и честїю во свояси возвратитися, примирившии со Трояны. Но аще и оставимъ Елену не прїобрѣтену, и то ничто же укорно есть; имамы бо во Грецїи Ексїону, Царя Прїяма благородную сестру, ей же Елена Царица о благородствѣ нѣсть равна. И тако Ахиллесъ рѣчи своя скончa. Но Царь Тоасъ Италїйскїй и Менестей Князь Аѳинскїй Ахиллесу въ томъ зѣло прекословятъ, такожде и большая часть Царей и Князей совѣтъ Ахиллесовъ отмещутъ, воли его послѣдовати не хотяще. Сего ради Ахиллесъ много подвигшися на гнѣвъ, предъ всѣми Цари и Князи на брань къ тому исходити противу Троянъ отречеся, и Мирмядонянамъ своимъ запо-

повѣ-

повѣдалъ, да противу Троянъ къ тому оружїя своего не воздвизаютъ, и на брань да не исходятъ.

О десятой брани греческой и троянской.

По окончанїи срочнаго времени, даннаго на перемирїе, оба войска на брань исходятъ, и тяжка брань спущается въ нихъ, и отъ обоихъ странъ великое множество воинъ падаетъ. Деиѳебъ же тогда на Царя Крезея нападе смѣло, и копїемъ своимъ толь сильнѣ порази его, яко мертва съ коня сверже его; и тако Царь Крезей умре, скончавъ послѣднїя дни своя. О смерти же Царя Крезея много оскорбишася Греки, на Троянъ крѣпцѣ наступиша. Царь бо Теламонъ нападе на Сизїя единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Прїяма, и ме-

чемъ своимъ толь мощнѣ порази его въ руку, яко оттолѣ Сизій не возможе братися; еже видѣвъ Деиѳебъ, жестоко подвижеся на гнѣвъ, и на Теламона нападши, порази его копіемъ своимъ и крѣпцѣ уязви и съ коня сверже; еже видѣвъ Паламидъ на самого Деиѳеба нападе, и порази его копіемъ толь жестоко въ грудь, да яко сокрушену бывшу щиту его, и доскамъ доспѣха его во мнозѣ силѣ расторгнутымъ, копіе свое въ груди Деиѳеба вонзе, и копію сокрушшуся изломокъ копія своего въ груди Деиѳебовой остави вонзенъ. Парисъ же видѣвъ Деиѳеба, брата своего, смертно уязвлена, въ трудѣ велицѣ, такожде и во множествѣ слезъ отъ ногъ конскихъ силою его изъятъ, во градъ Трою принесе, идѣже Деиѳебъ отверзе очи свои, и возрѣвъ на Париса брата своего, рече ему: или, брате мой, во

адъ

адъ снити оставляеши мя; многого молю тя, да прежде даже уломокъ сей отъ язвы грудей моихъ изымется, но убійцу моего тщательнѣ ускори, и толь трудолюбнѣ промысли, да отъ твоихъ рукъ издохнетъ убіенъ, донелѣже азъ есмь живъ. Парисъ же словеса умирающаго брата своего слышавъ, и весь окропленъ слезами отъ болѣзней, со тщаніемъ на конь восходитъ, и на брань ускоряя приходитъ стѣсненъ жалостію о Деиѳебѣ, и прилѣжнымъ окомъ Паламида ищетъ въ полцѣхъ ополченныхъ смѣло противу Троянъ устремляющася, обрѣтѣ же Паламида противу Царя Сарпедона мужески воюющa. Царь бо Сарпедонъ на Паламида наступаетъ, и его яростнѣ убити хочетъ; Паламидъ же порази его толь мощнѣ мечемъ своимъ по стегну, яко бедру его отдѣли отъ чреслъ его,

его, и скоро его уби. И тако умре храбрый Царь Сарпедонъ, заключивъ день последнiй. Парисъ же видѣвъ толикое смертное убiенiе, еже Паламидъ надъ Трояны толь лютѣ творяще, и ужѐ ихъ въ бѣгъ неволею порѣваше, напрягъ крѣпкiй свой лукъ, и крѣпко держа Паламида острымъ окомъ смотряше, въ кое бы мѣсто персоны его паче возмогъ унзити смертнѣ, и нѣкую стрѣлу ядовитую, ея же желѣзо зѣло остро, испусти нань мужески, и порази его въ гортань, и скоро того уби. Вопль убо воста велiй, и смятенiе ужасно въ войскѣ Греческомъ; вопiютъ бо Греки, тужатъ же и болѣзнуютъ о смерти толикаго ихъ воеводы, и тако ужасшеся поле оставляютъ и въ бѣгъ вдаются, ихъ же Трояне усты меча поядающе, даже и до шатровъ ихъ лютѣ сѣчаху. Греки же ставше предъ

шатры

шатры своими, паки начаша творити брань съ Трояны; Трояне же противленiю внемлюще, сходятъ ту съ коней своихъ и толь мужески начаша съ ними сраженiе творити пѣши, яко ужѐ нападоша на ихъ шатры, и грабятъ сильною рукою имѣнiя Греческая, самихъ же Грековъ въ шатрѣхъ ихъ лютѣ закалаютъ, грабленiя же богатства во градъ относятъ. А Парисъ и Троилъ съ тридесятiю тысящами на брегъ моря приходятъ, и во Греческiя корабли огнь повелѣваютъ вметати; по повелѣнiю же ихъ многая въ корабли зажженiя мещутся, и возгорѣся абiе многъ огнь и пламень зѣло великъ умножися. Въ шатрѣхъ же убiйство Грекомъ велiе умножашеся, тѣмъ же и безъ сомнѣнiя вси Греки погибли быша, и все корабельное собранiе ихъ згорѣло бы, но и тако болѣе пяти сотъ кораблей згорѣ.

По

По счастїю же Греческому абїе нощь наступи, и брань разлучися. Трояне убо, яко побѣдницы, входятъ во градъ обогатившеся Греческими корыстьми. Пришедже же во градъ Парисъ и Троилъ о Деиѳебѣ, братѣ своемъ, рыдаху; но убо еще Деиѳебъ конечная провлачаше воздыханїя, и ощутивъ пришествїе ихъ воздвигъ очи свои, гласомъ же оскудѣвая, вопрошаетъ у Париса, аще убїйца его мертвъ, о его же смерти егда Парисомъ бысть извѣстенъ, повелѣваетъ и уломокъ отъ раны своея изъяти; ему же изъяту бывшу Деиѳебъ абїе издше. О смерти же Деиѳебовѣ плачь велїй воста во гражданѣхъ, и рыданїе умножися во всемъ градѣ. Самъ же Царь Прїямъ и Царица Еккуба и сынове ихъ и дщери и Елена неизреченною тугою печали сокрушахуся плачуще. Такожде и о Царѣ Сарпедонѣ многїя слѣ-

зы изливахуся: послѣди же Царь Пріамъ тѣло Деиѳобово и тѣло Царя Сарпедона во гробѣхъ зѣло дражайшихъ положити повелѣ, и честно погребе ихъ обычаемъ благородныхъ Царей. Въ полцѣхъ же Греческихъ о смерти Паламидовѣ плачь велій бываетъ. Такожде и о смерти Царя Крезея многіи слéзы изліяшася.

Послѣди же тѣлеса во гробѣхъ дражайшихъ положиша, и честному погребенію предаша. По семъ паки снидошася вси Царіе и Князи и начальницы, и общимъ совѣтомъ вzяша паки себѣ въ воеводы Царя Агамемнона, и даша ему всего Греческаго ополченія власть.

О грекахъ пославшихъ послы своя ко царю Прїяму о перемирїи.

Егда паки Агамемнонъ Царь прїя власть свою, послалъ абїе пословъ ко Царю Прїяму, на два мѣсяца сроку перемирїя прося, еже и дано бысть ему отъ Царя Прїяма. Промежъ же сего перемирїя паки Агамемнонъ Царь ко Ахиллесу послы своя посла, Уликса Царя, и Князя Нестора, и Дїомида, зовущи его паки, да на брань прїидетъ. Посломъ же онымъ ко Ахиллесу пришедшимъ, и перьвѣе Уликсъ Царь сице нача глаголати ему: господине Ахиллесъ! откуду мысль нова найде благородїю вашему, яко въ сопротивленїе толико уклоняете подвиги ваша, по толицѣй доблести силъ вашихъ и по храбрости толицѣй мужества твоего, его же показалъ еси чудными ополченїи дѣлъ своихъ на бранѣхъ Троянскихъ,

скихъ, коликихъ бо благородныхъ Троянскихъ храбростію своею умертвилъ еси, колико же прочихъ воиновъ мечемъ ополченія своего погубилъ еси, наипаче же сильнѣйшаго онаго и чуднаго воина Гектора мощію силъ своихъ низложилъ его погублена, о немъ же всяка надежда спасенія Троянскаго висяше; нынѣ же и Деиѳебу умершу брату Гекторову, всяка надежда ужѐ отъ Троянъ по истиннѣ отъяся. Не сами ли мы ужѐ отъ нынѣ къ явной надеждѣ нашея побѣды достигохомъ, зане Трояне отъ селѣ отъ страха силъ нашихъ мертвыхъ себе паче быти мнятъ, неже живыхъ, толикимъ ужасомъ содержими суще. И сего ради, господине, да благоволитъ благородіе твое послушати словесъ господина Царя Агамемнона и прочихъ Царей и Князей Греческихъ совѣта, и не облѣнися вкупѣ пріяти съ ними надъ враги наши-

нашими совершенную побѣду: буди поборая на враги своя со всѣми нами единодушно, яко же и прежде подвизался еси, ужасая крѣпцѣ ополченіемъ брани своея враги наша. И тако Уликсъ слово свое скончa, ему же Ахиллесъ тако рече: господине Уликсъ! вси мы исперьва даже и до нынѣ веліимъ буйствомъ неразумія одержимы есмы, яко оставивше царства наша отъ иныхъ раздираема лютѣ, забыхомъ и самое здравіе живота нашего, и пріидохомъ въ землю сію, сами смерти своея ищуще. Или весьма не разумѣете, яко многими мученіи отъ Троянъ умерщвляемся по вся дни? Сами добрѣ зряще видите, колико Трояне благородныхъ нашихъ умертвиша, колико же прочихъ воиновъ Греческихъ оружіемъ погубиша; о семъ бо, господине, ни единаго же сопротивленія можеши рещи, яко не

тако

тако есть, понеже самъ явѣ зриши. Ни ли бѣ лучши славному Паламиду, сыну Цареву, во своемъ царствіи добрѣ жити, нежели на сей брани лютѣ животъ свой испровергнуть, такожде и прочіи благороднiи Царіе внѣ царствъ своихъ лютѣ скончашася на сей брани. И тако намъ зрящимъ погибель ихъ, о себѣ попещися подобаетъ; мы же еще гордость возношеній нашихъ не оставихомъ, тщими словесы и мнѣніи на нихъ красящеся, и суетными надеждами побѣды прельщающеся противная творимъ. Азъ бо поистиннѣ глаголю ти, яко нѣсть мощно Троянъ въ легкости побѣдити, зане они сами вельми храбри суть воини, и зѣло крѣпцы ополчители, и на бранѣхъ много искусни суть; а еже реклъ еси, яко Гектору и Деиѳебу отъ житія оскудѣвшимъ, Трояне къ тому не мнятъ себе быти живыхъ,

выхъ, но мертвыхъ паче, и се весьма явѣ, господине Уликсе, дѣломъ вещи показася, яко суетно есть слово. И аще тако, яко же ты глаголеши, по что же Трояне страхомъ вашимъ омертвѣвшіи васъ живыхъ въ шатрѣхъ вашихъ закалаютъ, и имѣнія ваша разграбляютъ, и самого начальника и воеводу ополченій вашихъ убиша, и корабли ваша пожгоша, и вся лютая вамъ показаша, по смерти уже Гекторовѣ и Деиѳебовѣ? И того ради азъ вельми дивлюся вамъ въ толико мнѣніе высоты вознесшимся, яко нижè самѣхъ себе, нижè своея немощи познаваете. Или не вѣсте, яко есть тамо, господине, инъ Гекторъ, иже не меньшею, но еще и бо́льшею обогащенъ силою, славный онъ и чудный воинъ, храбрый Троилъ, сынъ Царевъ, иже Грековъ сильно озлобляетъ, и есть паки тамо инъ Деиѳебъ, иже не мень-

меньше силою Деиѳеба, славный Парисъ, на брани пребывая, такожде и инїи благороднїи, якоже Полидамъ, Князь зѣло превосходный, и инїи, якоже Царь Ѳилїменъ, и Царь Седемонъ, и Царь Ремъ, и прочїи храбрїи Троянстїи на смерть вашу сильно дышутъ; вѣмъ бо, яко самъ добрѣ вѣси, случай военный всегда бываетъ зѣло сомнимъ, и на единомъ утвержденїи никогдаже стоитъ. Помысли, господине, како оный самый сильнѣйшїй Гекторъ, бывый прежде толико славенъ воинъ, иже всѣхъ храбрыхъ и сильныхъ своимъ мужествомъ превзыде, на сей же брани бѣднѣ животъ свой испроверже. Сице легко могу и азъ такожде погибнути, иже силы таковы въ себѣ не имамъ, якоже онъ. Взыскати же мя или молити, да противу Троянъ оружїе свое паки воздвигну, трудъ есть погубленъ,

нижѐ бо умышленія моего, нижѐ ума къ сицевому дѣлу когда приложу, не хощу бо храбрости моея славу угасити паче, неже персону; искусство бо аще и хвалится когда, скоро же абіе забвеніе то погружаетъ. Довольно убо Князь Діомидъ и Князь Несторъ словесы своими Ахиллеса увѣщати покусишася, но никако же его возмогоша къ своему хотѣнію привести, совѣтова бо имъ паче мира искати съ Трояны, и во своя царствія возвратитися, и тако отпусти ихъ и отъидоша. Они же пришедше ко Царю Агамемнону, вся ему возвѣстиша; Царь же Агамемнонъ егда услыша сія, всѣхъ Царей и Князей Греческихъ къ шатру своему призвати повелѣ, и Ахиллесово непослушаніе и сопротивство имъ изъяви, како онъ молимъ бывъ отъ него, и не послуша на брань пріити отнюдъ отвержеся, и ни-

никако же восхотѣ, совѣтова же намъ миръ искати съ Трояны, и во свояси возвратитися; и убо что ся вамъ мнитъ о семъ, возвѣстите ми, да слышу? Менелай же Царь перьвый нача глаголати: мира, рече, искати съ Трояны, отнюдъ мню быти беззаконно дѣло, яко по толицѣхъ подвизѣхъ и трудѣхъ браннаго нашего ополченія толикимъ Царемъ и Княземъ уклонитися, и такову немужеству зѣло укорно есть, вси бо вознепщуютъ насъ страхомъ малодушія пораженныхъ быти и ужаса исполненныхъ съ толикими воинствы нашими. Но убо аще и Ахиллесъ помогати намъ отречеся, то поистиннѣ яко же мню и безъ помощи Ахиллесовы о побѣдѣ Троянъ извѣстны есьмы и надежны. Но Царь Теламонъ и Діомидъ сице рѣша, не быти сему совѣту дивну, яко Царь Менелай

лай брани желаетъ, о пріобрѣтеніи бо жены своея духомъ весь горитъ: такожде и прочіи Царіе и Князи въ разныя хотѣнія раздѣляхуся, ови убо брань хотятъ, друзіи же возвратъ добро быти повелѣваютъ, не согласни пребывающе въ реченіи ихъ совѣта. Калкасъ же Троянскій изрядца и жрецъ, яко неистовенъ, скочивъ между Царей и Князей, сицевая возглагола: о мужіе благородніи! что помышляете творити, противу власти и повелѣнія боговъ, непокаряющеся величеству ихъ; бови бо вамъ неложно обѣщаша дати побѣду на Троянъ, вы же сами неблагодарьою рукою отвращаете изволеніе ихъ, и не хощете пріяти: и сего ради блюдитеся, да не въ негодованіе на себе величество ихъ привлечете. Тѣмъ же и глаголю благородію вашему, оттрясите отъ себе

мало-

малодушïе се, и въ мужество свое паки облецытеся, и противу враговъ своихъ брань крѣпцѣ возобновите, ничто же сомнящеся, нижѐ ужасающеся крѣпкихъ ополченiй ихъ, всяко бо не возмогутъ стояти противу власти и повелѣнiя боговъ, и до конца изнемогутъ. Вы же безъ сомнѣнiя аще крѣпцѣ потрудитися восхощете, то воистинну желаемую побѣду надъ враги своими радостно прïимете. По словесемъ же Калкаса жреца вси Греки охрабришася, паки смѣльство много и жестоко сердце на Троянъ вземше, и единодушно быти во бранѣхъ изволиша, не имуще Ахиллесовы помощи.

О ПЕРВОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Минувшу же сроку данному въ перемирïе, оба войска на

бранѣ исходятъ, и тяжка бранѣ спускается промежъ ихъ, и отъ обоихъ странъ множество воинъ падаетъ. Тогда Троилъ, сынъ Царевъ, во множествѣ зѣло бранныхъ воиновъ на ополченіе пріиде, и на Грековъ мужески нападаетъ и безъ милости убиваетъ ихъ и уязвляетъ, и съ коней низвергаетъ, зане смерть Деиѳеба, брата своего, тщится отмстити. Написа бо Дарій, яко въ той день Троилъ болѣе тысящи воиновъ уби; такожде и прочіи Трояне силою его Грековъ сильнѣ побораютъ. Греки же пораженій ихъ понести не могуще, въ бѣгство обратишася, ихъ же Трояне даже и до шатровъ ихъ усты меча гонятъ, нощь же убо найде и отъ брани престаша.

О второй надесять брани греческой и троянской.

Въ послѣдующїй же день Трояне и Греки препоясуются на брань, и оба войска сшедшеся брань смертную спустиша, и отъ обѣихъ странъ множество воинъ падаетъ, и земля трупїемъ мертвыхъ покрывается, и поля кровїю червленѣютъ; въ день же той небо мрачными облаки покрыся, и многи дождни излїя, единаче же брани смертнѣй палящей, послѣди же Трояне брань оставляютъ непогодїя ради смутнаго времене, во градъ свой входятъ и прїемлются.

О третейнадесять брани троянской и греческой.

Во другїй же день между Грековъ и Троянъ смертное воин-

ство преновляется, и брани смущеннѣй, Троилу на ополченіе пришедшу, множество Грековъ убиваетъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ; многихъ бо въ той день уби комитовъ и бояръ и вельможъ, и прочихъ Грековъ безчисленно и даже до нощныя тьмы воевахуся; нощи же пришедшей, отъ брани престаша, и во градъ входятъ и пріемлются.

О четвертойнадесять брани Троянской и Греческой.

Во утріи же паки Трояне и Греки оружія своя пріемлютъ, и на брань исходятъ, и брань смертнѣ спустивше крѣпцѣ ратовашася, даже и до нощныя тьмы; нощи же нашедшей и брань разлучися.

О пятойнадесять брани троянской и греческой.

Во утріи же Трояне и Греки паки на брань исходятъ, и брань смертну постановляютъ. Менелай и Парисъ соединяются на ополченіе, и другъ друга копіи своими ударяютъ, и оба съ коней низпадаютъ. Полидамъ же нападе на Діомида, и копіемъ своимъ паразивъ его, съ коня сверже. Кипѣла же брань въ то время острѣйшая; Троилу бо крѣпцѣ належащу и убивающу Грековъ безъ милости, Греки устремленія его понести не могуще на бѣгство обратишася. Трояне же гоняще ихъ до ихъ шатровъ, убиваху; нощь же найде и брань преста. По тридесяти же днехъ Трояне и Греки непрестанную брань твориша, въ нихъ же отъ обѣихъ странъ многое множество убіенныхъ воиновъ падоша, паче-

же отъ Грекъ, и толико въ тыя дни умножися мертвымъ, яко не возможно бѣ имъ смрада терпѣти и поля паки ратнаго поставити множества ради трупія мертвыхъ. И сего ради Царь Агамемнонъ ко Царю Прияму пословъ своихъ послалъ, на три мѣсяцы сроку перемирія прося. Царь же Приямъ даде ему, и перемиріе утверждено. Тогда Царь Агамемнонъ повелѣ избрати благородныя своя, и честно погребсти ихъ; такожде и Царь Приямъ сотворити повелѣ: прочихъ же тѣлеса огнемъ сожгоша, и мѣсто поля онаго паки изчистиша. Въ то же паки перемирія время, Агамемнонъ Царь самъ пріиде ко Ахиллесу, и молилъ его, да на брань пріидетъ, Ахиллесъ же отречеся паки, отнюдъ не хотяще пріити на брань; но убо аще и отречеся, но Агамемнона Царя зѣло любляше, честно всѣхъ Мирмидо-

мядонянъ ему на брани исходити поручи. Царь же Агамемнонъ ему о семъ много благодарствовалъ.

О шестойнадесять брани греческой и троянской, и о дивной силѣ троиловѣ.

По прошедшихъ убо оныхъ днехъ данныхъ въ перемиріе Трояне препоясуются на брань, и врата градскіе отворивше изыдоша на ополченіе. Перьвое исходитъ Троилъ, потомъ Парисъ, потомъ Полидамъ, потомъ Енея, потомъ Царь Филименъ съ полки своими; такожде и отъ страны Греческія исходитъ перьвѣе Менелай Царь, потомъ Царь Теламонъ, потомъ Діомидъ, потомъ самъ Царь Агамемнонъ съ полки своими, и перьвѣе Царь Менелай на Троила нападе, и копіе свое о него преломи,

мии, но изъ сѣдла не возможе его изъяти. Троилъ же Менелая Царя толь мощно копіемъ своимъ порази, яко мертва его съ коня сверже, его же свои вземше на щитъ положиша, и въ шатры своя отнесоша. Діомидъ же видѣвъ Менелая Царя смертнѣ уязвлена, на Троила нападе, копіемъ своимъ хотя его съ коня низринути; Троилъ же тѣмъ же копіемъ, имъ же Менелая порази, на Діомида наступи, и съ коня сверже, и вельми тяжцѣ уязви его, его же яко бездушна въ шатры отнесоша. Теламонъ же видѣвъ Діомида на землю повержена, яростнѣ на Троила наступи. Троилъ же Теламона толь мощнѣ порази, яко и щитъ изъ рукѣ его исторже, и смертнѣ его уязви, и коня у него отнявъ, своимъ воинамъ даде. брань же въ то время была острѣйшая, и Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ,

но Князь Аѳинскій мужески ихъ защищаетъ, на него же пришедъ Троилъ нападе, и съ коня сверже его. Греки же въ то время бруиона, единаго отъ родныхъ сыновъ Царя Пріяма, убиша, и о смерти его Трояне весьма смутишася, о немъ же дойде слухъ къ Троилу. Онъ же отъ многія туги нападаетъ тяжцѣ на Грековъ, убивая ихъ немилостивно. Агамемнонъ же Царь видѣвъ Троила толь лютѣ ратующа Грековъ, хотяше, яко Царь и воевода, защитити ихъ; Троилъ же пріемъ его копіемъ своимъ, съ коня сверже его, и коня у него отнявъ, своимъ воинамъ отдаде, на Грековъ же сильнѣ нападаетъ, и весьма побѣждаетъ ихъ. Написа бо Дарій, яко въ той день Троилъ болѣе тысящи воиновъ уби, смерть брунона брата своего отмщевая. Такожде и протчіи Трояне Грековъ множество посѣкоша.

Видѣвъ же Царь Агамемнонъ толикое Греческое паденїе, убояся, и скончавъ брань у Царя Прїяма паки на тридесять дней сроку перемирїя прошаше, еже и дано бысть ему.

О СЕДЬМОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

Тѣмъ же днемъ прешедшимъ Трояне и Греки къ смертной седьмойнадесятой брани препоясуются. бысть въ нихъ жестоко ополченїе, еже чрезъ семь дней непрестанно продолжися. Во осьмый же день паки вельми жестока и остра брань спустися между Греки и Трояны, падаютъ убо воины отъ обою страну, яко древа дубравная кланяхуся конемъ подъ копыта, и Трояне Грековъ сильнѣ утѣсняютъ, и въ бѣгъ неволею порѣваютъ, и Греки

ужѐ толико изнемогаютъ, яко и хребетъ дати готовятся. Тогда Мирмядоняне числомъ три тысящи на брань пріидоша, и на Троянъ усты меча нападаютъ, и сѣчу велію и убійство умножаху. Трояне же противу ихъ не ослабнѣ сѣчаху. Мирмядоняне же въ то время Ермаганона, единаго отъ родныхъ сыновъ Царевыхъ, убиша; тѣмъ бо паче Трояне разсвирѣпѣша, о смерти бо Ермагановѣ весьма смутишася, и снемшеся со Греки толь сълюто, аки львы изъ сердецъ своихъ рыкающе сѣчахуся; о немъ же слухъ яко дойде, Троилъ весьма разліяся во многія слёзы, и нападе вельми тяжцѣ на Греки, немилостивно безъ числа́ погубляетъ ихъ, и пришедъ къ Мирмядонянамъ убившимъ брата его, жестоцѣ нападаетъ на нихъ: убивая и тяжцѣ вредя ихъ, но не тако легко Мирмядонянъ, яко же

и прочихъ Грековъ побѣждалъ; зане они сами многою храбростію цвѣтяху, и на бранѣхъ весьма искусны бяху. Но обаче Троилъ множество изби отъ нихъ, и язвленныхъ умножи, отъ нихъ же нѣкто, именемъ Еверъ, сынъ Тарсія Царя, сродичъ Ахиллесовъ, копіемъ нѣкимъ крѣпцѣ уязвенъ бѣ, и изломокъ копія онаго въ тѣлѣ своемъ носяще, прибѣже къ шатру Ахиллесову, и спаде съ коня своего предъ лицемъ его, и много поноси Ахиллесу сицевыми словесы: почто, рече, ты тако твориши отечеству своему, и почто предательствуеши люди своя, и оставляеши ихъ отъ враговъ своихъ срамнѣ умрети? стоиши бо зря бѣду ихъ, и не помогаеши имъ, и не человѣколюбствуеши надъ ними, но яко же истинный быти вмѣняешися предатель, и отечества своего явный показуе-

шися отступникъ. И сія рекъ болѣзненными очьми предъ Ахиллесомъ умре. Въ то же время брань кипяше вельми жестока, Трояне Грековъ дивнѣ утѣсняютъ, безъ числа сѣкуще; Греки же терпѣти не могуще толикаго ихъ устремленія, на бѣгство обратишася, и въ шатры своя спѣшатъ. Трояне же бѣжащихъ ихъ наипаче устны меча погубляютъ; но нѣкій рабъ Ахиллесовъ уязвленъ побѣже отъ брани, къ шатру Ахиллесову ускори. Вопрошенъ же бывъ отъ Ахиллеса о брани Греческой, что, рече, творится въ войскѣ Греческомъ? Ему же рабъ сице отвѣща: о коль злѣ, господине, Грекомъ нашимъ сотворися въ сей день множества ради Троянъ изшедшихъ изъ града, и Грековъ толь лютѣ и сильнѣ утѣсниша, яко ужѐ отъ лица ихъ нынѣ бѣгаютъ, и въ шатрѣхъ своихъ скры-

скрываются, люте погибающе. Мнитъ ми ся, яко нынѣ ни единъ мужъ бранный остася въ Трои, но вси на брань пріидоша, и Грековъ толь сильнѣ стѣснили смертнымъ убійствомъ. Толикія ради погибели нынѣ, господине, есть ли убо что въ мысли вашей противу враговъ своихъ изыти на брань, и вѣчныя хвалы славу себѣ пріобрѣсти симъ? можеши бо поистиннѣ, зане единымъ входомъ вашея силы на брань, вси Трояне побѣждены будутъ, которые ихъ утвержденіемъ противу вашея крѣпости сея всячески рукъ своихъ простерти не смѣютъ, паче же рещи не могутъ, зане крѣпцѣ утверждени суть, добрѣ вѣмъ. Ахиллесъ же, нижѐ къ рѣчамъ раба своего прилѣпляетъ мысль, ниже къ Еверу мертвому очей своихъ человѣколюбнѣ хощетъ возвести, но вся яже видитъ и слышитъ, аки невидима и аки неслы-

неслышима сокрываетъ. Есть бо обычай любовнымъ желающимъ своихъ любовницъ, да любовными узами связани суще, хвалъ честныхъ отбѣгаютъ, мняще выну своимъ любовницамъ угодити. Тако бо и оный Ахиллесъ страстію ослѣпленъ бывъ стражд аше, ничемъ же разнствуя отъ истуканныхъ, весь убо умъ свой помраченъ страстію имѣя, и печалію долгаго неполученія крѣпцѣ погруженъ, и мыслями суетными отвсюду окруженъ; сицевая бо лютая страждутъ похотливіи человѣцы, впадшіи въ страсть сію, яко отъ всѣхъ человѣкъ бываютъ ненавидимы, и посмѣятельны, и весьма безчестно и подъ укоризною множицею и смертныя пагубы подъемлютъ; во ощущеніе же злыхъ своихъ пріити не могутъ, но ко всѣмъ симъ глуси и нечувственни пребываютъ; въ сицевая бо злая достиже

же Ахиллесъ, и ни къ чесому же потребенъ явися, аще и храбръ бѣ. Въ то же время Грековъ въ шатрѣхъ ихъ убивающе, яко же речено бысть, идѣже Троилъ дивно на нихъ наступи, и отъ Греческихъ благородныхъ сто мужей изыма, ихъ же плѣненныхъ во градъ Трою отосла. И се абіе нощь найде, и отъ брани престаша. Сіе бѣ седьмая надесять брань весьма смертоносна, зане паче иныхъ на сей брани убійство бысть. Въ нощь ону Греки убійство оно помышляюще, и толико уязвенныхъ стенаніе слышаще, лютѣ болѣзноваху, и сердцы своими содрогаху вельми плачущеся толикія своея пагубы. Ахиллесъ же видѣ толикое паденіе своихъ Мирмядонянъ, такожде и язвенныхъ безчисленное множество, изнемогая духомъ, и помышляя паки самъ изыти на брань убійство своихъ хотяше

мсти-

мстити, но Поликсенина любовь весьма противится ему, помышляя паки и се, аще ко оружїю своему скочитъ, то ужѐ конечно хотѣнїя Поликсенина лишится, и желанїя своего отнюдъ отпадетъ. И тако всю нощь ону разноличнѣ помышляя безъ сна пребысть.

О осьмойнадесять брани Троянской и Греческой.

Егда же послѣди Троянское и Греческое войско паки къ смертной осьмойнадесять брани препоясуются, исходитъ перьвое Парисъ, по немъ Полидамъ, по немъ Троилъ, по немъ Енея, по немъ Царь Мемнонъ, по немъ Царь Филименъ, по немъ Царь Ремъ съ полкѝ своими. Такожде и отъ страны Греческїя исходитъ перь-

перьвое Царь Теламонъ, по немъ Царь Менелай, по немъ Менестей Аѳинскій Князь, по немъ Царь Агамемнонъ, по немъ Діомидъ Князь съ полки своими, и промежъ ихъ брань дивна спустися, отъ нея же последуетъ велико убійство. Парисъ бо на Царя Менелая нападе, и копіемъ своимъ порази его и съ коня сверже; Полидамъ же паки на Теламона Царя нападе и съ коня сверже; Троилъ же всѣхъ противу текущихъ ему Грековъ или убиваетъ, или смертнѣ уязвляетъ, или съ коней низлагаетъ, и храбростію силъ своихъ Греческіе полки крѣпцѣ воюетъ. Такожде и прочіи Трояне послѣдуя ему Троянская множества жестокимъ устремленіемъ на Греки нападаютъ, и лютѣ сѣчаху ихъ; Грецы же стѣснившеся сердцы своими, и ставше противу ихъ вельми злу и преужасну сѣчу поставиша;

и отъ обоихъ странъ велїе количество падаетъ умерщвленныхъ; тщахубося другъ друга вспять обратити, и толь долго не ослабно сѣчахуся, донелѣже Греки пораженїй Троянскихъ терпѣти не могуще въ бѣгство понудишася, ихъ же Трояне усты меча свирѣпаго смертнѣ поядающе, и даже до шатровъ ихъ гоняще прїидоша. Вопль же велїй воспа о смерти убиваемыхъ Грековъ, зане Трояне Грековъ ужѐ въ шатрѣхъ ихъ немилостивно закалающе умерщвляли, инїи же язвени бѣжаще къ шатру Ахиллесову прїидоша; онъ же въ шатрѣ своемъ стоя вопроси бѣжащихъ: что есть толь смятена вина вопля? бѣжащїи же отъ брани рекоша ему: яко Грецы, господине, побѣждени быша отъ Троянъ, и быти имъ въ шатрѣхъ ихъ отъ страха смертнаго, но и тако убиваются отъ Троянъ ничтоже ползую-

ползующеся скрытіемъ онымъ: ты же, господине, стояти ли еще мниши въ шатрѣ своемъ во утверждении, но не будетъ тако, зане скоро узриши здѣ болѣе пятидесяти тысячь Троянъ, иже тя не вооруженна жити не оставятъ. Къ симъ же Ахиллесъ ужасеся, и вострепета духъ его, и отложивъ любовь Поликсенину оружія проситъ отъ слугъ; раби же ему оружіе предаютъ, и отъ нихъ вооружается и со скоростію на конь восходитъ, и яко волкъ гладный во агнцахъ вдается на Троянъ, и нападаетъ на нихъ со многою яростію убивая ихъ и уязвляя и низлагая, яко въ малъ часъ между ратныхъ мечь его абіе познавается. Трояне же абіе познавше ополченіе Ахиллесово вспять итти понудишася, ихъ же Ахиллесъ крѣпцѣ ратуя убиваетъ. Егда же Троилъ видѣ Ахиллеса тако сѣкуща Троянъ, жестока

его

его и неправедна позна быти, и сего ради противу его конь свой понуди на теченіе, хотя крѣпцѣ сразитися съ нимъ. Ахиллесъ же видѣвъ Троила противу себе грядуща, жестоцѣ устремися нань съ копіемъ своимъ. Троилъ же Ахиллеса толь жестоцѣ копіемъ своимъ порази, яко и съ коня сверже его. И тяжцѣ уязви, и тако Ахиллесъ неволею преста отъ брани, и имѣлъ нужду чрезъ многіи дни отъ тоя раны лежати на своей постелѣ. Брань же настоитъ острѣйшая, и Трояне Грековъ паки въ бѣгъ обратиша, даже до шатровъ ихъ усты меча гонятъ лютѣ сѣкуще, и се абіе нощь наступила и отъ брани престаша. Царь же Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему утверждено.

Царь же Пріамъ егда услыша, яко Ахиллесъ противу обѣщанія своего на брань изыти дерзнулъ, зѣло оскорбѣ, и Царицѣ Еккубѣ многія поносительныя словеса изрече. Отъ язвы же оныя Ахиллесъ лютое и ненавистное раздженіе на Троила зачатъ, яко крѣпцѣ уязви его, и лежаше страждущи: рече бо во умѣ своемъ; нужда есть, да отъ моихъ рукъ Троилъ срамно умретъ.

О ДЕВЯТОЙНАДЕСЯТЬ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ.

По прошедшихъ же двухъ мѣсяцѣхъ срочныхъ, данныхъ въ неремиріе, паки Трояне препоясуются на брань: Греки же оружія своя такожде пріемлютъ, и исходятъ на сполченіе. Ахиллесъ же прежде пришествія своего на брань предъ себе Мирмядоняны своя призва,

зва, и на Троила тяжку жалобу имъ сказуетъ, и заповѣдуя имъ и повелѣваетъ, да ни къ чему иному тако сердецъ своихъ не приложатъ, но токмо Троила сына Царева прилѣжнѣ да улучатъ, и отвсюду его да обыдутъ, и посреди себе его удержатъ, и удержавъ да не убіютъ, донелѣже самъ пріидетъ къ нимъ, иже и всегда недалече бѣ отъ нихъ. И сія изрекъ имъ пойде на брань. Тогда Мирмядоняне числомъ двѣ тысящи, смѣли вкупѣ и союзни, повелѣніе господина своего исполняюще, на Троянъ усты меча нападаютъ: тогда Троилъ въ велицѣ множествѣ и весьма въ жестокомъ смѣльствѣ на брань приходитъ, и на Грековъ сильнѣ нахедитъ, убивая ихъ и смертнѣ уязвляя. Тогда Мирмядоняне отвсюду его обыдоша, и посреди себе его поставиша; но Троилъ многихъ уби

отъ нихъ, многихъ же и язвленныхъ умножи, но ни единъ ему отъ своихъ подоспѣлъ. Мирмядоняне же коня его убиваютъ, и копіями своими много кратъ его уязвляютъ, шеломъ со главы его силою сторгаютъ, доспѣхъ раздираютъ; тѣмъ же Троилъ стояше съ открытою главою, и коренными силами отъ нихъ себе мужески защищаетъ. Егдаже пріиде Ахиллесъ, и видѣ Троила главу имуща безоружну, и стояща пѣша, нападе нань яростенъ, и главу его лютѣ отсѣче, тѣло же его руками своими взятъ, къ хвосту коня своего крѣпцѣ привяза, и чрезъ войско все за конемъ безсрамнѣ лютѣ влечаше.

Но Омиръ стихотворецъ въ книгахъ своихъ Ахиллеса весьма многими похвалами и проповѣдьми описалъ. Кое же искусное разсужденіе приведе тя, Омире, еже сопле-

сплетати похвалу толику злу и безчеловѣчну мучителю, и вѣнчати цвѣты похвальными, звѣриную ону главу, а не человѣческу, еже и срамъ есть вельми мудру мужу тако безъ разсужденія творити, якоже прилучися? Реклъ бо еси, Омире, въ написаніи своемъ, яко Ахиллесъ храбростію силъ своихъ двухъ Гекторовъ уби еже есть самого онаго Гектора, такоже и сильнѣйшаго Троила брата его, егоже ты храбрости силъ его вторымъ Гекторомъ имянуеши. Поистиннѣ о семъ ни едино есть къ тебѣ порицанія слово, но сего ради крѣпцѣ порицаемъ еси, яко неправедно хвалиши Ахиллеса, мужа укоризны и отвращенія достойнаго, безчеловѣчія его ради и лютости. Но аще убо братія они храбрый поистиннѣ Гекторъ, и чудный во ополченіяхъ Троилъ, сынове Царевы, и Ахиллесовымъ оружіемъ падоша,

но не храбростію силъ его сіе содѣяся, точію лукавымъ и измѣннымъ умышленіемъ своимъ Ахиллесъ уби ихъ. И слыши да возвѣщу ти како сотворися се. Гекторъ бо на брани пребывая, изыма Царя нѣкоего, и того ради щитъ свой себѣ за хребетъ поверже, да лутчаго онаго Царя отъ полковъ извлещи возможетъ, о семъ бо онъ мысль свою токмо вперенну имѣлъ, а о иномъ ни о чемъ помышляше. И се лукавнѣ усмотри Ахиллесъ, яко Гектору предъ грудьми щитныя помощи не имѣти, того ради внезапу нападе нанъ, и уби его. И аще бы Гекторъ лаятельство его уразумѣлъ, то бы щитъ свой предъ себе обратилъ, и самъ бы такожде обратился въ лице ему, еже онъ и множицею тяжкими браней незгодіями отягчати Ахиллеса обычай имѣлъ. Такожде и Троила сильнѣйшаго брата его и

чуднаго воина, егоже не онъ своею силою уби, но отъ двою тысящъ воинъ одолѣна убити не устыдѣся: на немъ же ни коего защищенія ратнаго обрѣте; и сего ради не живаго человѣка, но яко мертва убилъ. Потомъ же разумѣй паки, какову и колику лютость и безчеловѣчіе на немъ показа, яко толь сильна и толь храбра славнаго Царя сына, мужа толикою храбростію и смѣльствомъ цвѣтуща, ни поимана, ни побѣждена отъ него, къ хвосту коня своего привязавъ по полкомъ оставя срамъ влечаше. И аще бы его царское благородіе украшало, и аще бы храбрость его вела бы; то никогда бы онъ на сицевая лютая уклонился, ни онъ на сіе подвигнутися не могъ бы, зане по истиннѣ не бѣша та въ немъ. И того ради похвалъ ли честныхъ достоинъ еси, пагубниче и мучитель мерзкій?

 ни-

никако же, но токмо велія хулы и укоризны и отвращенія. И сице убо Ахиллесу тѣло Троилово безстудно влачащу, сказася о семъ Парису и Енею и Полидаму. О смерти же Троиловѣ обмираетъ Парисъ, такожде Енея и Полидамъ зѣло оскорбишася, и съ великимъ тщаніемъ ищуще Ахиллеса, никакоже обрѣсти его возмогоша, зане брань съ то время вѣльнѣ разпаляшеся. Ахиллесу же безстудно тѣло оно влекущу, се найде нань Царь Мемнонъ съ великою яростію, и первѣе поносными словесы рече ему сице: о лукавый изрядца! откуду тебѣ произыти возможе толикія лютости омерзѣніе, да толь благородна, толь храбра, славнаго Царя сына, мужа толикою славою и храбростію цвѣтуща, къ хвосту коня своего привязалъ еси, и влещи по землѣ никако же ужаснулся? поистиннѣ бо то никакоже безъ

безъ вреда твоея персоны къ тому можеши избыти: и по словесѣхъ устремився нань съ копіемъ своимъ, съ коня сверже его, и скоро храбрый Царь Мемнонъ извлече мечь свой, и толь мощнѣ удари его во главу, яко паде на землю едва живъ, его же Мирмядоняне вземше отъ ногъ конскихъ, яко бездушна отнесоша въ шатры своя. И тако Трояне тѣло Троилово пріюбрѣтоша, но не безъ велика труда брани. Въ то же время брань бѣ острѣйшая, и Трояне Грековъ сильнѣ утѣсняютъ сѣкуще, и въ бѣгство обратишася; и абіе нощь наступи и брань разлучися. Седьми же дней Трояне и Греки непрестанну брань твориша; во осьмый же день егда Ахиллесъ отъ ранъ своихъ укрѣпися, и на отмщеніе Царю Мемнону дыша, Мирмядонянамъ своимъ крѣпцѣ заповѣдуетъ, да Царя Мемнона

отвсюду обыдутъ, яко же и Троила, и посреди себе его задержатъ, да отмщенїе свое на немъ прїиметъ. бранъ же настоитъ острѣйшая между Грековъ и Троянъ, и отъ обою страну множество воинъ падаетъ. Въ то же время Мирмядоняне Царя Мемнона отвсюду обшедше посреди себе его поставиша, и коня его подъ нимъ убиша: Ахиллесъ же ту абїе ускори, и нападе нанъ яростенъ, и уби его; но безъ тяжкїя своея бѣды Ахиллесъ не возмогъ сего сотворити, зане самъ Мемнонъ многими ранами его озлоби, и кровь его течаше по пятамъ. Сего ради онъ смерти себѣ уповаше паче, нежѐ о животѣ мысляше. Внимай, о бѣдный Омире, никогда бо Ахиллесъ мужа храбра, токмо измѣнно уби. бранъ же въ день той зѣло крѣпка бысть даже и до нощныя тьмы. Нощь же найде

и

и брань преста. Тогда Царь Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, и паки на два мѣсяца перемирія прощаніе, яко же и дано бысть ему перемиріе оно.

О ДВАДЕСЯТОЙ БРАНИ ТРОЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ, И О СМЕРТИ АХИЛЛЕСОВѢ И ПАРИСОВѢ И ЕАКСОВѢ.

Тѣлу же Троилову въ домъ Царя Пріяма принесену бывшу, плачь бываетъ велій во гражданѣхъ, болѣзнуетъ Царь Пріямъ не мало, болѣзнуетъ Царица Еккуба, болѣзнуетъ Кассандра, болѣзнуетъ Поликсена, болѣзнуетъ Елена, болѣзнуетъ Парисъ, болѣзнуютъ вси Трояне болѣзнію неизреченною. Послѣди же Царь Пріямъ тѣло Троилово во гробѣ зѣло дражайшемъ положи, такожде и тѣло храбраго Царя Мемнона во гробѣ зѣло

дражайшемъ же положи; Царица жъ Еккуба о смерти сыновъ своихъ зѣло скорбїю ожесточися, наипаче же о смерти Троиловѣ, иже толико по смерти пострада, безчестное влаченїе. Призвавъ къ себѣ тайно Париса, сына своего, и со многими слезами сице рече ему: дражайшїй сыне мой! ты вѣси, како злочестивый онъ Ахиллесъ братїю твою любимѣйшихъ сыновъ моихъ, Гектора и Троила, измѣнно убилъ, лишивъ мя бѣдную родительницу дражайшихъ чадъ моихъ, ихъ же жизнь была мнѣ едино токмо утѣшенїе. Нынѣ же егда воспомяну неправедное заколенїе ихъ, еже пострадаша отъ лютаго онаго и безчеловѣчнаго мучителя, изнемогаю духомъ, и сокрушаюся печалїю великою. Множицею же сей неблагодарный Ахеллесъ просилъ у мене Поликсены, дщери моея, еже бы отдати ему въ законную

жену,

жену, юже азъ въ надеждѣ извѣстнѣй отдати ему хотѣла, яко же и ты добрѣ вѣси. Онъ же неблагодарный, вся сїя отверглъ, и клятвы своя поправъ, къ толицѣ лютости обратися, и въ ней пребывая стойтъ. И того ради праведно быти мню, да якоже онъ измѣннѣ убиваетъ сыновъ чужихъ, тако и самъ онъ измѣннѣ да убїется, и казнь подобную потерпитъ. Умышляю бо къ нему посланника своего послати, да прїидетъ ко мнѣ во храмъ Аполлоновъ о брацѣ ономъ глаголати. Хощу же да ты, сыне, съ вѣрными нашими воины тамо тайно сокрыешися и ждеши его; и ему тако приходящу, вамъ же нань нападшимъ, избыти не можетъ смерти, но да убїется тму. Парисъ же къ словесемъ матернимъ подвижеся, такожде плачеся матерню изволенїю благоговѣйнѣ покаряется. бысть же когда

Парисѣ по совѣту матерню съ двадесятію воины зѣло смѣлыми во храмѣ Аполлоновѣ тайно скрытъ, и скоро отъ Царицы Еккубы послану бывшу посланнику ко Ахиллесу, да пріидетъ во храмъ Аполлоновъ глаголати съ Царицею. Неблагодарный же Ахиллесъ безумною любовію обузданъ егда услыша отъ посланника глаголы сія, неизреченною радостію возрадовася: тако бо похотѣнія страсть ослѣпи его; не предразумѣваетъ бо, что хощетъ ему случитися за злобу его, юже сотвори лютостію своею, но токмо страстію упився влекомъ бываетъ, яко же волъ на заколеніе, со Артилогомъ, Несторовымъ сыномъ, въ Трою иде, и во храмъ вниде. Тогда абіе Парисъ отъ закрытія своего явѣ изшедъ, и три стрѣлы храбро испусти на Ахиллеса, и порази его во чрево. Ахиллесъ же извлече мечъ свой, и платомъ обви руку свою,

не вооруженъ бо бѣ, и нападшихъ нань седмь воиновъ уби; послѣди же Ахиллесъ и Артилогъ во храмѣ Аполлоновѣ умросита, отъ Париса лукавнѣ убіенны. Парисъ же тѣло Ахиллесово и тѣло Артилогово повелѣваетъ враномъ и псомъ дати; но моленіемъ и предстательствомъ Еленинымъ извержены токмо на улицу. Радуются убо Трояне о смерти толикаго ихъ врага, и стецаются во многомъ веселіи зрѣти его. Егда же услышаша Царіе Греческіи погубленіе Ахиллесово и Артилогово, ужасошася вельми, и въ недоумѣніи быша. Царь же Агамемнонъ абіе ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла моляше его, да повелитъ тѣлеса ихъ отдати ему. Царь же Пріямъ повелѣ отдати ихъ: по повелѣнію же Царя Пріяма вземше Грекове тѣлеса ихъ, отнесоша въ станы своя. Егда же принесоша, тогда

плачь

плачь вельми великъ и рыданіе зѣльно въ полцѣхъ Греческихъ умножися. Глаголаша бо. яко аще Ахиллесъ отъ житія сего оскудѣ, то отселѣ вся наша надежда ужѐ тщетна будетъ о взятіи града, Ахиллесу не сущу съ нами. Послѣди же Царь Агамемнонъ, и прочіи Царіе во гробѣхъ зѣло дражайшихъ тѣлеса ихъ положивше, паки молятъ Царя Пріяма, да во градѣ Трои тѣлеса ихъ вмѣстити повелитъ. Царь же Пріямъ по прошенію ихъ подлѣ сыновъ своихъ Деиѳеба и Троила тѣлеса оны положити повелѣ. И тако повелѣніемъ его Греки тѣло Ахиллесово и тѣло Артилогово во градѣ Трои погребше отыдоша. По смерти же Ахиллесовѣ воста несогласіе велико въ войскѣ Греческомъ. Тогда Царь Агамемнонъ видя несогласіе оно, всѣхъ Царей и Князей призвати повелѣ, и рече имъ:

друзи, Царіе, и Князи и начальницы! мнози нынѣ отъ воинства нашего смерти ради Ахиллесовы изнемогше, въ малодушіе уклонишася брани не хотяще творити со враги нашими и отчаявшеся совершенно побѣду воспріяти: и что намъ отнынѣ творити подобаетъ, во брани ли пребывати, или миръ вземше съ Трояны, во свояси возвратитися ко отечествомъ нашимъ? Возвѣстите намъ о семъ да слышу. Они же сія слышавше въ разная хотѣнія раздѣляются, ови убо отъ нихъ брань хотятъ, другіи же возвратъ добро быти повелѣваютъ, и тако несогласни пребываху. Царь же Аяксъ посреди рече: аще бо и Ахиллесъ отъ житія сего оскудѣ, но не оскудѣетъ намъ истинна и обѣты боговъ; нынѣ же да пошлется убо по сына Ахиллесова, иже у Царя Ликомеда во оружіяхъ воинскихъ написуется, и

той

той пришедъ ополчится съ нами о побѣдѣ Троянъ. Тогда вси Царіе и Князи слышавше сія похвалиша совѣтъ его, и паки въ помышленіяхъ своихъ соединишася, и абіе отпустиша Царя Менелая, да приведетъ въ войско ихъ Пирра сына Ахиллесова. Онъ же пріимъ отъ Царей отпущеніе отъиде въ путь свой: и сему сице бывшу, се день брани приближися имъ. Тогда Трояне и Греки двадесятую смертную брань поставляютъ; исходитъ первое Діомидъ, потомъ Царь Теламонъ, потомъ Менестей, Аѳинскій Князь, потомъ Царь Агамемнонъ, потомъ и прочіи Цари съ полки своими, и пріидоша до мѣста Троянъ. Парисъ же изъ града изыде подъ черными знаменемъ во множествѣ слезъ подъ щитомъ его изливаемыхъ въ невѣденіи своихъ, потомъ Полидамъ, потомъ Енея, потомъ Царь Ѳилименъ, по-

потомъ Царь Екторъ, потомъ и прочіи военачальницы съ полки своими, но коликимъ страхомъ уже Троянскій сражается языкъ, видя себе на брань входящихъ безъ воеводства сильнѣйшаго Гектора, и храбраго Деиѳеба и Троила зѣло смѣлаго! но зане нужда есть, да Трояне животъ ихъ защитятъ, въ пагубу бранную животъ свой полагаютъ, и сшедшеся со Греки велику сѣчу абіе составиша, отъ нея же послѣдуетъ велико убійство. Тогда отъ страны Греческія Аяксъ Царь нѣкоимъ жаломъ буйства острекаемъ главою нагою безоруженъ, не имѣя шлема, ниже доспѣха, ниже копія, ниже щита, но мечь единъ въ десницѣ своей имѣя, и скочи между Троянъ съ великимъ и жестокимъ устремленіемъ, и смяте крѣпко полки Троянскія, и многихъ Троянъ уби. Таже, скочивъ межъ полковъ Парисовыхъ и безчисленно

численно уби отъ нихъ, да яко вси отъ него разбѣгошася. И сего ради Парисъ терпѣти не могiи бываемыхъ отъ Аякса на брани, напрягъ крѣпкiй свой лукъ, и на Аякса стрѣлу свою испусти и жестоцѣ его порази межъ плечъ его и ребръ, да яко о семъ добрѣ уразумѣ Аяксъ, яко неложно ему отъ тоя раны умрети, Париса прилѣжнѣ ищетъ, хотя мстити ему, и прiединися ему рече: Парисъ, Парисъ! ты мя пораженiемъ стрѣлы своея лютѣ погубилъ еси, и прежде даже умру азъ, во адъ ты мнѣ да будеши предпутникъ, треба бо есть, да отъ неправедныя любви Елениины, за нея же толико благородныхъ умертвишася, скоро да отлучишися: и по словесѣхъ своихъ порази его въ лице мечемъ своимъ толь лютѣ, яко обѣ челюсти его отъ мозгу отдѣли, и абiе храбрый Парисъ умре, и падъ

на землю скончa послѣдняя дни своя. Аяксъ же недалече отшедъ, такожде мертвъ паде на землю. Трояне же видяще Париса мертва, ослабѣша отъ недоумѣнія руцѣ ихъ: того ради брань скончеваютъ, и поле оставляютъ, и въ бѣдѣ лицъ своихъ во градъ входятъ, вонь же тѣло Парисово мертво принесше, предъ лицемъ Царя Пріяма полагаютъ, еже яко узрѣ Царь Пріямъ болѣзнію многою мучится, такожде и Царица Еккуба и сестры его неизреченною тугою скорби сокрушахуся. Плачутъ же ся неизреченнымъ плачемъ и вси Трояне, понеже всякъ путь отчаянія непщуютъ себѣ явѣ быти откровенъ, зане вси сынове Царевы толикою храбростію свѣтлыя, отъ нихъ же защищеніе граду висяше на бранѣхъ убіени оскудѣша. Что же сотворися о Еленѣ, яко множицею умираше отъ великія туги надъ тѣломъ Парисовымъ?

совымъ? двадесять бо кратъ отъ тѣла его въ ту нощь сильно отвлекоша ю; хотяще бо отнюдъ умрети съ нимъ, нежели по немъ жити. Царь же Пріямъ и Царица забывъ ужѐ своя болѣзни, Елену отъ болѣзней ея утѣшаху; и къ тому ужѐ Царь Пріямъ и Царица Елену паче дщери любимую у себе имяху. Послѣди же Царь Пріямъ тѣло Парисово во гробѣ зѣло дражайшемъ положи, и честно погребе, и ко Царю Агамемнону Царь Пріямъ пословъ своихъ посла, на два мѣсяца сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему.

О пришествіи во Трою Амазонскія Царицы Пантазалеи.

Двѣма же мѣсяцемъ цѣло прошедшимъ, Царь Пріямъ не восхотѣ къ тому вратъ градскихъ отво-

отворити, ниже воинству своему повелѣ на брань исходити, но пребываше въ заключенiи. Царь же Агамемнонъ въ то время Царя Прiяма многажды послы своими взыска, да на брань языку своему изыти повелитъ. Царь же Прiямъ отречеся, бояся языку своему разворенiя. Во странахъ же восточныхъ страна нѣкая бѣ, яже Амазонская нарицашеся, въ нейже едины жены безъ мужей живяху, ихъ же юныхъ женъ попеченiе сильнѣйше бѣ во оружiяхъ бранныхъ потѣти, и брань творити, откуду бы себѣ храбрости хвалу и ополченiя славу изыскати могли. Противу же сего нѣкiй бяше островъ зѣло красенъ, въ немъ же едини токмо мужiе безъ женъ живяху. Обычай же тѣхъ женъ по три мѣсяцы въ году Апрѣль, Май, Iюнь, приходити во онъ островъ, и съ мужи того острова пребывати: и сего

ради

ради непраздни отъ нихъ бываху и непраздни къ себѣ возвращахуся. Рожденію же бывшу, аще приключашеся мужескъ полъ, то по трехъ лѣтѣхъ во островъ онъ къ мужемъ своимъ отсылаху. Аще ли женскъ полъ, то убо у себе въ странѣ задерживаху. Сея же страны въ то время бѣ нѣкая Царица дѣва благородна, именемъ Пантазалея, зѣло избранна во ополчимыхъ сраженіяхъ, и смѣльствомъ крѣпости вельми процвѣтая, яже Гектора зѣло другомъ себѣ имяще ради зѣльныя его храбрости; но услыша, яко Греки противу Царя Пріяма съ воинствы своими пріидоша, тогда и оная со тысящію отроковицами зѣло бранными любве ради Гекторовы пріиде воевати за Троянъ, и вниде во градъ; не вѣдяше бо Гектора уже умерша, о его же смерти егда бысть ей сказано, зѣло возжалѣ, и по многіи дни о немъ непре-

непрестанно упражняшеся въ рыданіи и слезахъ.

О двадесятъ перьвой брани греческой и троянской.

Послѣди же Царица Пантазалея отъ плача онаго отдохнувъ во благодушіе облечеся, и молитъ Царя Пріяма, да въ послѣдующій день, уготовивъ своихъ всѣхъ на ополченіе, отпуститъ, зане она и сама со своими дѣвицами противу Грековъ на брань пойти мыслитъ, да Греки зря возмогутъ искуситися, что могутъ на бранѣхъ десницы отроковическія творити. По повелѣнію же Царя Пріяма, Царь Филименъ съ Паѳлагоняны, и Енея и Полидамъ съ своими полки, и Пантазалея съ своими отроковицами враты Дарданійскими исходятъ на бранъ. Греки же во оружіяхъ противу ихъ те-

текутъ, и первѣе Царь Менелай на Пантазалею нападе, и копіе свое о нея преломи, но изъ сѣдла не возможе ея изъяти. Пантазалея же Менелая Царя толь мощнѣ копіемъ своимъ порази, и съ коня сверже его, и коня у него отъемлетъ, и своимъ дѣвицамъ вдастъ. Діомидъ же видѣвъ Менелая Царя съ коня свержена, и смертнѣ уязвленна, яростенъ на Пантазалею нападе, и копіемъ своимъ порази ея. Пантазалея же усидѣ на крѣпкомъ своемъ конѣ; Діомидъ же къ пораженію ея весь потрясеся, и съ коня своего спаде, такожде и конь его на землю паде. Пантазалея же силою щитъ исторже у него изъ рукъ, и своимъ дѣвицамъ отдаде. Царь же Теламонъ не могій терпѣти бываемыхъ отъ Пантазалеи Царицы на брани, жестоцѣ на нея нападе. Пантазалея же оставивши его направляется

въ частыя полки Греческія, и многихъ Грековъ убиваетъ и уязвляетъ, и съ коней низлагаетъ, яко въ малъ часъ Греки познавше ополченіе Царицыно, отъ лица ея вси бѣжатъ; безъ милости бо Пантазалея сѣчаше ихъ. Также и отроковицы ея зѣло храбро побѣждаху Грековъ. Грецы же падающе предъ ними, множество отъ меча ихъ умираху лютѣ; такожде и Полидамъ, и Енея, и Царь Филименъ, и прочіи Трояне силою Царицы Пантазалеи Грековъ дивнѣ побѣждаютъ, да яко Греки толикаго ихъ устремленія понести не могуще, вси конечно на бѣгство обратишася, и отъ лица Троянъ бѣжаще въ шатры своя спѣшатъ, ихъ же Пантазалея Царица и прочіи Трояне въ шатрѣхъ ихъ убивающе немилостивно погубляютъ, и множество имѣнія ихъ Трояне грабленіемъ похищаютъ. И абіе нощь наступи и отъ

брани престаша. Трояне же богатства Греческая вземше во градъ свой съ веселіемъ отнесоша; а Царица Пантазалея съ великою славою побѣды вниде во градъ, ей же Царь Пріамъ самъ изыде во срѣтеніе, честь хвалы сплетая благородію ея, и дары зѣло многоцѣнныя принося ей, съ радостію и веселіемъ, зане тою вѣруя Царь Пріамъ отъ своихъ болѣзней упокоитися.

О ДВАДЕСЯТЬ ВТОРОЙ БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ, И О ПРИШЕСТВІИ ПИРРОВѢ, СЫНА АХИЛЛЕСОВА, ВЪ ВОЙСКО ГРЕЧЕСКОЕ.

Во утрій же день паки Агамемнонъ Царь ко Царю Пріяму пословъ своихъ посла, на тридесять дней сроку перемирія прошаше у него. Царь же Пріамъ по прошенію его даде ему перемиріе утверженo. Въ тоже перемирія время

Пирръ,

Пиррѣ, сынѣ Ахиллесовѣ, вѣ войско Греческое пріиде, о егоже пришествіи Греки зѣло возрадовашася, и молиша его, да во отмщеніе убійства славнаго отца своего возстати потщится крѣпцѣ. Царь же Агамемнонѣ шатры и прочія вещи отца его абіе повелѣ вдати ему, и Мирмядоняне его радующеся себѣ вѣ господина пріемлютѣ, и толико радуются Грецы пришествію его, яко отѣ оныя своея великія радости вѣ честь ему два отѣ великихѣ Князей Греческихѣ своима рукама приложиша ему остроги позлащенны. Егда же день брани приближися, Пиррѣ во отеческомѣ оружіи на брань приходитѣ, потомѣ Царь Менелай, потомѣ Царь Теламонѣ, потомѣ Діомидѣ, потомѣ Менестей Аѳинскій Князь сѣ полки своими на брань приходятѣ. Отѣ града же Трои исходитѣ перьвое Царь Филименѣ,

потомъ Полидамъ, потомъ Енея со своими полки, Пантазалея со своими отроковицами приходитъ въ знаменахъ бѣлыхъ, подобныхъ снѣгу, и на Грековъ сильнѣ нападаетъ, убивая ихъ и уязвляя и съ коней низлагая, и Греческія полки крѣпцѣ воюя. Пирръ же на Царя Филимена нападе, и его копіемъ своимъ порази, и съ коня сверже его, поимати его хотя. Паѳлагоняне себе смерти вдаютъ за избавленіе господина своего; но Мирмядоняне не оставляютъ, и абіе къ мѣсту оному Полидамъ Князь съ полкомъ своимъ приспѣ, и на Мирмядонянъ крѣпцѣ нападе, убивая ихъ. Пирръ же видѣвъ Полидама толь сильнѣ на Мирмядонянъ нападша, Филимена Царя остави и на Полидама нападе, и коня его низложи. Царь же Филименъ въ то время на конь свой взыде; и се абіе къ мѣсту оному Царица Пантаза-

лея

лея пріиде, и на Мирмядонянѣ сильнѣ нападе, и возмяте крѣпцѣ полкъ ихъ, и многихъ уби отъ нихъ, еже видѣвъ Пирръ Полидама остави, и на Мирмядонянѣ своихъ мощнѣ возопи глаголя: срамъ есть вамъ, о храбріи Мирмядоняне; яко толь срамно убиваеми умираете, падающе отъ рукъ женскихъ. Прилѣжите убо со мною, да ихъ устны меча свирѣпаго смерти предадимъ. Пантазалея же Пиррово прещеніе слышавъ, небреже о немъ, но посѣкая Мирмядонянѣ его, близъ самого Пирра пріиде, яко мощно бѣ ему добрѣ уже словеса ея разумѣти. Пантазалея же ему о смерти Гекторовой отъ его лица измѣннѣ сотворенной, словесы досадными поноситъ: къ словесемъ же ея Пирръ зѣло разгнѣвався, пріемъ копіе на Пантазалею наступи яростенъ, и порази ея крѣпцѣ, но изъ сѣдла не воз-

може ея изъяти. Пантазалея же Пирра толь мощнѣ копїемъ своймъ порази, яко съ коня сверже его. Пирръ же помощїю своихъ абїе на конь свой взыде, и на Пантазалею нападаетъ: Пантазалея же противу его такожде устремительнѣ нападе, и толь мощнѣ копїями своими сразишася, яко оба съ коней своихъ низпадаютъ. Пантазалея же перьвѣе на конь свой взыде, и Пирра на землѣ оставя, на Грековъ сильнѣ нападаетъ, убивая ихъ. Подобно и прочїи Трояне сильнѣ сѣчахуся съ ними толь долго, донелѣже въ бѣгство обратиша ихъ, и абїе нощь наступи, и отъ брани престаша. Чрезъ весь мѣсяцъ Трояне и Греки непрестанну брань сотвориша; множество же велїе отъ обѣихъ странъ падоша въ то время воиновъ, паче же отъ Грекъ, зане Царица Пантазалея въ тѣ

дни

дни множество ихъ избила, и сама отъ своихъ дѣвицъ множество же потеряла. Царь же Агамемнонъ ко Царю Пріяму пословъ своихъ пославъ, на три мѣсяцы сроку перемирія прошаше, еже и дано бысть ему со утвержденіемъ.

О двадесять третіей брани греческой и троянской.

Скончавшуся же сроку данному въ перемиріе, оба войска на брань сходятся, и тажка бранѣ спускается въ нихъ. Пирръ на брань приходитъ; Пантазалея противу его. Пирръ на Пантазалею нападе, и копіе свое преломи о нея, но не вреди ея ничимъ; Пантазалея же толь жестоцѣ копіемъ своимъ Пирра порази, его же аще и не сверже съ коня, но изломокъ копія

своего въ немъ остави вонзенъ. Вопль убо велій воста о язвѣ Пирровѣ въ войскѣ Греческомъ, и на Пантазалею Греки мнози возстаютъ весьма, и нападше на ню, ременіе шлема Пантазалеина расторгоша. Пирръ же на Пантазалею паки нападе изломокъ копія въ тѣлѣ своемъ нося и не разсмотряя, что ему отъ того случится. Пантазалея же видѣвъ Пирра, противу себе грядуща, прежде мняше его пронзити копіемъ своимъ, но Пирръ во удареніи своемъ скорѣе ея предвари, и порази ея мечемъ голымъ, и руку ея отъ плеча родственнаго состава отдѣли, и тако храбрая оная Царица умре падъ на землю, и Пирръ во отмщеніе своея раны все тѣло ея на части изсѣче, и самъ многаго ради изліянія крови отъ раны его текущія паде на землю, яко мертвъ. Отроковицы же о ея смерти зѣло сму-

смутишася, на Грековъ устмы меча нападаютъ, и безчисленно погубляютъ ихъ, защитника ихъ не имущихъ, такожде и прочїи Трояне болѣе десяти тысящъ Грековъ въ то время изгубиша, но ужѐ что пользова Троянъ толико Греческое паденїе, понеже Греки зѣло множествомъ ихъ превосходятъ, тѣмъ же Царь Менелай, и Царь Теламонъ, и Дїомидъ Князь, и Менестей Аѳинскїй Князь, такожде и самъ Царь Агамемнонъ со множествомъ зѣло бранныхъ воиновъ соединившеся, Троянъ съ поля згоняютъ, и того ради останцы отроковицъ и останцы Троянъ во градъ Трою вбѣгше съ великимъ трудомъ и со тщетою паденїй своихъ, врата градская крѣпкими утвердиша запоры, и къ тому ужѐ на битву не исхождаху, зане отселѣ не было ужѐ воли ни силы толики, еже исходити на брань.

О совѣщании предательства троянскихъ предателей, совѣщавшихъ измѣну со цари греческими.

Трояне же пребывающе въ заключенїи ни въ чемъ иномъ упражняхуся, но токмо непрестанному прилѣжаху воздыханїю и плачу. Антенорь и Енея сшедшеся вкупѣ совѣтоваху, како могутъ соблюсти животъ свой, и никоего же инаго совѣта спасенїю своему обрѣтаху легкаго и скораго, токмо градъ предати Грекамъ на расхищенїе, и сїе совѣтованїе зѣло тайно сплетше, клятвами страшными себе утвердили, быти отнюдъ совѣту ихъ не произносну никому же. И сїя сотворше, времени подобна къ совершенїю умышленнаго ими зла искали, и пришедше вкупѣ ко Царю Прїяму начаша ему глаголати лукавнѣ, дабы миръ сотворилъ

со

со Греки: шу же бѣ и Анѳимакъ, юный сынъ со Царемъ Пріямомъ отцемъ своимъ сѣдяще, и первѣе Антенорь рече ко Царю: о благородный великій Царю! се ужѐ явѣ зримъ, яко лютая сія обстоянія постигоша градъ сей, и живущихъ въ немъ всѣхъ насъ, и ни откуду же къ тому надежды избавленія себѣ чающе, врази наши ужѐ по правдѣ крѣпчае насъ явишася; облегоша бо всѣхъ насъ во градѣ семъ, яко же во крѣпцѣи нѣкоей сѣти емше удержаша, нижѐ нынѣ ужѐ кая въ насъ мощь есть, еюже бы могли ополчитися противу враговъ нашихъ толикія крѣпости, нижѐ предводителей и военачальниковъ, нижѐ воинства имуще, зане вси сынове твои, толикою храбростію свѣтлыя, отъ нихъ же поистиннѣ защищеніе града зависѣло, на бранѣхъ убіени оскудѣша, и часть сильная людей твоихъ оружіемъ

непріятельскимъ скончася; и сего ради, великій Царю, да благоволитъ благородіе твое пощадѣти оставшія люди твоя, и сотворити миръ со враги нашими, и отдати Елену Царю Менелаю, мужу ея, такожде и грабленная богатства, яже во островѣ Ситарійскомъ взятая, подобаетъ ему Царю цѣло возвратити. Парисъ бо сынъ вашъ Царскій, удержавый оную въ жену, нынѣ ужѐ заключи день послѣдній, и отселѣ ужѐ Елена кія ради потребы живетъ въ Трои, Парису мертву сущу. Тѣмъ же, великій Царю, благоволи послушати совѣта нашего, и сотворити тако, и себе и насъ всѣхъ отъ толикія настоящія явныя нашея всеконечныя погибели избавити. И въ сихъ Антеноръ слово свое скончa.

Анѳимакъ же, сынъ Царевъ, егда услыша отъ Антенора глаголы

сія,

сія, абіе уразумѣ лесть предательства, и тако рече Антенору: воспомяни, о Антеноре! отечество града твоего, въ немъ же родился еси, такожде и милость толику благороднаго отца моего, юже творяше лицу твоему во вся дни твоя; коликою бо честію отъ благородія его возвышенъ и вознесенъ еси, и коликою славою преимѣеши прочихъ братію твою, и коликимъ богатствомъ во градѣхъ же и въ селѣхъ обогащенъ еси, и должно ти есть присно благодѣянія царская поминати, и печальное сердце его благоразуміемъ словесъ здраваго совѣта твоего ко благодушію приводити и во всѣхъ полученіяхъ, радостныхъ же и печальныхъ, единодушно къ нему прилѣжати, яко же обычай есть благоразумнымъ Княземъ и вѣрнымъ слугамъ царскимъ творити, а не печаль къ печали прилагати, и скорбь ему умно-

умножати, яко же зрю тя сице творяща днесь. Словомъ бо твоимъ показуется дѣло вещи, яко ищеши себѣ отъ печали покоя царскою бѣдою, и не помышляеши, коль люто есть Царю по толицѣхъ своихъ незгодіяхъ и пагубахъ мира искати со Греки въ поношеніи толикаго своего уклоненія, ты же еще къ тому не усрамился еси безстудія лица твоего съ толикою злѣльностію открыти, и благородіе Царя нашего вельми ужасити, и въ недоумѣніе привести неблагороднымъ своимъ словомъ, яко по истиннѣ совѣта твоего слово, отъ невѣрныя ревности изыде, яко же нещую, но мерскія измѣны отъ заблужденія. Сицевая же и иная поносная словеса изнесе на Антенора Анѳимакъ и умолче; но Енея сладкими словесъ реченіи и честнолѣпными Анѳимака, сына Царева, покусися обуз-

обуздати, обаче не возможе. Уразумѣ бо онъ добрѣ лесть предательства ихъ; того ради и слышати не восхотѣ. Царь же Прiамъ нача со гнѣвомъ обличати ихъ, сице бо рече Антенору: господине Антеноре! возвѣсти ми, что когда сотворихъ безъ вашего совѣта, или кое дѣло мое сокрыхъ, еже не явити вашему вѣденiю, но вся начинанiя моя предъ вами полагахъ? почто же тогда ничто сицево рекосте ко мнѣ? азъ бо поистиннѣ въ молчанiи хотѣлъ обиду сiю пренести нанесенную ми отъ Грекъ, но лукаваго вашего послушавъ совѣта, къ сему ополченiю уклонихся. Нощiю бо и днемъ поощряюще мя на се, да брань воздвигну со Греки, и въ толико мя приведосте, яко ниже сыновъ моихъ благородныхъ, премудростiю сiяющихъ, ниже иныхъ мудрыхъ мужей полезная совѣщающихъ ми любезнѣ послушахъ,

но вся сія отвергши къ вашему совѣту уклонихся. Ты же, господине Антеноре, егда посылахъ тя азъ ко Греческимъ Царемъ, моля ихъ о отданіи сестры моея, и тамо ничтоже благо сотворилъ еси, токмо болѣзни моя усугубилъ еси. Такожде и ты, господине Енея, егда съ Парисомъ во Греки поѣхалъ еси, и тамо перьвый начальникъ совѣта его былъ еси, да Парисъ восхититъ Елену и въ Трою приведетъ. Аще ли же бы не ты совѣтовалъ ему тако сотворити, то никогда бы Елена видѣла стѣнъ Троянскихъ; во всѣхъ бо начинаніяхъ нашихъ вездѣ предстателями и приводцами быти показастеся. Нынѣ же по убійствѣ дражайшихъ сыновъ моихъ, толикою храбростію свѣтлыхъ, и по убіеніи гражданъ моихъ, на совѣтъ безстудно восстаете, вину написующе мнѣ по толицѣхъ моихъ незгодіяхъ.

Тогда

Тогда Енея противу Царя Пріяма многая надменная словеса изнесе, и тако отыдоша отъ Царя въ словесѣхъ зѣло гнѣвныхъ. Царь же Пріямъ по отшествіи ихъ весьма оскорбися, видѣвъ къ себѣ толику невѣрность ихъ, и помышляше о предательствѣ ихъ, весьма ужасаяся и скорбя вельми о семъ, како моглъ бы животъ свой соблюсти отъ нихъ, и отшедъ въ тайную камору свою вельми плакаше. Потомъ же призва къ себѣ Анѳимака сына своего, и тако рече ему: дражайшій сыне мой! ты вѣси, яко азъ тя родихъ, ты же отъ мене родился, нынѣ же обща бѣда обоихъ постиже насъ, и аще пребудемъ не радяще о себѣ, то абіе погибнемъ. Ты бо вѣси извѣстно, яко тіи два Антеноръ и Енея мышляютъ предати насъ въ руки Греческія; обаче елико есть намъ мощно, да хитрствуемъ

емъ полезная, да не напрасно погибнемъ; умышляю бо ихъ на совѣтъ къ себѣ призвати единыхъ: хощу же паки, да ты сыне мой съ вѣрными нашими воины тайно сокрышися, и егда они пріидутъ, ты да нападеши на нихъ со онѣми воины, и да побіеши ихъ, и умрутъ, и тако избавимся лукавства ихъ.

Анѳимакъ же обѣщася сотворити тако, но не вѣмъ како Антенору и Енею совѣтъ Царевъ вѣдомъ сотворися. Они же противу сего тако сотворити умыслиша, егда ключится имъ позваннымъ быти отъ Царя, то да не пойдутъ просто, но во множествѣ оружныхъ; бѣ бо Енея весьма богатъ, во градѣхъ же и весѣхъ, въ златѣ же и сребрѣ, и во прочихъ имѣніяхъ, и многолюденъ вельми и честенъ, яко во градѣ Трои ни единъ бѣ отъ

человѣкъ толико славенъ, яко же онъ, такожде и Антеноръ во мнозѣ сродствѣ цвѣтяше, и богатствомъ великимъ обогащенъ, и многими людьми отвсюду огражденъ.

Царь же Пріямъ хотя къ совершенію привести совѣщаніе свое, по Антенора и Енéю послалъ, да къ нему пріидутъ; они же пріидоша къ нему во множествѣ оружникъ.

Царь же Пріямъ видѣвъ ихъ въ толикомъ множествѣ воинъ пришедшихъ, усумнѣся, и изыде къ нимъ изъ палаты своея. Тогда Енея рече ко Царю Пріяму: о великій Царю! хощеши ли ты, или не хощеши, но убо всѣ Трояне мира хотятъ со Греки, и на то обще соизволяютъ. Трояне же абіе по словесемъ Енеинымъ вси кликнуша вкупѣ, яко же отъ нихъ научени быша: хощемъ,

щемъ, о благородный Царю, и вельми желаемъ искати Греческаго мира; что же ты повелѣваеши намъ? Видѣвъ же Царь Пріямъ, яко не сбыстьея начинаніе его, и въ дѣло совѣтъ его не произыде, но въ сопротивное обратися, горько воздохнувъ, рече Енею и Антенору: яко же согласистеся творити противная, творите, яко же хощете; не имате бо возбраняющаго вамъ, и мнѣ отъ вашего творимаго совѣта что ни учините, любезно есть. Тогда абіе Антеноръ избирается въ послы, егоже Трояне пріемше свѣсиша по стѣнѣ. Антеноръ же пріиде ко Царю Агамемнону и предъ лицемъ его ста, сказуя себе посла Троянскаго быти. Царь же Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей на совѣтованіе къ себѣ призвати повелѣ, и яко же пріидоша къ нему вси, тогда Царь Агамемнонъ вину посольства

ства Антенора предъ Царьми вопрошаетъ. Антеноръ же рече имъ: благороднiи и пресвѣтлiи Царiе и Князи, и начальницы всего Греческаго ополченiя! аще благоволитъ благородiе ваше показати милость совершенну ко мнѣ рабу вашему, и ко всѣмъ сродникомъ моимъ, такожде и къ Енею, и ко всѣмъ сродникомъ ево и къ людемъ нашимъ, и аще повелите сохранити домы наша и имѣнiя наша, и села наша вся въ цѣлости соблюдете, и аще о семъ вѣрно и истинно намъ подадите слово, и руку милости благородiя вашего неослабну простреше рабомъ вашимъ о всѣхъ сихъ, о нихъ же глаголю: то мы раби ваши безъ сомнѣнiя сотворимъ, да градъ сей Трою великую, и вся, яже въ немъ, владычеству вашему извѣстно предадимъ; послушати бо насъ имать Царь Прiямъ во всемъ, мы же сотво-

римъ по воли вашей, якоже повелишъ благородіе ваше.

Сія слышавъ Царь Агамемнонъ и прочіи Царіе весьма возвеселишася о словесѣхъ его, и клятву вѣрну подаша ему во всемъ, еже ничимъ же вредити ихъ, наипаче же соблюдати ихъ и благодѣтельствовати во всемъ. Антенорѣ же такожде имъ присягу вѣрну даде. Тогда Греки отпрялиша лукавнѣ послы своя ко Царю Пріяму, Уликса и Діомида, и со Антеноромъ вкупѣ отпустиша въ Трою: они же егда пріидоша ко Царю Пріяму, тогда Царь повелѣ пріяти ихъ лицемъ чести, и съ ними о всемъ Антенору и Енею дѣло посольскаго доканчанія творити. Повелѣ же абіе и посломъ онымъ палаты чудныя дати, идѣже дѣло посольства онаго совершати имутъ. Въ ту же нощь Антеноръ и Енея со Уликсомъ и Діомидомъ,

мидомъ, лукавыми послы Греческими, умыслиша Палладу изъ города Трои тайно изнести въ войско Греческое: рѣша бо, яко аще не изнесемъ изъ Трои Паллады, ничто же успѣти можемъ. Уликсъ же прилѣжно увѣдати хотя о Палладѣ, что есть; тогда явнїи они предатели отечества Антеноръ и Енея повѣдаша ему о ней явственнѣ, яко въ прежнїя лѣта, господїе, еще Царь Илїусъ, иже первѣе былъ онъ основатель Трои, той и сїю чудную хитрую вещь сотвори; состроенїе же ея бѣ отъ дре́ва не гнїюща хитростнымъ нѣкоимъ видомъ съ великими нѣкїими волшебными силами состроено. Дѣйство же имать толикїя силы, да егда оная Паллада въ стѣнахъ града донелѣже будетъ; то убо Трояне никакоже повредитися всеконечно могутъ: нынѣ же оная Паллада за стражбою жреца То-

 анта,

анта, и того ради прежде всѣхъ потщатися намъ подобаетъ о приобрѣтеніи ея, и аще возможемъ взяти ю, и изнести изъ града, то абіе Троя конечнымъ раззореніемъ низложится и погибнетъ. Тѣмъ же въ нощь сію да идемъ немедленно къ жрецу Тоанту, и его всячески умолимъ, да предастъ намъ Палладу, и въ той часъ воставше поидоша во храмъ Палладинъ къ жрецу оному, и сказаша ему вину пришествія ихъ, молящe его да предастъ имъ Палладу. Онъ же весьма отрицался, и отнюдь не хотѣлъ склонитъся на ихъ прошеніе. Царь же Уликсъ обѣща ему дати веліе количество злата, и прилѣжно належаше нанъ, такожде и Енея и Антеноръ, крѣпко принуждающе его склонитися къ волѣ ихъ; онъ же пребысть сопротивляяся имъ даже и до полунощи; послѣди же ослѣпися похотію злата, и вземъ е предаде

имъ

имъ Палладу. Уликсъ же вземъ ю, тояже нощи отсла въ станъ свой, и тако сотворше въ веселїи быша: сицево бо злодѣйство граду своему сотвориша Антенорь и Енея, и жрецъ Тоантъ, явнїи своего отечества предатели, его же Грекове никогда бы сотворити могли.

Видѣвше же Царїе пришедшїи на помощь Трои, яко Царь Прїямъ толь худъ миръ со Греки нача, отыдоша отъ Трои Прїяма оставя. Тѣмъ же Царь Филименъ, иже прежде съ двѣмя тысящами воинъ прїиде ко Трои, съ двѣмя же сты и пятьюдесятъ отыде во своя, такожде и отроковицы Пантазалеины, ихъ же со Царицею своею тысяща прїидоша ко Трои, но четыре ста ихъ съ тѣломъ ея возвратишася, такожде и инїи Царїе вси во своя царствїя возвратишася. Предре-

ченнїи же они предатели Антенорѣ и Енея прїидоша ко Царю Прїяму, сказующе ему сице: согласихомся, о Царю великїй, мирѣ учинить со Греки, еже дати имѣ сто тысящей гривенѣ злата за потраты ихѣ, и сто тысящей мѣрѣ пшеницы; на семѣ бо мирѣ содѣяся, и что ты о семѣ повелѣваеши быти, великїй Царю? Тогда Царь Прїямѣ повелѣ на семѣ словеси мирѣ онѣ присягою клятвы неподвижимо утвердити, и злато и пшеницу Грекомѣ дати. И тако по повелѣнїю Цареву послы Греческїя ко Царю Прїяму присягою клятвѣ страшныхѣ лукавнѣ заклящася; во умѣ же сице помышляюще глаголаху: нѣсть се зло, ниже укорно врага своего клятвою прельстити, аще случится; хитростнѣ бо клеПыйся, хитрость паче, нежели клятву преступаетѣ. И сицевая лукавая лестцы онїи сотворше,

прїяша

пріяша злато и пшеницу, и повелѣша на корабли своя возити. И сему сице бывшу, паки оніи прелестницы Греки со предатели Троянскими инъ образъ лукавства умыслиша; повелѣша бо сотворити конь зѣло великъ мѣдянъ тощъ. Величество же мѣднаго онаго коня бяше по размѣру вратъ градскихъ, дабы мощно ему внити во врата града, извратитися же бы во вратѣхъ ему было не возможно, умышленнаго ради ихъ сокровеннаго ими лукавства. Сотвориша же конь онъ зѣло хитрѣ, и входъ въ него сверьху быти устроиша тако лукаво, яко никако же мощно внѣшнима очима входа онаго дозрѣтися. И яко уже совершися конь онъ, молятъ вельми Греки Царя Пріама, дабы изшелъ изъ града видѣти коня онаго. Онъ же послушавъ ихъ изыде, и видѣвъ коня удивися величеству его и хитро-

 сти

сти дѣла. По семъ паки молятъ его Царіе Гречестіи, да повелитъ во градъ вмѣстити коня онаго въ честь Паллады, дабы милостива была намъ во отечествіи нашемъ отъ Трои. Царь же Пріямъ ничто же о семъ рече имъ, непщуя во умѣ своемъ лукавство быти нѣкое устроено отъ нихъ къ руганію града. Тогда вышереченніи градопредатели, Антеноръ и Еней, тако Царю рѣша: пріими, великій Царю, отъ толикихъ Царей даръ благородію своему къ лѣпотѣ града вѣчной, яко зѣло потребенъ есть къ похвалѣ величества твоего. Царь же Пріямъ послушавъ лукаваго совѣта ихъ, прія его, и тако честно отпустиша его Царіе и Князи далече провождающе, и поклонившеся ему возвратишася; онъ же отыде во градъ. По отшествіи же Царя Пріяма Греки отвезоша коня онаго, и всадиша въ него тысящу

сящу воинъ вооруженныхъ, съ ними же и Синона нѣкоего, яко начальника ихъ, во оружїи же посадиша, ему же и ключи онаго Греки даша, да заключится оттуду, и кораблеными орудїи повлекоша ко граду коня онаго. Просиша же Синона прилѣжно, да егда ощутитъ Троянъ спящихъ, тогда подастъ имъ знаменїе пламенемъ огня вожжена. Греки же егда вовлекоша коня онаго во врата градскїя, и хотяху его извратити, дабы вовлещи его во градъ, но не возмогоша, и много трудившеся ничтоже успѣша, и рекоша Трояномъ: се ужѐ мы отходимъ во свояси, вы же послѣди по отшествїи нашемъ, яко же хощете о конѣ семъ тако и сотворите, яже о немъ. И тако оставльше его во вратѣхъ отыдоша, и на корабли своя вси Греки вошедше поидоша отъ Трои. Трояномъ же зрящимъ ве-

 се-

селымъ, но послѣднее ихъ веселїе; се бо плачь неутѣшимый абїе постигнути ихъ хощетъ. Отшедшимъ же Грекомъ, и Трояномъ въ домы своя вшедшимъ въ веселїи, абїе нощь наступи. Трояне же возлегоша въ домѣхъ своихъ, и въ радости безъ всякаго опасенїя.

О разхищении Трои.

Уразумѣвъ же Синонъ Троянъ спати отшедшихъ, и безъ всякаго опасенїя почивающихъ, отомкнувъ коня онаго, знакъ Грекомъ даде пламенемъ огня.

Греки же узрѣвше оный знакъ въ молчанїи ко брегомъ присташа, и въ молчанїи паки оружїя своя емлютъ, и во градъ тихо вшедше запалиша градъ, и нападе на граж-

граждан враждебными и люты-ми душами, немилостивне мечи своими погубляя их. Вопль убо велий воста в нощном молчании от гласов убиваемых, огнь же крепце разгарашеся, поядая домы, и разсыпая палаты. Тем же Троя великая дымится, и домы великія сгоревше падают, и погибают зданія в трескающих искрах, кроме домовых предателей давших знак от зажженія; их же домы блюдоми суть.

Царь же Пріям егда услыша глас страшнаго вопля, ужасен вскочи от ложа, разумея себе быти предана от Антенора и Енеи, и одевся ризами, имиже можаше, тече во храм Аполлонов. Дым же велик восхождаше, и пламень велик разливаяся по воздуху, весь град освещаше. Убійство же гражданом вели-

нѣ умножашеся, и прежде даже день не просвѣтися, множае двадесятихъ тысящъ Троянъ мечемъ погибоша. Егда же день наста, тогда Пирръ вшедъ во храмъ Аполлоновъ, идѣже Царь Пріямъ смерти своея ждаше, нападе на Царя, и мечемъ своимъ главу его лютѣ отсѣче. И тако славный оный и великій Царь Пріямъ умре, и кровію его бо́льшая часть храма обагрися; прочихъ же людей, вбѣгшихъ въ храмъ той, Греки всѣхъ мечами изсѣкоша. На палаты же Царя Пріяма нападше, царская сокровища его грабленіемъ похищаютъ. Пирръ же Андромену жену Гекторову, и Кассандру, дщерь Пріяма Царя, earземъ отведе ихъ въ станы своя: а Менелай Елену, жену свою, изъ палатъ Царскихъ извлече, о ней же дивнѣ бысть веселъ, и отведе ю во многой радости въ шатры своя. Егда вся Царскія палаты грабленіемъ

ленїемъ изпраздниша; тогда повелѣша Царїе гражданскїя домы пограбляти, людей же не убивати. Царица же Еккуба со дщерїю своею Поликсеною бѣгающе сѣмо и овамо, ни мало вѣдяху, камо уклонитися. Бѣжащимъ же имъ срѣте ихъ Енея, ему же Царица Еккуба въ нестерпимой своей ярости тако рече: о лукавый изрядца! откуду отъ тебе произыти возможе толикая лютость и немилосердїе, яко на Царя Прїяма, отъ него же толикїя чести воспрїялъ еси, за толикую его милость привелъ еси убїйцъ къ нему, и тако отвергдся еси отечества своего и града, въ немъ же родился, и въ немъ же толико время былъ еси славенъ, да паденїе его зря не ужасаешися сердцемъ; нынѣ же хотя къ сей бѣдной Поликсенѣ яви милосердїе, и твое лукавое око ея да пощадитъ,

 да

да поне въ сицевыхъ злыхъ содѣянныхъ тобою могло бы сотворитися, сїе малое добро вмѣсто всѣхъ злыхъ твоихъ, еже соблюсти ея, да не впадетъ къ рýки Греческїя, да не убїютъ ея, или да не обезчестятъ, да подщишися о ней скоро промыслити. Къ словесемъ же Царицынымъ Енея весь подвижеся, такожде плачася Поликсену прїемлетъ, и ея незнаемо водитъ, и приведъ ея въ нѣкую ветхую стрѣльницу, и ту посади ея, и соблюдаше ю. И егда сицевая лютая убїйства во Трои творимая престаша, тогда Царь Агамемнонъ всѣхъ Царей и Князей Греческихъ призвати повелѣ, и егда прїидоша къ нему, тогда о двухъ нѣкїихъ вопроси ихъ, аще подобаетъ предателемъ Антенору и Енею соблюсти вѣру? и паки о плѣненыхъ Троянѣхъ, что подобаетъ о нихъ сотворити? Тогда вси Царїе и Князи рекоша,

яко

яко предателямъ града Антенору и Енею, ими же мы наслѣдницы быхомъ Трои, о всемъ достоитъ соблюсти вѣру, такожде и всѣхъ плѣненныхъ Троянъ достоитъ по волѣ ихъ на свободу совершенну пустити, и да ходятъ и приходятъ, яко же хотятъ. Паки же Царь Агамемнонъ грабленная богатства Троянская зѣло мудрѣ раздѣли комуждо по достоинству труда ихъ. Пирръ же хотя смерть отца своего мстити, зѣло прилѣжно Поликсену взыскуетъ, еяже ради убіенъ бысть храбрый Ахиллесъ, и Енею претителнѣ повелѣваетъ, да сыщетъ ея. Онъ же отрицашеся не вѣдѣти отнюдъ: тогда Пирръ Царю Агамемнону, и прочимъ Царемъ о Поликсенѣ на него воспомянулъ, да принудятъ его сыскати ея. Тогда вси Царіе рекоша Енею, да представитъ ю; аще ли же ни, и той да

 умретъ.

умретъ. Видѣвъ же Енея себе въ толицѣ бѣдѣ суща, представи предъ Цари Поликсену: они же отслаша ю абіе къ Пирру. Пирръ же абіе веде ю на гробъ отца своего, и тамо отсѣче главу ея, и кровію дѣвическою гробъ отца своего довольнѣ напои. Царица же Еккуба егда узрѣ убійство Поликсенино, абіе природнаго своего ума изступи, и нача метатися и наскакати на всякаго человѣка, и побивати каменіемъ ово того, ово иного, иныхъ же зубы своими кусаше обычаемъ звѣринымъ, и многихъ Грековъ уязви. Греки же率 вземше каменіе убиша ю, и насыпаша на ню могилу каменну весьма велику, и даша имя мѣсту тому Еккубино наскаканіе, еже и до днесь именуется. Енея же повелѣша Царіе вѣчно отслати, да не живетъ къ тому во Трои, занеже Поликсену крыяше повинну

винну сущу смерти. Онъ же прилѣжно просилъ Царей, да дадутъ ему время собратися со имѣніи своими: и тако Царіе послушаша моленія его, и даша ему время пожити въ Трои, донелѣже соберетъ вся имѣнія своя: даша же ему и корабли оны на отхожденіе его, въ нихъ же Парисъ во Грецію ходилъ. По семъ Царь Теламонъ и Аяксъ Елену Царицу единаче осудили на смерть, ихъ же совѣту мнози отъ Царей и Князей приложишася, и едва ю Царь Агамемнонъ и Царь Менелай, наипаче же Царь Уликсъ сладкими словесы и мудрыми бесѣдами чуднаго разума своего отъ горькія оныя пагубы возмогоша защитити, и всѣхъ Царей и Князей на сіе изволеніе привести, яко да пощадятъ ю, и по многомъ словопрѣніи своемъ рекоша Царіе: како можетъ быти право разсужде-

жденїе наше, аще пощадимъ ю? аще бо мы сами судихомъ прежде единыя ради смерти Ахиллесовы толику благородную дѣвицу, такова славнаго Царя дщерь, прекрасную Поликсену Царевну и съ матерїю ея смерти предати, нижѐ старости Царицыны, нижѐ благородїя ея устыдѣхомся, нижѐ возраста юности дѣвическїя помиловахомъ, но судъ смертный на нихъ изнесше обоихъ вкупѣ умертвихомъ, нижѐ паки Енею Князя толико намъ послуживша въ завладѣнїи Трои пощадѣхомъ, но въ заточенїе вѣчно отслахомъ, сего ради, яко токмо крыяше ихъ, таково осужденїе на него изнесохомъ. Помыслимъ убо опаснаго разсужденїя совѣтомъ, колико благородныхъ Греческихъ Царей и Князей Елены ради умертвишася, и колико прочихъ воиновъ для прїобрѣтенїя ея погибоша: чесо же ради она сама жива будетъ, и не

умретъ

умретъ такожде? Уликсъ же Царь вельми премудрыми словесы удержа Царя, и понуди ихъ сотворити надъ нею милость. И тако Царіе совѣтомъ Уликса Царя отъ гнѣва онаго умягчишася, и Царицу Елену простиша, и свободу совершенну ей дароваша. Царь же Агамемнонъ и Менелай Уликсу Царю о семъ многая благодаренія воздаша, обѣщевающеся къ тому всякимъ добродѣтельствомъ животъ его соблюдати. Пирръ же Андромену, жену Гекторову, въ жену себѣ взялъ, а Кассандру, дщерь Пріяма Царя, вси Царіе и Князи Царю Агемемнону, начальнику своему и воеводѣ, во мзду труда его поручиша.

О СМЕРТИ ЦАРЯ ТЕЛАМОНА И АЯКСА.

По взятіи убо града Трои, Греком не могущим отыти от Трои ради зѣльныя бури и свирѣпства вѣтров, Теламон жалобу изложи на Уликса Царя пред Цари и Князи, глаголя, яко в раздаемых грабленных сокровищах Троянских зѣло бѣ равен чин храним, в даяніиже Палладинѣ не бѣ равен чин храним, зане Паллада Уликсу бѣ поручена, иже толикія мзды не бѣ достоин, он же того лишен, его же ради храбрости и немалых трудов все войско Греческое во изобиліи пребываше, зане аз (рече) храбростію сил моих Царя Полимнестра убив, вся благая его в войско Греческое привезох, в егоже стражбу приставил Царь Пріям сына своего Полидора: тому Поли-

Полидору отъ мене такожде убїе-
ну бывшу, богатство его все въ
войско же Греческое привезохъ,
и оттолѣ войско наше во своихъ
провїантахъ зѣло преизобильство-
вало: потóмъ же вся окрестная
царства крѣпцѣ повоевахъ, Гар-
гаръ, и Крепизїю, Ариссу и Ра-
ризду, и прочая вся около ихъ
добрѣ обладахъ, вся же паки бла-
гая въ войско Греческое привезохъ
отъ всѣхъ странъ тѣхъ, и от-
толѣ ужѐ все войско наше въ ве-
ликомъ изобилїи пребываше, и
вкратцѣ рещи, ни единъ инъ тако
во всемъ войскѣ Греческомъ толь
доблъственнѣ сотвори, якоже азъ
самъ со Ахиллесомъ многая побѣ-
дительная совершихъ. А сей Уликсъ
Царь поистиннѣ не имѣя всякїя
храбрости воинскїя, единымъ ток-
мо плодорѣчїемъ цвѣсти и преиз-
быточествовати видится, и аще
онъ речетъ намъ, яко его про-
мысломъ Трою прїобрѣтше одер-
жахомъ,

жахомъ, и то не отъ силы его и храбрости содѣяся, но отъ измѣнныхъ и лживыхъ словесъ его, и сего ради вѣчныя укоризны безславіемъ постраждемъ во языцѣхъ и Троянѣхъ; ихъ же бы могли силою нашею побѣдити, тѣхъ побѣдихомъ неправеднымъ умышленіемъ и лестію. И тако Теламонъ слово свое скончa. Уликсъ же къ словесемъ Теламоновымъ смѣло отвѣща: господине Теламоне! ты ли своею храбростію Троянъ побѣдилъ еси, или промысломъ мудраго ума твоего Трою низложилъ еси? Никакоже, но аще не бы азъ единъ былъ въ войскѣ семъ въ велицѣ промыслѣ ума своего, то еще бы Троя во своей твердости стояла, и граждане бы ея еще были въ крѣпости своего чина. Поистиннѣ, господине Теламоне, не твоею такожде силою Грекомъ Паллада снискалася, но паче моимъ прилѣжа-

лѣжаніемъ и мудростію сіе сокровище Грекомъ обрѣтеся; ниже бо доселѣ тебѣ самому, ниже прочимъ Грекомъ, ниже самѣмъ Трояномъ вѣдома сея силы мощь, какова бѣ. И того ради самъ азъ вельми тайнѣ и зѣло крѣпцѣ о семъ потрудихся, яко Палладу ону взяхъ, и въ войско Греческое приведохъ, и отъ сего мудраго и попечительнаго моего промысла всѣмъ намъ владычество града приобрѣтеся. Егда же Уликсъ слово свое скончa; тогда Теламонъ и Аяксъ словесы досадными наскакаше крѣпцѣ на Уликса: Уликсъ же единаче противу его. Тѣмъ же между собою быша славніи врази, Теламону явѣ глаголющу: нужда есть, да отъ моихъ рукъ Уликсъ срамнѣ умретъ. И егда угодися Царемъ Агамемнону и Менелаю поставити ихъ на судѣ и судити, кто отъ нихъ единъ Палладу да имать, Теламонъ,

или Уликсъ; тогда мнози отъ Царей крѣпцѣ глаголаху о одержанiи Палладинѣ, Теламону быти достойнѣе Уликса; но Царь Агамемнонъ и Царь Менелай Палладу ону Уликсу отсудиша, Теламона же отщетиша. Болѣзнуетъ убо сердцемъ Теламонъ о неправедномъ ономъ судѣ, яко неразсмотрительнѣ о немъ сотвориша Агамемнонъ и Менелай, сего ради, яко Уликсъ Елену словесы премудрости своея отъ рукъ того Теламона и прочихъ Царей избави; они же на Теламона о семъ гнѣвающеся, Уликсу же благодать воздающе, тако не праведнѣ сотвориша. Тѣмъ же Теламонъ крѣпцѣ на нихъ негодуя сердцемъ, къ тому паки себе глаголетъ имъ быти главнаго недруга. По семъ же дню оному скончавшуся и нощи прошедшей, и утру настоящу, обрѣтеся тоя нощи на постели своей убiенъ

Тела-

Теламонъ и Аяксъ, и тѣло на многихъ мѣстѣхъ изсѣчено. Вопль убо велій по всему войску бываетъ о смерти Теламоновѣ. Греки лютѣ болѣзноваху, вину истиннаго безчеловѣчія на Агамемнона Царя и Менелая возлагающе, наипаче же на Уликса. Пирръ же Уликсу многая изрече словеса прещительная, и того ради Уликсъ о смерти своей уповаше паче, неже о животѣ. Въ нѣкую же нощь зѣло темну Уликсъ тайно въ кораблѣхъ своихъ отыде отъ Трои, Діомиду другу своему Палладу оставя. По семъ же Пирръ лаятельство творяше Агамемнону и Менелаю о смерти Теламоновѣ и о бѣжаніи Уликсовѣ поппязая ихъ, и они такожде Пирру лаятельство творяху, и сего ради быша между собою главныи врази. Пирръ же тѣло Теламоново огнемъ сожещи повелѣ, и пепелъ

его

его въ сосудъ златъ собрати, и запечатавъ печатїю своею, въ сущее его царствїе отслати повелѣ.

О сокрушении кораблей греческихъ.

Во оно же время бѣ во Грецїи Царь нѣкїй великъ и благороденъ, именемъ Наулъ, и богатъ весьма, имѣя воинство великое и храброе; царство же державы его во Грецїи долгото ю великою и широтою во вся страны на мнозѣ протязашеся; многолюдно же вельми царство оно бяше и богато. Сей же Царь Наулъ, о немъ же нынѣ слово есть, имяше во время Троянскїя брани сына два, отъ нихъ же перьвородный нарицашеся Паламидъ, мужъ многїя храбрости и

и смѣльства на брани, иже бысть нѣколико время на бранѣхъ Троянскихъ воеводою всего Греческаго ополченія: таможе онъ Паламидъ въ бранномъ ополченіи послѣди умре. Другій же сынъ Наула Царя именемъ Оетесъ, во время Троянскія брани во царствіи со отцемъ своимъ бѣ. По смерти же Паламидовѣ воини его пріидоша въ землю свою, и на Грековъ Царю своему зѣло лукавну лжу сплетше сказаша, и духъ его возмутиша, и къ ненависти Греческѣй крѣпцѣ его поостриша образомъ сицевымъ: рѣша бо ему Паламида на брани быти убіена, но сокровенно и тайно отъ Уликса Царя, и сообщника его Діомида, наученіемъ Агамемноновымъ и Менелаевымъ. Умыслиша бо предреченные слагатели двѣ лживыя грамоты написати, едина бяше Паламидова отъ лица его ко Царю

рю

рю Прїяму написана; въ грамотѣ же оной слово сицево бѣ, яко прислалъ еси, великїй Царю Прїяме, по завѣщанїю нашему оное количество злата, и азъ прїяхъ его отъ посланника твоего цѣло, и се готовъ есмь волю твою творити, яже о предательствѣ Греческаго войска: тыже паки да возвѣстиши ми писанїемъ, въ кое время самъ готовъ будеши съ воинствы, яко да и азъ увѣдавъ сїе, великъ ти поспѣшникъ буду на враги твоя, и крѣпокъ ратникъ обрящуся на злобу ихъ. Въ другой же лукавствомъ ихъ ссставленной грамотѣ, яже написана бяше отъ лица Царя Прїяма, сицево лукавство составлено бѣ: якоже писалъ еси, господине Паламиде, что воспрїялъ еси посланнсе отъ мене оное количество злата цѣло, еже азъ послахъ ко благородїю твоему, и сего ради, вселю-

вселюбезный, потщися сотворити по обѣщанїю твоему, да не замедлитъ настоящей нашъ залогъ къ совершенїю дѣла прїити. И аще сицевая сотворимъ, то совершенную отъ мене добродѣйства своего мзду воспрїимеши: азъ же къ твоему благородїю готовость мою паки писанїемъ возвѣщу. И сїя лукавыя грамоты предреченнїи лестцы они сложивше, къ странѣ нѣкоего Троянскаго убїеннаго воина приложиша тайно, и отыдоша. Егда же сицевая лукавствїя сотвориша; тогда Уликсъ Царь повелѣ къ себѣ призвати секретаря Паламидова, и обѣща ему дати велїе количество сребра да злато оно подъ возглавїе постели Паламидовы тайно сокрыетъ. Секретарь же съ радостїю обѣщася ему сицевая сотворити. Уликсъ же даде ему насыпанъ сосудъ злата, егоже число бѣ противу предреченныхъ онѣхъ

грамотѣ, и отнесе его въ шатеръ Паламидовъ, и время улучивъ, тайно сокры его въ возглавіе постели Паламидовы, оному ничто же вѣдущу. И егда сія соверши секретарь Паламидовъ, пришедъ ко Уликсу сказа ему, яко повелѣніе его совершилъ есть, и обѣщанное ему сребро пріяти прошаше. Уликсъ же абіе въ томъ же мѣстѣ повелѣ его убити: послѣди же грамотамъ онѣмъ отъ Грековъ обрѣтеннымъ бывшимъ и прочтеннымъ, Греки не сомнѣвающеся о Паламидовой измѣнѣ, пріидоша къ шатру его, и повелѣша всѣ вещи его изыскати, и обрѣтоша оное злато въ томъ числѣ, еже предреченныя грамоты содержали. И сего ради Греки зѣльнѣ разгнѣвашася, и душами своими крѣпцѣ огорчившеся, на Паламида враждебно напасти восхотѣша, и яко предателю сицевая съ яростію

стїю рекоша ему : тако ли, Паламиде, добрѣ правиши воеводство твое, да толико благородныхъ Царей и Князей со всѣми воинствы ихъ злата ради сего на заколенїе предаеши? что убо помышляеши, или кое оправданїе принести можеши? сама бо злоба сотворенная тобою довольнѣ обличи тя. Паламидъ же противу словесъ ихъ смѣло отвѣча : тако ли и вы праведни мнѣ явистеся быти судїи, съ толикою яростїю пришедше обесчестити мя, ничтоже зло сотворша? Укористе мя не испрошавше, ни истинны уразумѣвше, и осудисте мя ужè толикимъ гнѣвомъ лютости своея подвигшеся, яко и предателемъ нарекосте мя, и воинства Греческаго совершеннымъ отступникомъ, и явныя измѣны дѣйственникомъ; но убо аще вы и не хощете, но азъ самъ о себѣ

дамъ избавленъ бысть отъ Грекъ. Гекторъ же паки къ тѣлу Патрокла Царя пріиде, еще хотя ограбити оружія его, и сего ради сниде съ коня своего, и за узду единою рукою конь свой держа, начатъ обнажати его. Но Царь Мереонъ паки съ тремя тысящами воинъ нападе на Гектора, и самъ Царь, и сущіи съ нимъ мечи своими поражаху его. Гекторъ же видяще себѣ быти пѣша, брани же смертнѣ палящей, силы къ силамъ собираетъ, и мечемъ своимъ отъ нихъ мужески себе защищаетъ, и многихъ Грековъ убиваетъ и ранитъ. Но Князь Несторъ со Артилогомъ, сыномъ своимъ, и со иными двѣмя тысящами воинъ Мереону Царю въ помощь пріидоша противу Гектора, и крѣпцѣ боряху его, и коня у него ужѐ отъемше отведоша; Гекторъ же съ ними пѣшъ крѣпцѣ боряшеся. Родныяжъ дѣти

Царя

Царя Пріяма, братія же Гекторовы, иже въ полку его бяху съ нимъ вкупѣ воеводствующе, войско свое видяще аки побѣждаемо, а Гектора не видяще, сходятся прилѣжно и ищутъ его въ полцѣхъ; и яко къ мѣсту оному приходятъ, узрѣша Гектора пѣша противу толикихъ конныхъ борющася, и вельми ужасошася. Нападше убо на Грековъ зѣло сильнѣ полкъ онъ возмятоша, и въ бѣгство абіе обратиша; Динадаронъ же единъ отъ братій Гекторовыхъ крѣпцѣ належаше на Грекъ онѣхъ заключившихъ Гектора, и тридесять мужей уби отъ нихъ, прочіи же разбѣгошася. Трояне же приступльше отвсюду, окружиша Гектора; единъ же отъ братій его, именемъ Симборъ, нападе на Паликсіона нѣкоего Греческаго нарочита и дивна, на нѣкоемъ мощнѣ и сильнѣ жребцѣ ѣздяща, и его копіемъ

своимъ

и умертвиша его, и тояже нощи въ молчанiи къ шатромъ своимъ ускориша. Сего ради Царь Наулъ и сынъ его Оетесъ о смерти Паламидовѣ люпѣ болѣзнующе, пути многiя взыскуютъ, ими же бы могли противны быти, да о смерти сына и брата ихъ на Грековъ возстати имутъ крѣпцѣ, и желаемое свое возмогутъ надъ ними наслѣдовати отмщенiе. Слышаша бо, яко Греки въ зиммее время пути своему вдашася, и тако умыслиша на нихъ сицевъ лукавства образъ къ погубленiю ихъ; нужда бо бѣ Грекомъ возвращающимся во своясы мимо царства Наулова итти, и того ради въ нощныя темноты на горахъ близъ каменныхъ ярыхъ мѣстъ прельщенiя ради повелѣша возжизати великiя огни, да прельщени будутъ Грекове во тьмахъ нощныхъ, мняще ту быти мирная пристанища, и уклонятъ ко-

корабли своя безъ всякаго бреженія , и ту да погибнутъ безъ останковъ , еже и бысть. болѣе бо тамо двою сотъ кораблей и съ людьми погрязоша , прочіи же корабли , послѣдующія имъ , слышаще на томъ мѣстѣ сокрушеніе корабленное , далече отъ мѣста онаго уклоняющеся бѣжаху , въ нихъ же бѣ Царь Агамемнонъ , и Менелай и Діомидъ, иже корабленаго онаго сокрушенія и лютаго истопленія избавишася, и во своя царствія здрави достигоша.

О СМЕРТИ ЦАРЯ АГАМЕМНОНА.

Предреченный же Оетесъ или Пелей, зане двою имяны нарицашеся, сынъ Наула Царя, Агамемноновы и Діомидовы желая смерти, или тяжкихъ ихъ поги... ко Клитемнестрѣ Цариц...

Агамемнонове, [еще не пришедшу Агамемнону Царю во свое царство] посла своего прислалъ, и грамоту свою съ нимъ, имѣющу образъ написанія сицевъ; да вѣсть благородіе твое, прекрасная Царице, яго Царь Агамемнонъ мужъ твой, едину отъ дщерей Царя Пріяма Троянскаго любя зѣло, ведетъ во свое царствіе, а тебе сущую свою истинну Царицу, не ложно хощетъ смерти предати. И того ради, преславная госпоже, щадя благородіе твое, сицевая возвѣщаю ти, яко да отъ сказанныхъ ловитвъ мужа твоего брежнѣ опасаешися, да не напрасно погибнеши. Повѣривъ же Клитемнестра Царица писанію Нетесову, любовныя ему о семъ благодаренія воздаетъ, на Агамемнона же Царя ненавистну и тяжку мысль стяжа, наипаче же сего ради, яко и прежде ...анія Оетесова ненависть

пи-

писаше ко Агамемнону вины ради сицевыя: сія бо Царица Клитемнестра по отшествіи мужа ея Царя Агамемнона, оставивъ благородства своего стыдъ, расторгнувъ бракъ, обесчестивъ Царскій санъ, согрѣшивъ на законъ, и укорное прелюбодѣйство сотворивъ, сообщила любовь свою съ нѣкоимъ Егистомъ, и толико Клитемнестра Царица разжеся во Егистову любовь, яко зачатъ отъ него и роди дщерь, Еригону именемъ. И того ради сама крѣпцѣ гнѣвашеся отъ писанія, еже писа ей Орестъ на мужа ея; такожде и стыдѣніемъ дерзности своея срамляшеся, еще же и сего бояшеся, да не лишена будетъ отъ сообщенія любве Егистовы. Аще бо Егистъ и не бяше Царскимъ, ни Княжескимъ, ни Комитскимъ благородіемъ украшенъ, но женское скотолѣпное и необузданное стремленіе, еже любитъ влещися

къ нижайшимъ поползновеніямъ похоти своея во услажденіе. Не внимаютъ бо ни о чемъ сице, егда въ блужденіе своего тѣла поползнутся, нижѐ честемъ, нижѐ славѣ, нижѐ благородію, нижѐ дѣтопитательству, нижѐ помнятъ брачнаго союза, нижѐ любве мужескія, нижѐ помышляютъ грѣха, нижѐ укоризны, нижѐ смѣха, нижѐ самыя смерти, но вся сія въ мерзость въ нечувствіи своемъ погрузившеся полагаютъ, и токмо къ единому прилѣжно устремленію плоти своея бодрствуютъ, нощію и днемъ въ семъ упражняющеся, и присно во умѣ своемъ помышляюще мужнее умертвіе, и неистоваго своего рачителя любленіе. Егда же Царь Агамемнонъ отъ морскихъ озлобленій здравъ избысть, дойде благополучно во свое царствіе, и ужѐ къ готовому своему приста истопленію, срѣте его оная лукавая

кавая ехидна, образомъ лицемѣрія и лъсти отвсюду граждена, и пріемъ его рукама своима, притворнѣ цѣлова и плакася, и многія виды прелестныя любве являющи, внутрь же смертнаго убійства ядъ ему крыяше, и начатъ ему крѣпцѣ ласкати, глаголющи: да причастится въ веселіи съ нею брашна и питія, да возвеселимся днесь, господине, о пришествіи благородія твоего, яко многое, рече, время не видѣхъ царскаго преславнаго лица твоего, ниже паки отъ многихъ лѣтъ наслаждахся сладкоглаголивыя бесѣды устъ твоихъ, ниже паки отъ разстоянія толика времяни со благородіемъ твоимъ насладихся любовію союза брачна; нынѣ же зря благородія твоего величество радуюся духомъ, яко получихъ желаніе мое. Тѣмъ же отъ великія оныя радости пришествіе твоего благородія поминая, чувствую внѣ себя

отъ веселія; и сицевая прелестныя глаголы вѣщая, упоила его, и возлеже спати на ложи своемъ. И егда Царь Агамемнонъ отъ морскихъ озлобленій утружденъ сый, къ тому же и виномъ упився, успе зѣло крѣпко; тогда Егистъ нападе нань, и удавленіемъ смерти предаде его. Не по мнозѣ же времяни Клитемнестра Царица Егиста онаго въ мужа себѣ поятъ, и сотвори его Царемъ во Агамемноново мѣсто. Царю же Агамемнону остася сынъ во отроческихъ лѣтѣхъ, отъ сея Царицы Клитемнестры рожденъ, именемъ Орестъ, егоже Царь Тальсибій, сродичъ его, [бояся безумія Егистова, да не убіетъ его Егистъ, якоже и отца его,] тайно восхитивъ ко Царю Идуменею Критскому отсла, и тамо пребывая живяше до лѣтъ возраста юношества своего.

О изгнанiи Дiомидовѣ.

Той же паки Оетесъ, сынъ Наула Царя, къ Эгеѣ, Дiомидовѣ женѣ, тѣмъ же паки чиномъ приступи, иже мысль Клитемнестрину о своемъ мужѣ вѣрити наведе, и такожде посла своего къ ней съ грамотою прислалъ. Сiя же бѣ дщи Полиниса, Царя Аргивскаго, и имяше у себе брата Ассандра. Умершу же отцу ихъ Полинису, раздѣлиша между собою царство Аргивское: Ассандръ убо во своей половинѣ царствiя живяше, Эгея же во свою половину царствiя прiятъ въ мужа онаго Дiомида. Но егда братъ ея Ассандръ пойде въ войско Греческое съ Дiомидомъ, сестры своея мужемъ, и прiидоша они въ землю Царя Толефа: тогда Царь не восхотѣ дати имъ путь чрезъ свою державу, и изыде во срѣтенiе ихъ во множествѣ воинъ.

Ассандръ

Ассандръ же многихъ уби отъ нихъ; Царь же Толефъ не могій терпѣти бываемыхъ отъ Ассандра на брани, веземь копіе, Ассандра смертнѣ уязви, и мертва съ коня сверже, еже видѣвъ Діомидъ, яростенъ вдася промежъ воиновъ Царя Толефа, и многихъ уби отъ нихъ. Послѣди же тѣло Ассандрово отъ ногъ конскихъ силою изъятъ, и въ шатры своя отнесе. И сія бѣ рѣчь истинна, яже о смерти Ассандровѣ, брата Эгеина. Оетесъ же, сынъ Наула Царя, въ писаніи не тако ей сказа, рече бо, яко убитъ бяше Ассандръ наученіемъ Діомидовымъ, сего ради, дабы и другая половина царства Аргивскаго, ею же Ассандръ владычествова, Діомиду же была бы подручна, имъ же бы совершенъ владѣтель нарекся царства Аргивскаго. Эгея же тако любляше Ассандра, брата своего, яко вельми паче желаше своея половины лишити-

шитися царства, нежели Ассандра мертва слышати: и сего ради ненавистну мысль на Дїомида воспрїя; умысли бо съ людьми Аргивскими Дїомида въ царство свое не прїяти, еже и сотвори. Дїомидъ же егда прїиде въ царство свое, тогда повеле́нїемъ жены́ его вси граждане изшедше на него со оружїемъ, отслаша его отъ земли́ своея. Дїомидъ же видя несчастїе сїе, внезапу на него нападшее, удивися, и въ недоуме́нїи бывъ отыде, ничто же могїй сотворити имъ, и живяше се́мо и овамо преходя, яко же не́кїй хищникъ скитаяся.

Енея же по повеле́нїю Царей и Князей Греческихъ остася въ Трои, чинити корабли своя, въ нихъ же бы опыти ему; и того ради еще ему ту пребывающу, многая бранная нашествїя претерпе́ваше отъ живущихъ окрестъ

Трои

Трои иностранныхъ насельникъ, покушающихся Троянскія остатки разграбити, ихъ же Енея ополченіемъ своимъ сильнѣ защищая, рати творяше съ ними, его же Трояне крѣпцѣ держахуся, и моляху, да не оставитъ ихъ въ день толикаго оскорбленія ихъ, но да и владычествуетъ ими, защищая ихъ отъ враговъ ихъ. Енея же глаголаше имъ: не мощно ми есть тако сотворити, и навести туне бѣду сію на себе самого, и на всѣхъ васъ; сами бо вы добрѣ вѣсте, яко отъ вашего сожитія вѣчнѣ отосланъ есмь, и аще не отыду, и буду здѣ владычествуя вами, презрѣвъ повелѣніе толикихъ Царей и Князей, тогда услышавъ сіе Царіе, яко не токмо отыдохъ отсюду, но ужѐ и владычествую вами, идѣже ми жити просто не повелѣно есть, въ дерзость быти велику вмѣнятъ дѣло се, своему же

бла-

благородію въ безчестіе напишутъ дернутіе наше, и пошлютъ воинства своя, и изсѣкутъ всѣхъ насъ, и никтоже будетъ помогаяй намъ, или изимая насъ отъ оружія ихъ, и того ради всячески съ вами быти не могу, совѣтъ же мой даю вамъ, аще хощете послушати: послите убо по Діомида Князя, мужа суща сильна, иже нынѣ изгнаніе терпитъ, моляще его да пріидетъ сѣмо, и да господствуетъ надъ вами. И аще онъ послушаетъ моленія вашего, и пріидетъ; то поистиннѣ защититъ васъ отъ враговъ вашихъ. Они же послушавше совѣта Енеина, съ радостію идоша по Діомида, моляще его, да пріидетъ къ нимъ, и владычествуетъ ими. Онъ же съ радостію послушавъ моленія ихъ, пріиде съ ними ко Трои, его же Енея пріимъ радостнѣ цѣлова; прочіи же Трояне въ господина его себѣ воспріяша радо-

радостно. Во утрій же день Енея и Діомидъ противу враговъ на ополченіе препоясуются: горитъ убо въ нихъ жестоко ополченіе, еже чрезъ седмь дней непрестанно продолжалось.

Во осмый же день храбрый Діомидъ во мновѣ ополченія коварствѣ враговъ своихъ отвсюду сильнѣ заключи, и безчисленное ихъ множество мечемъ посѣче, и многихъ отъ нихъ живыхъ изыма, и больши осми сотъ воиновъ къ разнымъ висѣлицамъ пригвоздивъ, наложи къ тому страхъ великъ и трепетъ врагомъ Троянскимъ, покушающимся остатки Троянскія разграбити. И того ради врази Троянстіи вси умолкоша, не смѣюще стужати имъ. Слышавше сіе жена Діомидова, яко Діомидъ отъ Троянъ пріятъ бысть, и какову казнь наложи врагомъ Троянскимъ, убояся вельми, да

не

не како Діомидъ собравъ силу ратную пріидетъ на царство ея и поплѣнитъ. Сего ради умысли со гражданы своими послати по Діомида съ великимъ моленіемъ, да возвратится во свое царство, и прощеніе подастъ имъ о приключившихся къ нему прегрѣшеніяхъ ихъ. Также и жена его написа ему сице: молю тя, рече, пресвѣтлый и дражайшій господине мой, да не прогнѣваешся на мя благородіе твое, воспоминая дерзость безумія моего; вѣмъ бо добрѣ, яко зѣло прогнѣвахъ тя, послушавъ совѣта злыхъ крамольниковъ, ищущихъ погибели нашея, и глаголющихъ мнѣ лукавая на благородіе твое, но во всемъ явися самая истинна дѣяній твоихъ чудныхъ, оболганіе же оное принесенное ми явѣ обнажися къ стыдѣнію лица моего, яко неразмотрительнѣ нанесохъ безчестіе пресвѣтлому

лицу

лицу твоему, и осуетихся горестію печали безумныя. И того ради прилѣжнѣ молю благородіе твое, благоволи, яко премудръ и чуденъ, помиловати безуміе моего прегрѣшенія, и прости ми неправду мою, и возвратися въ радости во свое царство; азъ бо, пресвѣтлый мой и сладчайшій господине, въ радости со стыдѣніемъ лица̀ моего пріяти жду тя. Посла же къ нему и Оетесову лукавую грамоту; и егда пріидоша послы жены̀ Діомидовы къ нему, и падше поклонишася ему, и вдаша ему посланныя грамоты отъ жены̀ его и отъ гражданъ, и грамоту онаго лукаваго Оетесова умышленія. Діомидъ же пріимъ грамоты оны, и добрѣ уразумѣвъ отъ нихъ вину изгнанія своего, зѣло возрадовася, и вся прегрѣшенія жены своея и гражданъ своихъ съ радостію отпустилъ имъ, и возврати-

вратися съ ними въ радости во свое царство. Такожде и Енея отыде отъ Трои, и камо уклонися, настоящая исторія не изъявляетъ; но аще кто хощетъ о семъ извѣстное вѣденіе имѣти, да чтетъ Виргилія.

О ОТМЩЕНИИ СМЕРТИ АГАМЕМНОНОВЫ.

Орестъ же, Агамемноновъ сынъ, живяше у Идуменея, Критскаго Царя, и пріиде въ возрастъ юношества своего; бяше бо ему лѣтъ двадесять четыре, и ужѐ воинъ храбрый являшеся. Молитъ Царя Идуменея убо, да дастъ ему помощь воинства на Егиста, еже бы пріяти отъ рукѝ его царство Месенаиское, отца своего. Царь же Идуменей послуша

слуша его, даде ему тысящу воинъ. Не по мнозѣ же времени Орестъ и другую тысящу воинъ къ первымъ присовокупи, и во градъ Троезу смѣлъ вниде, идѣже Царь Өоренсинъ живяше. Сей же Царь Өоренсинъ Царю Агамемнону сердечною дружбою и сладкою любовїю союзенъ, и ненавистенъ бѣ Егисту; вина же ненависти его сицева бѣ, яко той Царь сообщивъ любовь со онѣмъ Егистомъ, восхотѣ дати за него дщерь свою. Егистъ же любве ради Клитемнестрины отъ дщери его уклонися, книгу ей распустную посла; и того ради Царь Өоренсинъ молитъ Ореста, да въ сообщенїе его съ тремя тысящами воинъ прїиметъ себе въ помощь на Егиста. Орестъ же о семъ Царю Өоренсину много благодарствова; и тако Орестъ съ воинствы своими прїиде къ Месенайску граду, и ту во градѣ мати его бѣ, Егиста

же

же во градѣ не обрѣте; иде бо Егистъ собрати воинство противу Ореста для защищенія града. Орестъ же егда пришедъ обступи градъ отвсюду съ великимъ утвержденіемъ, да не избѣгнетъ отъ него никтоже: воинства же своего половину посла на срѣтеніе Егисту, и повелѣ битися съ нимъ, самъ же о взятіи града весьма прилѣжаше. Во едину же отъ нощей, спящу Оресту, явишася ему бози во снѣ глаголюще, яко вскорѣ пріимеши градъ отца твоего, и царство его, токмо руками своими надъ матерію своею сотвори отмщеніе смерти отца твоего. Орестъ же имъ тако обѣщася сотворити. Бысть же егда возвращашеся Егистъ съ воинствомъ своимъ, и крѣпцѣ скоряше защитити градъ, внезапу впаде въ руцѣ воиновъ Орестовыхъ, иже спустивше съ ними брань поимаша

Егиста, и вся воины его мечи изсѣкоша, самого же связна ко Оресту приведоша. Возвеселился же о сихъ Орестъ, и крѣпцѣ облеже градъ, иже не бяше крѣпцѣ утвержденъ: и того ради гражданомъ трудно бѣ зѣло защищати его. Орестъ же крѣпцѣ разворяше его отвсюду, яко граждане не можаху терпѣти ужѐ нощныхъ и дневныхъ нападенїй. Въ пятый же надесять день совсѣмъ отъ ополченїя престаша, и градъ отъ Ореста взятъ бысть. Вниде же Орестъ во градъ плѣненный, и въ палату царскую вшедъ на престолъ отца своего сяде, и повелѣ привести предъ себе матерь свою, ея же не видяше. Приведеннѣй же ей бывши, Орестъ съ яростїю скочивъ съ мечемъ на ню, и своими руками сосцы ея оттор-же, и на землю поверже, и чрево ея мечемъ прободе, и вся внутренняя ея на землю испроверже, и

тако

тако повелѣ извлещи трупъ ея внѣ града, и поврещи въ ровъ на снѣденіе псомъ; а Египта коньми по граду влачима повѣсити повелѣ, такожде и иныхъ вельможъ Месенайскихъ, иже на смерть отца его Царя Агамемнона со Египтомъ дышаху, люпыми казньми смертными осуди. И тако отъ злодѣйства онаго изчищену бывшу Месенайскому граду, Орестъ мирно ужè съ граждaны своими нача жити, и царствовати надъ ними. Не по мнозѣ же времени Царь Менелай, дядя Орестовъ, братъ же Агамемнона Царя, отца его, поимъ съ собою нѣколико Царей и Князей пріиде ко Оресту во градъ Месенайскій, и предъ Цари онѣми и Князи державными Ореста со многою зѣльностію крѣпцѣ истяза, и отъ царствія изметаше, глаголя: не достойно ти есть такову сурову и безчеловѣчну мучителю власть царскую имѣ-

 ти,

ти, и на престолѢ благороднаго отца своего сидѢши, яко толику лютость и немилосердїе своими руками надъ матерїю своею показалъ еси, и самъ себе воспрїятїя отча престола недостойна сотвори. Орестъ же отвѢщавъ рече ему сице: почто, господине мой, гнѢваешися на мя? аще бо азъ и сотворихъ таковая злая надъ матерїю своею, и то поистиннѢ не своею волею, нижѐ гнѢвомъ мучительства коего подвигохся, но сами бози повелѢша ми надъ нею смерть благороднаго моего отца своими руками жестоко отмстити: и тако сотворихъ азъ, по волѢ ихъ не возмогохъ бо противитися имъ? Ты же почто порицаеши мя, господине, самъ сопротивляяся волѢ ихъ? Тогда вси Царїе и Князи слышавше сїя, рѢша Менелаю: поистиннѢ достоинъ есть Орестъ на престолѢ отца своего быти, яко сотвори

ри сія по власти и по повелѣнію боговъ. Такожде и самъ Царь Менелай миръ крѣпокъ подаде Оресту: даде же ему и Ермонію дщерь свою въ жену, и утвердивше царство Оресту, сами во своя царствія паки отыдоша.

О пришествии Пиррове отъ Трои.

Толика поприща словесъ настоящая исторія сія прейде, и путемъ своимъ еще грядущи къ Пирру достиже, вечеряти съ нимъ, и глаголати о немъ. Сей убо Пирръ отца имѣ у себѣ Ахиллеса, дѣда же Царя Пелея. Той же Царь Пелей дѣдъ его, имѣ у себе Царицу именемъ Ѳетиду, матерь Ахиллесову, бабу же Пиррову. Сія же Ѳетида Царица имѣ у себе отца Царя Акаста: тойже паки Царь Акастъ имѣ у себе двух сыновъ, братію Ѳетидину,

дину, единъ звашеся Полестенъ, а другій Менаплитъ. По отшествіи же паки Ахиллесовѣ и Пирровѣ во войско Греческое, Царь Акастъ, прадѣдъ Пирровъ, съ сынами своими изгна Царя Пелея, дѣда Пиррова, отъ царства Ѳессалійскаго, на Пирра же ловленіе умысли сотворити, егда возвратится отъ Трои. Царь же Пелей егда изгнанъ бысть, побѣже изъ града, и въ лѣсахъ нѣкоихъ въ потребныхъ зданіяхъ крыяшеся, ожидая пришествія Пиррова, когда возвратится отъ Трои; не доумѣвашебося, что сотворити, и въ печали велицѣй пребывая, ждаше Пирра, и пришедъ на брегъ моря своимъ мѣряше зракомъ, аще Пирра видѣти может, и паки обращашеся въ предреченное оное потаенное зданіе. Еще же и бояшеся крѣпцѣ, да не усмотрятъ его нѣціи, и возвѣстятъ о немъ Царю Акасту, и умретъ; не далече

лече бо лѣсы оны бяху отъ царства Ѳессалійскаго, яко осмь поприщъ: часто же въ нихъ сынове Акаста Царя ловитвы ради звѣрей прихождаху, и ту ловы своя дѣюще возвращахуся. Пирръ же егда возвращашеся отъ Трои, и близъ уже царства Ѳессалійскаго пріиде, ничто же отнюдъ о невгодіи семъ вѣдущи, и се внезапу рыболовъ нѣкій пришедъ къ Пирру рыбу нѣкую велику зѣло, яко бы почести ради принесе Пирру, и вся случившаяся безъ него въ Ѳессаліи подробну ему возвѣсти. Пирръ же паки попроси его: гдѣ есть нынѣ Царь Пелей? Онъ же отвѣща, не вѣмъ. Пирръ же рече ему: буди нынѣ рука твоя со мною; не повѣждь о мнѣ ничтоже во градѣ, азъ бо воздамъ ти за доброту твою возмездіе достойно, егда минетъ неправда сія. Онъ же отвѣща ему: ей, господино мой, яко же повелѣлъ ми еси;

сотворю; и тако Пирръ отпусти его, и отыде. По отшествіи же его нача Пирръ помышляти, како можетъ животъ свой отъ толикихъ навѣтовъ избавити, и не доумѣвашеся. Приста же съ корабли своими къ лѣсамъ онѣмъ, и веземъ мечь свой препояса его, и изыде единъ въ лѣсы оны проходитися унынія своего ради. Вшедъ же въ лѣсы оны, идяше просто забавляяся въ помышленіяхъ своихъ о приключившихся напастѣхъ онѣхъ, о нихъ же сказа ему рыболовъ: не узрѣвъ же пути предъ собою належащихъ ради травъ, впадеся въ яму, и ста на степени, и се паки узрѣ степени каменны. Пирръ же утвердивъ ноги своя по степенемъ онѣмъ, увидѣти хотя, что есть тамо? Сшедшу же ему съ лѣствицы оныя, и се внезапу изъ потаеннаго мѣста изскочи Царь Пелей, внука своего позна,

и объемъ его цѣлова любезнѣ, и зряще нань прилѣжно, мнитъ видѣти Ахиллеса: тако бо Пирръ отцу своему бысть подобенъ образомъ зрака. Сѣдшимъ же имъ и глаголющимъ о настоящемъ своемъ несчастливомъ обстоянiи, и се внезапу въ лѣсахъ оныхъ слухъ шума возгремѣ глаголющъ, яко сынове Царя Акаста въ лѣсы оны приходятъ на ловитву; и абiе Пирръ оставивъ дѣда своего, со многою скоростiю къ кораблемъ своимъ отыде, и пришедъ тамо, изыска нѣкую ветхую и весьма худую одежду, и облече на ся, и препоясався по ней мечемъ своимъ, сыновомъ Царевымъ во срѣтенiе изыде. Они же вопросиша его: ты кто еси?. онъ же падъ поклонися имъ, и воставъ абiе рече къ вопрошенiю ихъ: единъ есмь азъ, господине мой, отъ воиновъ Греческихъ, шествiе творю отъ Трои, въ бѣду же

истопленія впадохся, и съ сообщники моими, и погубихъ ту вся имѣнія моя, яже ношахъ; самого же мя крѣпцѣ волны морскія биша, и чрево мое отъ воды зѣльнѣ надмеся, и яко мертвъ извержень быхъ на брегъ мо́ря, и лежавъ часы довольны, никако же могохъ что сотворити, и по многомъ изблеваніи воды сланыя, юже отъ мо́ря глоташахъ, едва добрѣ оздравѣхъ. И се нынѣ нищъ и убогъ есмь, прошу по дворамъ, донелѣже пріиду во своя домы: вы же, господіе мои, аще имате что снѣдно здѣ, отъ того ми на пищу пожалуйте, они же рѣша ему, пребуди съ нами. Въ то же время елень нѣкій явися, ходя въ лѣсахъ онѣхъ, и абіе Менаплитъ отлучися отъ нихъ на гнаніе елена, брата же своего съ Пирромъ остави единыхъ. Полестенъ же сниде съ коня своего, и возлѣже на travѣ

хотя

хотя мало опочинути: Пирръ же нападе нань и уби его. Менаплитъ же егда возвратися отъ онаго еленева гнанія, Пирръ изыде во срѣтеніе ему, и уби его, и пріиде паки къ кораблемъ своимъ, идѣже въ красныя камчатыя ризы облечеся. И се Царь Акастъ въ лѣсы оны пріиде; Пирръ же паки пришедъ тамо, поклонися ему. Царь же абіе вопроси его: ты кто еси? Пирръ же отвѣщавъ рече ему: единъ есмь азъ, господине мой; отъ сыновъ Царя Пріяма Трояскаго, плѣненъ есмь отъ Трои, и веденъ бываю во Грецію подъ властію Пирровою. Паки же вопроси его Царь Акастъ: гдѣ же есть нынѣ Пирръ? Онъ же рече: Пирръ зѣло отъ морскихъ озлобленій утружденъ есть и приведши его къ той ямѣ, показа ему рукою на той погребъ, идѣже Царь Пелей крыяшеся. Акастъ

же Царь восхотѣ тамо приникнувъ посмотрѣти: Пирръ же абіе извлече мечь свой хотяше его убити. И се абіе внезапу явися ту Өетида, баба Пиррова, и Пирра крѣпцѣ емъ за руку ону, еюже мечь держаше, сице рече ему: любимѣйшій мой внуче; что помышляеши творити, лишивъ мя двухъ братій моихъ, дядей своихъ? и нынѣ ужѐ хощеши лишити мя Царя Акаста отца моего: Пирръ же отвѣщавъ рече ей: почто Царь Акастъ, отецъ твой, Пелея мужа твоего отъ царства его изгна, и не удоволився тѣмъ, на мене самого ловленіе смертное сотворити умыслилъ? И того ради да пріиметъ дѣлъ своихъ достойное возмездіе, и да впадется самъ въ я́му ону, юже инѣмъ лукавнѣ ископа. Ему же Өетида тако рече: ни, дражайшій мой внуче, да не сотвориши тако, но да поща-

пощадиши старость благородія его; нынѣ бо и животъ ему отнюдь горекъ есть, убійства ради сыновъ его. Тогда Пирръ рече ей: се ради моленія твоего отпущаю ему всю неправду его; и тако вложи мечь свой во влагалище. Сѣдшимъ же имъ вкупѣ, Царь Пелей, и Царь Акастъ, и Царица Ѳетида, и Пирръ, начаша бесѣдовати о царствѣ, и первѣе убо Царь Пелей рече: се убо азъ много время царствіемъ державы Ѳессалійскія наслаждахся, и нынѣ ужѐ старъ есмь, сына же наслѣдника царствію моему не имѣю, и никому же иному царствія сего скипетръ по правдѣ отдатися можетъ, токмо Пирру, любимѣйшему моему внуку. Такожде и Царь Акастъ сице рече: и азъ всяку правду на немъ полагаю, не токмо еже о царствіи Ѳессалійстѣмъ, но по смерти моей и своего царствія скипетръ вручаю

 ему,

ему, яко убо умершимъ сыновомъ моимъ, такожде наслѣдника царствію не имѣю: онъ же пощади живошъ мой, и помилова мя, дастойна суща смерти за неправду мою. И сице завѣщавше о царствіи возвратишася во градъ.

О смерти Пирровѣ.

Егда же пріидоша во царство Θессалійское, тогда Царь Пелей и Царь Акастъ облекоша Пирра во своя царскія утвари, и вѣнчаша его на царство, и скипетръ державы Θессалійскія ему вручиша, и Царемъ его прославиша, и вси людіе ему поклонишася, и присягу вѣрну ему сотвориша, и на престолъ царствія Пирръ сяде, отъ всѣхъ прославляемъ, и добрѣ царствуя, живяше со Андроменою Царицею, бывшею женою Гекторовою. Послѣди

слѣди же вознесеся сердцемъ, и безмѣрною гордостію тщеславяся, отъ благоразумія, яко же отъ тихаго пристанища, отлучися, и ко злоумію, яко же къ нѣкоему страшному треволненію, прибѣже, и стремленіемъ волнъ безумія своего погрузився, умре смертію смѣха достойною: образъ же безумія его сицевъ бѣ. Видѣ бо Пирръ въ нѣкое время Ермонію, жену Оресту, дщерь Менелаеву и Еленину, восхитився любовію на ню, и восхотѣ имѣти ю себѣ женою, и много о семъ тщашеся, како бы желаніе свое исполнити, и толико прилѣжаніе показа, яко ея восхитивъ, во свое царство отведе. Не по мнозѣ же времени возненавидѣ ю, понеже единыя Андромены любовію плѣненъ бяше, а о ней мало прилѣжаше, и того ради Ермоніи тяжко случися отъ Пирра. Пирръ же егда изыде отъ гра-

града своего, въ немъ же живяше, и иде во иныя своя грады потребѣ ради нѣкіихъ, тогда Ермонія время обрѣтше благополучно, пишетъ ко отцу своему Царю Менелаю, моля его, да пріидетъ къ ней, и Андромену Царицу и съ сыномъ ея смерти предастъ; мняше бо Ермонія убійствомъ ихъ Пирра въ любовь къ себѣ привлещи: сицево бо естъ скотолѣпное безуміе женское. Не сего бо ради ко отцу своему писаше, дабы ея паки отъ насилія онаго къ мужу возвратилъ, но ради сего, дабы пришедъ убійство сотворилъ, и прелюбодѣйство утвердилъ. Менелай же по словесемъ дщери своея пріиде къ ней, и хотѣ напасти оружіемъ на Андромену, и на сына ея: она же уразумѣвъ злодѣйственное умышленіе его, тече и съ сыномъ своимъ во множѣй скорости на улицу града, и высокимъ гласомъ

возо-

возопивъ, помощи людскія прошаше. Граждане же услышавше ю вопіющу, оружія своя пріемлютъ, и вооруженною рукою гонятъ Менелая; и тако Царь Менелай съ великимъ безчестіемъ отбѣже во свое царство. Орестъ же Царь за восхищеніе жены своея на Пирра тяжку злобу имяше; но умолчавъ во умѣ своемъ оную скрываетъ, и пути многіе взыскуетъ, како бы моглъ противенъ быти Пирру, и како бы жену свою къ себѣ обратити, и времени подобна искаше, еже и обрѣте образомъ сицевымъ. Егда Пирръ умысли пойти во островъ Дельфъ благодарити Аполлона за побѣду, юже щастливо получи во Трои, Оресту же се вѣдомо бяше; тогда Орестъ устроився съ воинствомъ своимъ изыде во слѣдъ его, и егда Пирръ оттуду возвращашеся во свое царство, нападе на него Орестъ съ великимъ

устрем-

устремленїемъ брани, и уби его, и вся воины его мечемъ посѣче и жену свою обрѣте и во царствїе свое обрати. Ѳессалїйскаго же царства людїе Лаомедонта, сына Гекторова, на престолъ царства Ѳессалїйскаго вѣнчаша Царемъ въ Пиррово мѣсто, и бѣ мужъ благъ, и правя царство Ѳессалїйское добрѣ, любимъ бысть зѣло отъ гражданъ, и Троянъ въ велицѣй свободѣ и чести имяше, и царство его во многїе роды простреся въ Ѳессалїи.

О пришествїи Уликсовѣ отъ Трои.

Не по мнозѣхъ же днехъ Царь Уликсъ нищъ и убогъ ко Царю Їдуменею Критскому прїиде. Царь Їдуменей о толицѣй нищетѣ Уликсовѣ удивився, случаевъ толикїя его нищеты вопрошаетъ у него? Уликсъ же ему вся случившаяся ему на пути повѣдуетъ, гла-

глаголя: азъ рече, о Царю! егда отъ Трои отыдохъ, велію поистиннѣ часть имѣхъ отъ богатствъ Троянскихъ, и по четыре дни здраво плыхъ. Въ пятый же день близъ девятаго часа возвѣя внезапу зѣло жестокъ и силенъ вѣтръ, яко ни въ малѣ могохомъ противитися ему, и вдахомся волнамъ, и аможе хощетъ вѣтръ несетъ насъ. Принесе же насъ той жестокій вѣтръ во островъ нѣкій зѣло великъ, въ немъ же царствоваху два брата Цари, единъ звашеся Стригонъ, а другій Сикаонъ, иже и нападоша на мя съ великимъ устремленіемъ во множествѣ воинства, и поставиша съ нами брань весьма жестокую, и много отъ воиновъ моихъ убиша, и того горши нападоша на мя два сына ихъ воини храбріи и зѣло убранніи, отъ нихъ же единъ звашеся Алиѳамъ, а другій Полиѳемъ, и толь лютѣ нападоша на воины моя,

моя, и сто убиша отъ нихъ, и самого изымаша, и Антенора Князя, обѣщника моего, и затвориша насъ въ нѣкоемъ городкѣ въ темницѣ лютѣй. Городокъ же той бѣ власти Полиѳемовы, въ немъ же и самъ живяше. Послѣди же онъ Полиѳемъ помилова мя, и много ми добра и чести показа, и корабли моя со всѣми богатствы моими повелѣ ми отдати, ничто же поистиннѣ земъ отъ нихъ, но вся цѣла предаде ми. Той же Полиѳемъ имѣ у себе чудныя красоты сестру дѣву, юже видѣвъ Антеноръ Князь, обѣщникъ мой, вельми пожела ея, и толико прилѣжанія и труда показа о ней, яко ея вземъ во свой корабль приведе. Мнѣ же отнюдъ не вѣдущу бывшаго, и се внезапу нощію самъ Полиѳемъ со множествомъ ѕѣло воиновъ пріиде къ кораблемъ нашимъ, и повелѣ обыскати ихъ, и абіе

обы-

ѡбыскавше обрѣтоша Полиѳемову сестру. Полиѳемъ же видѣвъ толику дерзость неправды нашея, измѣнися гнѣвомъ лице его, и тоя же нощи вооружися, и нападе на мя съ великимъ устремленіемъ, хотя всѣхъ погубити насъ. Азъ же настояхъ себе защитити отъ него, едино око ему исторгохъ, и со всѣми своими безъ пакости отыдохъ отъ него, и пучинѣ морстѣй вдахся; и понуди насъ паки вѣтръ во островъ нѣкій великъ пристати. Въ томъ же островѣ державствующе бяху двѣ Царицы сестры, того ѻстрова госпожи; едина же отъ нихъ Сирса именовашеся, а другая своимъ именемъ Калифа нарицашеся. Во ѻбласть же сихъ двухъ Царицъ вѣтръ мя принесе и не хотяща; и паки едина отъ сихъ, сирѣчь Сирса, моею любовію плѣнися, смѣсила питія обаваній своихъ, и толь безумнѣ

мя

мя къ себѣ привлече, яко годъ цѣлъ не бѣ мнѣ воли отыти отъ нея. Въ той же годъ Сирса бысть отъ мене непраздна, послѣди же и роди сына, и возрасте, и бысть мужъ зѣло бранноносецъ: азъ же паки о отшествіи своемъ пекохся, и хотѣхъ отыти. Тогда Сирса разгнѣвася жестоко на мя, и волшебствомъ своимъ задержати у себе хотяше, но и азъ сему довольно самъ быхъ наказанъ, противу хитростей Сирсиныхъ свою хитрость учинихъ, и толико хитрости моя превозмогоша волхвованія Сирсины, яко со всѣми своими Сирсѣ зѣло озлобленнѣй бывши, отыдохъ отъ нея невредимъ. Но убо что ми пользова оно отшествіе? пріидохъ бо въ землю Царицы Калиѳы, сестры ея, и она такожде обаяньми своими прихвати мя, и держала у себе лѣто едино и полъ, но то задержаніе не зѣло мнѣ до-

кучно

кучно было за красоту оныя Царицы, въ ней же чудно цвѣтяше, и за склонность великую, юже обрѣтохъ у нея, зане мнѣ самому и моимъ во всемъ благоугодити зѣло прилѣжа. Азъ же паки о отшествіи своемъ рекохъ ей; она же вельми зѣло разгнѣвася на мя, и крѣпцѣ волшебствомъ своимъ отягчи мя, яко едва мои хитрости противу ея хитростей дѣйствовати возмогоша, и тако отъ нея безбѣдно отыдохъ. Во островъ же паки нѣкій пристахомъ, и тамо разбойницы лютѣ зѣло нападоша на мя жестокими и немилостивыми и воистинну свирѣпыми душами, и половину воинства моего мечемъ посѣкоша, и кораблей моихъ половину отъяша, и едва самъ азъ съ оставшими моими корабли утещи возмогохъ, и паки по пучинѣ морстѣй вдахомся. Плавающимъ же намъ многое

время

время пріидохомъ на мѣсто нѣкое исполнено Сиренъ, яже суть чудовища морская въ пучинѣ плавающе глумятъ. Сіи бо Сирены, отъ пупа въ верьхъ бяху образы дѣвичьи зѣло благообразни, отъ пупа же въ низъ бяху рыбы: гласъ же пѣнія ихъ толико красенъ бяше, яко егда его услышатъ плавающіи человѣцы, вси плѣняются сладостію пѣнія ихъ, и себе самыхъ отнюдъ забываютъ, и своя вещи, и въ томъ забвеніи ихъ слова своя отлагаютъ: таже и сонъ нѣкій дивенъ нападаетъ на нихъ, имъ же крѣпцѣ уснутъ, отнюдъ себе не помняще. Сирены же они егда ощутятъ ихъ спящихъ, тогда множество ихъ собравшеся, корабли ихъ опрометываютъ и топятъ; въ таковыя бо мы Сирены впадохомъ, и хитрость сію сотворихъ противу ихъ сладкаго и пагубнаго пѣнія сицевымъ образомъ. Мой

слухъ

слухъ заткохъ, и главу крѣпцѣ обязахъ, яко никакоже ми бѣ отнюдъ мощно слышати пѣнія ихъ, такожде и всѣмъ сотворити повелѣхъ, и тѣмъ совершенно избавихомся ихъ, и болѣе тысящи убихомъ отъ нихъ, и то мѣсто благополучно прейдохомъ. Во островъ же нѣкій пустъ приставше, и тамо мольбище нѣкое ветхое обрѣтохомъ, въ немъ же капище нѣкое чудно стояше, и отвѣты просящимъ даваше. Азъ же тамо о многихъ вещахъ вопрошеніе творяхъ, между же сими вопрошеніями и о семъ наипаче увѣдѣти желахъ, что убо нашимъ душамъ по изшествіи отъ тѣлесъ нашихъ будетъ? О всѣхъ убо вопросѣхъ моихъ совершенны отвѣты пріяхъ, кромѣ члена душевнаго, о немъ же ни единаго отвѣта возмогохъ получити; и тако оттуду отыдохъ и пучинѣ морстѣй вдахся, и

впадохъ въ ру́ки Наула Царя, иже ради смерти Паламида, сына своего, ненавистїю жестокою гоняше мя, и нападши на мя, половину воиновъ моихъ мечемъ изсѣче; самого же мя срамнѣ повѣсити хотяше, послѣди же помысливъ самъ отпусти мя. Отшедшу же ми оттуду впадохъ такожде въ ру́ки Теѳусера Царя, иже для смерти Теламона, брата своего, гоняше мя, и поимавъ мя въ темницу заключити не повелѣ, но бѣхъ за стражею, и нощїю избѣгохъ тайно къ кораблемъ моимъ. Оттуду паки отбѣгше, пучинѣ вдахомся, вѣтръ же насъ восхити зѣло великъ и крѣпокъ, и не возмогши ему сопротивитися, пустихомъ корабли наша аможе несетъ насъ дыханїе вѣтра. Принесе же насъ вѣтръ онъ ко острову нѣкоему зѣло велику, идѣже обрѣтохомъ дивна язы́ка мучителя, иже и нападе на мя

со всякою лютостію злобы своея, и вся оставшаяся моя воинства немилостивнѣ мечемъ посѣче, самого же мя емъ въ жестокія темницы заключи, и держаше мя тамо затворенна много время, послѣди же отпусти мя, и ничесоже ми отдаде отъ моихъ вещей. И того ради, о Царю! учинихся нищъ и убогъ, якоже нынѣ зриши мя. Царь же Идуменей слышавъ сія, наипаче удивися зѣло толикимъ несчастливымъ случаямъ, ихъ же претерпѣ Уликсъ Царь, и для его благородія и великаго разума спомоществова ему, и даде ему корабли обремененны всякими брашенными обиліи: къ тому же даде ему злата и сребра довольно, чѣмъ дойти ему во свое царствіе, и тако въ радости отпусти его, и отыде. Слышавъ же Теламонъ, сынъ его, пришествіе Уликса Царя, отца своего, изыде во срѣтеніе

его, и возвѣсти ему вся, яже о царствіи, и како обиду Царицѣ наношаху вельможи его. Егда же Царь Уликсъ пріиде во царство свое, и срѣте его Царица во мнозѣ веселіи и радости, и сказа ему вся, како обиду творяху ей безъ него вельможи его; тогда Уликсъ нощію наступи на домы вельможъ своихъ, и крѣпцѣ испытавъ ихъ, повелѣ винныхъ казнити. И тако умиривъ царство свое добрѣ, царствова до дни смерти своея. Конецъ же житія его образомъ сотворися сицевымъ.

О СЫНѢ, И О СМЕРТИ УЛИКСОВѢ.

Уликсъ же добрѣ во царствіи своемъ царствуя лѣта нѣкая по пришествіи своемъ изъ Трои, и въ здравіи и въ веселіи пребы-

вая,

вая, и се внезапу во едину отъ нощей видѣ сонъ ѕѣло страшенъ, и ужасеся духъ его, и вельми восстрепета сердце его. И абїе вскочи отъ постели своея, и повелѣ призвати къ себѣ мудрыя волхвы своя, и возвѣсти имъ видѣнїе сна своего, глаголя: мняшеся мнѣ быти на нѣкоемъ велицѣмъ полѣ, и зряшеся мнѣ тамо нѣкїй образъ божественъ, въ руцѣ своей имущъ копїе ѕѣло остро и свѣтло, яко вода блещащаяся. Егда азъ хощу приближитися къ нему, и объяти, и онъ удаляшеся тогда; азъ же многажды покусихся приближитися къ нему, и паки удаляшеся. Тогда азъ рекохъ къ нему: стани, молю тя, да соединюся съ тобою. Онъ же отвѣщавъ, рече ми: о коль зло есть прошенїе твое, яко просиши, да соединюся тебѣ; не вѣси бо, яко единъ сего ради умретъ. И егда сїя услышаша волхвы, рѣша

 ему,

ему: о Царю! добрѣ да вѣсть благородїе твое, яко сей сонъ твой знаменуетъ ти, яко отъ сына твоего имаши умрети, или въ заточенїе засланъ быти, а не можетъ инако се быти; се бо есть самое доброе разсужденїе сна твоего. Тогда Царь Уликсъ Теламона, сына своего изымати повелѣ, и твердо блюсти, и ни куда его не испущати, ниже къ нему оставити кого приходити. Самъ же повелѣ окрестъ своего царскаго дому стѣну каменну поставити, и подлѣ стѣны оныя абїе рвы велики ископати, и плинѳами оградити, и чрезъ той ровъ мостъ крѣпокъ устроити! по конецъ же моста онаго башню велику каменну повелѣ поставити, и въ ней вѣрнымъ своимъ воинамъ и крѣпкимъ оружникамъ нощїю и днїю непрестанно быти, надъ ними же нѣкоего мужа,

чудна

чудна воина и зѣло ему вѣрна, въ непрестанное назирательство постави, и крѣпцѣ наказа его; да ни единаго мужа чрезъ той мостъ безъ повелѣнія Царскаго прейти оставитъ. Тако бо крѣпцѣ Уликсъ устрои ону стражу; самъ же изъ дому своего никаможе исхождаше, бояся Теламона, сына своего. Еще же Царь Уликсъ имяше у себе другаго сына, именемъ Телагона, отъ Сирсы Царицы рожденнаго, о ней же выше речено бысть. Той же Телагонъ бяше возраста своего пятинадесять лѣтъ, и часто вопрошаше матерь свою; чей бѣ онъ сынъ, и кто есть отецъ мой, возвѣсти ми, госпоже моя, да увѣмъ истинну, и гдѣ живетъ, да разумѣю ясно? Она же долго отрицашеся ему повѣдати, не вѣмъ чесо ради, зане или срамляшеся, или сего ради, да не оставитъ ея. Онъ же крѣпцѣ о семъ

 прилѣ-

прилѣжаше, вопрошая ея; да возвѣсти ми, рече, дражайшая моя мати, пресвѣтлая Царице, да не смущаюся духомъ, и не сокрушаюся печалію, и твоему благородію къ тому да не стужаю о семъ. Она же видѣвъ его о семъ бывша въ велицѣй скорби, уны жалостію сыновнею, и сказа ему отца быти Царя Уликса Ахайскаго, возвѣсти же ему и о мѣстѣ, гдѣ живетъ Уликсъ. Онъ же егда слыша сія, вельми радостенъ бысть, и зѣло возгорѣся духомъ, отца своего хотя видѣти, и крѣпцѣ моляше матерь свою, да отпуститъ его видѣти Уликса. Видѣвъ же Сирса толикое желаніе его, пусти его ко отцу; онъ же веземъ съ собою нѣколико юношъ, и цѣловавъ матерь свою, пойде въ путь свой, и толь долго шествуя, тщашеся по странамъ, донелѣже въ желаемыя предѣлы царства Ахайскаго пріиде,

и

и во градъ вниде, и приста во входѣ моста предреченнаго, идѣже стражїе Уликсовы стояху, здравїя его блюдуще, и восхотѣ чрезъ той мостъ прейти, и возбраниша ему стражїе. Онъ же моляше ихъ, да волею прейти ему ко Уликсу дадутъ; они же не послушаху его, но паче и досаждаху ему. Настоитъ Телагонъ умильными прошенїи, а они отвергаютъ его, и обидно и сильно погнѣтаютъ; и сего ради Телагонъ наносимыхъ ему обидъ терпѣти не могїи отъ стражей онѣхъ, единаго отъ нихъ удари кулокамъ толь сильно, яко мертва повергъ его на землю. Се же видѣвше прочїи стражїе, абїе оружїя своя прїемлютъ, и на Телагона нападаютъ со многою яростїю. Телагонъ же отъ единаго ихъ силою мечъ изъ рукъ исторже, нападе на протчихъ, и пятьнадесять отъ

нихъ воиновъ уби, и въ ровъ низверже. Вопль убо велій воспа о смерти убиваемыхъ, и брань крѣпцѣ умножашеся. Слышавъ же вопль той самъ Уликсъ возстаетъ вскорѣ, мня, яко отъ рабъ Теламоновыхъ нѣкто на присныхъ его стражей наступи, и сего ради спѣшно съ нѣкоею стрѣлою на вопль скоритъ, и притече къ мѣсту брани, и се зритъ воиновъ своихъ убиваемыхъ отъ юноши ему незнаема, и испусти стрѣлу свою нань, но не вреди его; вооруженъ бо бѣ. Телагонъ же восхитивъ туже стрѣлу падшую на немъ напряженіемъ жесточайшимъ возврати на Уликса, и стрѣлою оною все тѣло его изры; не вооруженъ бо бѣ Царь. Уликсъ же отъ пораженія онаго на землю паде, и востати не можаше; вопль же велій и смятеніе зѣльно воста въ людехъ, и плачь великъ умножися о язвѣ

царстѣй.

царствій. Телагонъ же видѣвъ толикое смятеніе и плачь, вопроси гражданъ: возвѣстите ми, жестоцыи и немилостивіи людіе и враждотворніи поистиннѣ человѣцы, почто смятеніе сіе великое и плачь воста въ васъ? и кто есть онъ мужъ, иже стрѣлою пораженный паде. Они же рѣша ему, яко той самъ Уликсъ есть. Сіе же слышавъ Телагонъ, поверже оружіе свое на землѣ, и крѣпцѣ возопивъ отъ великія горести руками лице свое біяше, и власы главы своея рваше, и притекши ко Уликсу, при ногахъ его себѣ простре, и высокимъ гласомъ вопіяше, глаголя: о горе мнѣ странному, дражайшій мой отче, преславный Царю! пріидохъ бо, видѣти хотя въ радости лице пресвѣтлаго твоего благородія, нынѣ же вмѣсто радости печаль пріяхъ неутѣшиму. Азъ бо есмь неблагочестный Телагонъ, его же ты,

любимѣйшій отче, отъ Сирсы Царицы родилъ неблагочестнаго; вина бо быхъ смерти твоей царствѣй. Уликсъ же утѣшаше его словесы, имиже можаше, и часто объемляше его цѣлуя. Теламонъ же паче на плачь преклоняшеся, и рыданіе умножая, слезами нóги отца своего омываше. И се Телемакъ, сынъ Царевъ, пріиде, ища Телагона, дабы ему отмстити за убійство отца своего. Уликсъ же словесы и помованіемъ запрещаетъ Телемаку, да не вредитъ его, но яко преискренняго и любимаго брата его къ тому да имать. Телагонъ же рече: остави его, отче, да убіетъ мя; не воздвигну бо руку мою нань, яко единицею азъ повергохъ оружіе мое; и къ тому не пріиму его, яко отцеубійца есмь, и лучше ми есть, дражайшій мой отче, мертву быти, нежели отцеубивателемъ слыти.

Слышавъ

Слышавъ же Телемакъ умиленные Телагоновы глаголы, всю вражду свою абїе отложи, и преискреннѣ обемъ его, радостнѣ цѣлова. Ведется убо Уликсъ во своя царскїя палаты язвенъ, ему же сынове его Телемакъ и Телагонъ послѣдуютъ плачущеся, и приведше его на одрѣ царскомъ положиша, идѣ же Уликсъ три дни болѣвъ умре; сынове же его Телемакъ и Телагонъ честїю царскою погребоша. По смерти же Уликсовѣ, сынъ его Телемакъ воспрїя царство отца его, и на престолѣ Ахайстѣмъ сяде царствуя, и брата своего Телагона великою честїю почитая, и держа его у себе лѣто едино и полъ, въ радости и въ веселїи велицѣмъ. А егда Телагонъ восхотѣ отыти къ матери своей во царствїе ея; тогда Царь Телемакъ, братъ его, великими и многоцѣнными царскими дары одаривъ его

 отпу-

отпусти. И самъ Телемакъ Царь далече отъ града его проводи, и во множествѣ слезъ прощенїе сотворше, разыдошася во своя царствїя.

Многая поистиннѣ и долгая поприща словесъ настоящая сїя исторїя прейде, и до здѣ путешествїемъ своимъ достигши умолча.

Воевахуся лѣтъ десять и мѣсяцевъ шесть. Отъ Грековъ было подъ Троею воинства 806000, сирѣчь, осмь сотъ и шесть тысящъ.

Троянъ же ратующихъ, иже на защищенїе града Трои ополчахуся 670000, то есть, шесть сотъ и седмьдесятъ тысящъ.

Имена Царемъ и Княземъ, кто отъ кого побїени суть.

Гекторъ уби Царя Протезилая, Царя Патрокла, Царя Мереона, Царя боетеса, Царя Артилога, Царя Протенора, Царя Умероса, Царя Ортонома, Царя Епистропа, Царя Седея, Царя Алпинора, Царя Динора, Царя Ѳилиса, Царя Ксантиппа, Царя Мемнона, Царя Ерипола, Царя Гастида, Царя Политена, Царя Леохида.

Парисъ уби Царя Ѳатрїйскаго, Царя Артилога, и Ахиллеса, и Паламида, Греческаго воеводу, и Царя Аякса. Аяксъ же уби того Париса, зане оба между собою отъ ранъ падоша.

Енея уби Анѳимака Царя, и Царя Нерея.

Полидамъ уби Царя Селида, и Царя Мерея.

Ахилесъ же уби Царя Сузимїя, Царя Иппона, Царя Феба, Царя Аустера, Царя Лигона, и Гектора, и Троила, и Царя Мемнона.

Паламидъ

Паламидъ же уби Сигамона, брата Царя Мемнона, и Деиѳеба, сына Царя Прїяма, и Царя Сарпедона.

Пирръ же уби Царя Прїяма, и Царицу Пантазалею.

Дїомидъ же уби Царя Ксантиппа, и стрѣльца дивнаго вида, иже въ низъ бѣ конь, а въ верхъ человѣкъ.

Троя великая создася въ лѣто Аода, судїи Израилева, и стояше лѣтъ сто и осмьдесятъ

А конечнымъ раззоренїемъ паде въ лѣта Давида, Царя Израилева.

ОГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр:

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Тойже

Оглавленіе.

водящих

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр:

О

ОГЛАВЛЕНІЕ.